

Valentin
Gurzhi

Вариант

Г
Д
Р

Криминала

DOBRYNI

Валентин Гуржи

Вариант для криминала

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18347772

Аннотация

В жизни главного героя было все – и любовь, изуродованная культом личности, и гениальность ученого, запертая в тюрьме государственного масштаба, и семья, претендующая на безбедное существование, и творчество, ограниченное политическими репрессиями, словом... было все, кроме... счастья. Обычного Человеческого Счастья. И все же было то, чего невозможно отнять: у Любви – яркая, сильная любовь, хоть и обреченная; у Творчества – надежда на Свободное будущее...

Валентин Гуржи

Вариант для криминала

Роман

Было бы причиной

сожаленья

торговать, как товаром,

Возвышенным Учением

Мудрецов

Москва, Научный Совет

Прощаясь с Москвой, он никогда не брал с собой попутчиков.

Если рассматривать связь информации и время, то все, что лежит в основе его с

Робертом методики Совершенства Разума и все повлекшее за этим, исподволь принуждает

к пересмотру уже разработанных «Практических пособий» для развития

сверхчеловеческих способностей. Эта мысль ввергала его в смуту. Да что там смута! Она,

эта мысль, придя неожиданно, сейчас, накануне отъезда, выбивала из-под ног творческую

способность и уверенность, отравляла ему жизнь. Она ехидно нашептывала новые вполне

реальные возможности человеческой природы, склонной к наслаждению садомазохизма,

точнее – стремящейся к подавлению личности грубой си-

лой, в первую очередь – террором.

В последнее время, задумываясь над некоторыми фактами, он вдруг сделал вывод, что человечество буквально проваливается в пропасть жестокости. Работая над открытием, возбудивший резонанс в мировой науке о реальной возможности сделать человека совершенным, способным предотвратить катастрофу, угрозу войны, излечить любую болезнь, не соприкасаясь с какими-то бы ни было материальными средствами, – Назаров то и дело натыкался на белые пятна генетического порядка. Что-то его настораживало и тормозило работу. Безусловно, опыт ему помогал отбрасывать второстепенное, что могло бы помешать правильному завершению основного... Теперь же он невольно искал источник, по причине которого опять (в который раз!) он приходил к мысли о сомнительном завершении идеи. Может быть, это исходило от Роберта Корнева, его коллеги, с которым он более пяти лет работал над проблемой. Роберт изредка высказывал по поводу своих же версий не очень лестные мысли. Он говорил примерно о том же. О времени меняющей информацию, о гаметах – мужских и

женских половых клетках,
способных по И. Земану веками сохранять колоссальный
объем информации до тех пор,
пока не произошло зачатие, и не начался процесс разви-
тия зародыша. И если
предположить, что информация гамет определенного
субъекта несет агрессивную
родословную, то можно себе представить что и кто выраст-
ет из новоявленного потомка!

Не значит ли это, что весь их труд, все сделанное ими мо-
жет оказаться в будущем
сумасбродной идеей. И еще не дай Бог – социально опас-
ный, подобно открытию цепной
реакции урана для двадцатого века... Выходит, ты про-
зрел, для того чтобы поучать Мир.

Может быть...

Может быть, нечаянно брошенная кем-то из коллег по те-
ме фраза, суррогат
нераскрытой мысли, теперь вносит неотвязную смуту. А
ведь то, во что мы верим,

1

становится реальностью. Что это – то, что заложено судь-
бой? Или предрешено силой
твоего сознания? Где же тогда предшествующие призна-
ки?

– Если ты этого не видишь, то не значит, что его нет, –

произнес он вслух, будто рядом
идущему собеседнику для большей убедительности.
– Люди запоминают самое явное и часто встречающееся, –
мысленно получил он ответ,
– но далеко не все верно распознаваемое...
Кто знает! Но эта мысль, если она не имела плоти, все ча-
ще сейчас раскрывала себя,
обрастая мясом, в другом, более ясном облике, и трево-
жила, и беспокоила. Чем ближе
поездка в Америку на Всемирную конференцию по Био-
энергетике, тем все настойчивей
стучится в его сознание эта опасная и справедливая
мысль. Мысль, которую теперь не
было времени раскрутить.
Назаров шел прогулочным шагом, как всегда он делал пе-
ред долгосрочной поездкой в
Miami, словно прощался с Москвой, где родился, где всю
жизнь проживали его родители,
дедушки и бабушки. Он никогда не брал на свой ритуаль-
ный марш ни знакомых, ни
близких. И те, и другие, как ни хитри, отвлекали, а это не
давало сосредоточиться, мешало
прочувствовать близость родного дома – теплый асфальт
под ногами, выбоины на них,
телефонные будки, скверы, магазины, кинотеатры, это яр-
кое июньское небо, в общем –

все, на чем вырос Назаров с первого своего сознательного шага. Может ли он, мы все люди, разорвать эту связь своего внутреннего с внешним? Потерять, чтобы потом, жалея о содеянном, не найти, и страдать до конца своих дней. Мы живем в мире прелестей, и ценить их нужно с божественной бережливостью. Его ритуал по Беговой не выносил попутчиков. Вот уже и стадион «Юных пионеров», справа пошли серые жилые дома, где в сороковых жили писатели. На доме доска: «Советский писатель Борис Горбатов»... Потом возник магазин «Молоко», куда мальчишкой бегал за молоком и кефиром по жесткому правилу родителей. Возраст постарше оставил в памяти дефицитные грязно-коричневые галоши. Он их покупал для себя и своих уже постаревших родителей в магазине «Обувь». Помнится, еще сразу после войны сорок первого это были черные, блестящие на байковой подкладке нарядные галоши. Держа их в руках, хотелось понюхать заманчивый запах и попробовать на вкус. Голодное было детство... Назаров взглянул на часы, оставалось еще немного времени, чтобы успеть на заседание

Ученого Совета, который собирался в малом зале «Лектория». Туда, как договорились, придет из Харькова его друг и соавтор Роберт Корнев.

*

За зеленым столом заседаний пять человек: председатель, Назаров, Корнев и два зарубежных пожилых гостя. Пока собиралась и усаживалась публика в зале, друзья нескладно расспрашивали друг друга и делились новостями.

– Меня все чаще затрагивает твоя фраза, Роберт, – произнес вполголоса Назаров, – помнишь, что ты сказал?

– Это в отношении информации и времени половых клеток, в гаметах? – Роберт

внимательно обвел друга взглядом. Стекла его очков, как бы импонируя хозяину, злорадно

блеснули висящей над потолком огромной серебристой люстрой, тонкой стрелкой кольнули Назарову зрачки.

Роберт, собираясь с мыслями, по-мальчишески заморгал ресницами. Заметней

обозначилась плешь на его голове. Теперь Назарову Роберт представился с лицом

Плейшнера перед своим роковым шагом в Швейцарии...

– Знаешь, Володя... Выкинь из головы весь мой бред. Ты

меня знаешь давно... Я боюсь

своих мыслей. Они не раз портили людям жизнь. Пусть плохим людям... не в этом дело.

Но мысли мои. А это плохо. Для меня. Я их боюсь. Так что выкинь из головы. Сейчас не

вовремя. Тем более – перед твоей поездкой...

– Постой, приятель! Что ты несешь? Не моей, а нашей поездкой.

2

– Нет, Володя. Я не еду. Меня не пускают.

Назаров, растерянно оглядел лицо друга, тихо переспросил:

– Как это не пускают?! Кто не пускает?

– Кто... – Роберт отвлеченно глянул в зал, – известные нам органы. Я, видите ли,

работаю в военном ведомстве. Засекречен я, – добавил он зло.

– Так и сказали?

– Так и сказали.

– Вот идиоты! – вырвалось у Назарова. – Завтра у меня с ними рандеву. Посмотрим. От

меня они не отвертятся. Я им устрою позор на всю Россию. Меня можно остановить

только физически.

– То есть? – настороженно спросил Роберт. – Убить?

Назаров рассмеялся:

– Это ты подумал, или просто сказал для смеха?

Роберт не внял шутке, его лицо помрачнело еще больше, и он ответил вполне

осмысленно:

– Нет, Володя. Не подумал. Теперь я с этим обращаюсь поосторожней. Не волнуйся.

Забудь мои придирки о гаметах. В Мiami это тебе только повредит, – Роберт откинулся на спинку стула, снял очки, принялся протирать их лоскутом замши.

Роберт знал вспыльчивую натуру Назарова. Только бы не наломал он дров. Его

напарник вполне способен выдвинуть ультиматум в представительстве КГБ. Упереться рогом.

– Постараюсь, Корнев, – задумчиво проговорил Назаров. Затем, прикрыв веки, добавил,

– завтра там поговорим... Ой, как поговорим! Либо так, либо никак.

– Ты в своем уме? – вскинулся Роберт. – Черт! Я только об этом подумал, а он тут же!

Соображаешь, что говоришь? Хочешь загубить наш многолетний дьявольский труд?!

Назаров с тоскливой укоризной глянул на Роберта, но сделав усилие, сбросил с себя

недовольство и без деликатностей тут же перевел стрелку

на более мирную тему:

– Как дома, Женечка?

– Нормально, – еще не успев остыть, машинально ответил Роберт.

– Вы у меня в моей памяти, как молодожены, – добавил Назаров, словно за что-то оправдываясь.

– Да, уж, – скупно улыбнулся Роберт, вспомнив, что последний раз Володя был у них на день рождения Евгении.

– А тесть твой, Георгий Яшуткин... Как он? Чем занимается? Работает? Известная личность...

– Обыкновенная, – отмахнулся Роберт.

– Я бы не сказал. Не так уж много у танка Т-34 главных конструкторов, – наступал

Назаров. – Как он себя чувствует? Работает?

– На пенсии. Занимается садоводством.

– Да, я помню. Это его любимое.

– Заведует музеем на заводе имени Малышева, – остыв немного вяло добавил Роберт. –

Ты же был у него на экспозиции.

– Был. Грамотный мужик! А дети твои приходят в гости?

– Сын приходил несколько раз. Только сын...

Роберт неохотно и односложно отвечал, только бы не обидеть друга. Он понимал, что

Назарову нужно было сменить тему. Это сейчас важней. И ему это, кажется, удавалось.

В зале резко затих людской говор. Председатель встал, внимательно окинул присутствующих.

– Мы здесь собрались, друзья, в очередной раз, как вам известно, обсудить очень

важную работу наших уважаемых коллег, профессора Назарова Владимира

Александровича и исследователя Роберта Корнева. У нас в гостях представитель

3

Института Исследования Разума в Блу Ридж, штата Верджиния, Достигший высшей

степени лхарамба по буддийской метафизике, Норбу* Нгагван...

Старец тибетской наружности, с сизовой бородкой среднего роста привстал, сомкнув

возле груди кисти рук, с достойной медлительностью едва заметно преклонил голову.

– И Доктор наук Оксфордского университета, Вольберг...

Доктор с места молча наклонил голову.

– Краткий проспект многие из вас получили на прошлой неделе, надеюсь, все

ознакомились с новой редакцией и новым изданием, уже

окончательным. С этим багажом

наши ученые на днях уезжают в Miami на конференцию Биоэнергетики. Для нас, для

Академии Наук СССР, как и для всего советского народа, это большая честь, это

поднимает наш научный авторитет в глазах людей всего мира в ведущих государствах

планеты. Это огромный, я бы сказал, шаг на пути к строительству коммунизма у нас в

стране. Я хочу, чтобы все высказывались по списку и придерживались регламента.

Началась обычная полемика скептиков и оптимистов. Как будто это что-то могло

изменить в намеченном и уже решенном. Выражали сомнения в отношении

преемственности субъекта с неблагополучной родословной. О том, что наследственные

установки, пришедшие с рождением, могут встретить при инициации Практического

пособия серьезные противоречия, что в традиционной медицине называется сшибкой. Как

уживутся две несовместимые информации в подсознании субъекта?

– Практикующий йогин, в том случае, если карма его чиста, достигает своего

совершенства независимо от установок прошлого, – вы-

сказал свою завершающую речь

доктор Воль Берг.

После его слов в зале инициатива несколько спала. Но поднялся Норбу Нгагван. Его

движения были неторопливы и торжественны. Поклонился в обе стороны зала с

сомкнутыми ладонями возле груди и сказал:

– О, Благороднорожденные! Мне есть вам что сказать.

Ваш путь – через учение

Победителей в Истине. И это благородное деяние само по себе уже священо. Оно

предназначено явиться в наши трудные дни с вашей помощью на Землю. Да обретут все

существа, блуждающие в Сангсаре, покой в сфере Ясного Света! Вы, господа ученые, на

верном пути, да будет вам в помощь сопутствовать порожденная Бодхичитта! – он

поклонился и степенно сел на место.

– В чем корень зла, товарищи? – одиноко рассеяно прозвучал безликий голос из

глубины зала.

На лобовой вопрос никто не ответил.

Присутствующие еще минуту осмысливали услышанное. Постепенно нарастал

обсуждающий ропот и в этот, еще не известно чем завершающий момент, сорвался с места

растрепанный среднего роста и возраста мужичок в затасканной больничной пижаме.

Лицо у него было встревоженное, казалось, до предела, глаза бегали. Он быстро поднялся к президиуму и, остановившись на краю авансцены, сходу начал:

– Корень зла лежит в наследственном генотипе, господ. Да-да – господ, а не товарищи. Вы любезнейшие, есть «Господа». С большой буквы. Господа, в руках которых судьбы людей Планеты. Вы – те, которые могут загубить или спасти мир. Вас используют, господ. Вы не имеете право быть в стороне от политики! Посмотрите, чем играют дети агрессивных народов – взрослым боевым оружием: пистолетами, автоматами... Это у них в крови от родителей и дедов. В истории Земли не существует более опасного оружия против человечества, чем антиприродное идеологическое перерождение общества. Оно опаснее любого бактериологического, оно не оставляет места ни для побежденных, ни для победителей. В его основе – сверхсознательные установки заинтересованной стороны, довлеющие над человеком всю его жизнь. Из поколения в поколение эти установки плохо

изменяются и очень медленно ослабевают, оздоравливая общество. А я уверен, что они наоборот – еще более ожесточаются, растут не в арифметической, а в геометрической прогрессии.

4

– Что вы этим хотите сказать? – недоуменно прервал его Назаров.

– А то, Владимир Александрович...

– Мы знакомы?

– Еще и как! Даже давно. Я давно слежу за вашими гениальными исследованиями по

всем искаженным статьям нашей прессы. И хочу вас, Назаров, предупредить. Вас ждет та

же судьба, что постигла меня... – он демонстративно оттянул пальцами отворот пижамы.

– Позвольте, – лицо председателя покраснело от негодования, – это что, угроза? Кто вы?

Не выдержав удачной возможности разрядить обстановку, кто-то в секундной заминке

бросил досадную шутку:

– Демон случайного абсолютного зла, орудие слепого рока!

– Да, господа. Это мягкая угроза. Это угроза Назарову, гениальному ученому, вам, коллеги, мне... всем добрым людям Земли.

– И что же вы предлагаете, господин?..

– Называйте меня Сабуровым. Мне это имя очень идет.

Так меня называют там... откуда

я пришел. Предлагаю... Мне нечего вам, Владимир Александрович, предложить, кроме

одного – откажитесь от поездки на конференцию в Miami и подальше спрячьте свое

открытие. Лучше сожгите. Пока ваш гениальный труд не попал в плохие руки. Ибо то, что

заложено в вашем «Практическом пособии» и есть сверхустановки. Способ их внедрения

любому, кто захочет, доступен.

– И что в том плохого? – снова прозвучал чей-то голос из зала.

– Плохо то, товарищ тугодум... извините... что человек с установками агрессии –

больной манией подавления личности... – в зрачках его промелькнул страх, – не природная

ли это основа идеологии Дья... – он запнулся, его глаза остановились, на ком-то в начале

зала. – Вот они! – выбросил вперед он руку в сторону двух накаченных коротко

стриженных молодых мужчин, стоящих по обе стороны входной двери – вот они,

посланники Дьявола! Они пришли за мной, господа ученые. Но они опоздали. Я вам

доложил, что должен был... – он бросился за кулисы и исчез так же неожиданно, как и появился.

В зале минуту стояла напряженная тишина, потом встал председатель, коротко сказал, что, в общем-то, тема исчерпана, не смотря на некоторые шероховатости обсуждения.

Назаров шел к выходу, не замечая Роберта, с тяжестью не столько от неподвижности в онемевших суставах, сколько от чего-то навалившегося еще непонятого, огорчительного.

Голос, но скорей смысл и огромный подтекст высказанного сумасшедшим ученым

Сабуровым, повис над идеей, которой он и Роберт посвятили многие годы. Он просто уничтожал весь их труд. Он просто тонко издевался над благородными мыслями и желаниями авторов идеи. Да только ли это! Он просто угрожал, как выразился

председатель, угрожал угрозой не выступавшего, угрожал угрозой того, что заложено в их с Робертом открытии. Он предупреждал...

Выходя из Лектория, Назаров, сощурился от яркого солнца. Стояло ласковое беззаботное лето. Свежий воздух отрезвлял голову, очищал сознание.

– Роберт, мне очень хочется сейчас пойти с тобой ко мне домой, посидеть, немного расслабиться. Моя Нинон по тебе соскучилась. Она говорила... В общем, пойдём?

Роберт не возражал. Он с радостью приобнял друга за плечи, и они повернули к перекрестку.

Совсем недалеко от проезжей части собрался народ. Обступили лежащего на асфальте человека. Любопытных оттесняла только что прибывшая милиция. Назаров и Роберт

протиснулись поближе. На асфальте у края бордюра недвижимо лежал с окровавленной головой человек в пижаме. Это показалось нереальным.

– Как это произошло? – машинально спросил Назаров у милиционера, грубо рукой толкающего его в грудь.

– Проходите, товарищи! Проходите! Что вы уперлись? Интересно? Не видел живого мертвеца? – старшина жестко уперся взглядом в лицо Назарова.

5

– Это не мертвец, – так же автоматически проговорил Назаров и показал Роберту пальцем на лежащего в искаженной позе мужичка, несколько минут назад выступавшего с

авансены. – Это Сабуров!

– Вы его знаете? – спросил настороженно сержант. – Его сбила черная «Волга».

– Нет. Просто... он нам напомнил одного приятеля. Только что выступал на Совете...

Старшина внимательно посмотрел на Роберта и Назарова.

– Да, – односложно подтвердил Роберт.

Но старшина ничего не сказал, отошел к подступающей новой волне зевак.

К метро шли молча.

Происшедшее походило на рок.

Предупреждение всегда вначале носит характер намека.

Если с первого раза не

поймешь, судьба предоставит тебе еще один шанс. Не поймешь во второй раз, оставит

третий, последний. Но это будет уже последний...

О чем думал по дороге домой Назаров? О чем думал Роберт, идя рядом и не замечая друга,

к нему в гости? Бог знает! Но они шли спокойно, словно не видели только что сбитого

машиной Сабурова с обезображенным лицом валяющегося у края бордюра. «А ведь он

был нашим коллегой. И погиб, может быть, чтобы подтвердить сказанное на личном

примере»... – подумал Назаров, нажимая кнопку звонка своей квартиры и пропуская

вперед Роберта навстречу улыбающейся супруге.

Лубянка

Остается за спиной...

Уходят из памяти, тускнеют страстные фрагменты излияния человеческого ужаса и животного страха. Великое наслаждение с каждой минутой ограничивается машиной нового времени. Связываются неожиданно возникшим в сознании людей прозрением освобожденного взгляда, будучи замкнутого в железном вакууме железной рукой Инквизитора. Что-то ушло, что должно было уйти в свое время, что было причиной и завершилось логическим следствием. Оно имело свой природный срок, но оставило дозревать главному, что придет потом, не скоро, отдав ему всю свою энергию. Досадно закончились экстазные оргии Великого Последователя Маркиза Де Сада. Похоже, уходит в дремоту основной человеческий инстинкт, движущая сила человеческой природы, отрицаемая нравственностью идеального Чудака – наивного и смешного. Как же можно не знать простого: человек феномен наслаждений. Это его жизненный стимул, без которого жизнь становится серой массой в сером царстве. Все – от

вкуса пищи до убийства имеет
свою логическую последовательность и природное разви-
тие. Умиравший отдает свою
энергию живущему!

...Уходит из памяти, слабеет собранное в гримасу безус-
ходности женское лицо –
лакомый кусочек всемогущих мужей Страны Советов, –
неописуемой красавицы,
известной киноактрисы периода социалистического реал-
лизма, на животе которой, как
следует из протокола допросов КГБ, разыгрывались кар-
тежные страсти партийных
номенклатурных мужей. В афинские ночи, устраиваемые
высшей мужской элитой Страны,
со сладострастной слюной на подбородке созерцали они
ее танцы на столе в голом виде...

Бежит, бежит высокий каменный забор на Садовое кольцо
и на улицу Качалова, за
которым не видно приземистого дома очередного выдаю-
щегося Инквизитора Страны
Советов. Каково ощущение от жуткой мысли, когда в без-
людный поздний вечер тебе в
затылок дышит черный призрак сексуального маньяка и
не хватающий за руку только
потому, что тебе уже за двадцать с лишним... А если нет,
и ты еще школьница? Тогда

окажешься на Его сексуальном ложе, отдавая ему энергию для наслаждения криком о

б

помощи или безумной мольбой о пощаде. Вот оно – Великое наслаждение слепого

инстинкта, дающего стимул жизни!

Да. Уходят в прошлое человеческие шалости на попроще узаконенных садистских

изощрений. Все скучней преобразуется жизнь в великой Стране Советов. Текущий век

делится на две эпохи – на Великую Эпоху Созидания до смерти Сталина и после нее...

Заметно меркнет стимул жизни, подавляемый чуждыми установками и желаниями. То,

что осталось от прошлого инстинктивно прячется, закрываясь от внешнего мира

неприступной дверью подсознания, чтобы сохраниться там и быть готовым в любую

благоприятную минуту выйти наружу и насладиться своим родным привычным делом.

Неуютно и пакостно на душе от этой ущербности. И только приближаясь к дому КГБ на

Лубянской площади, чувствуется облегчение, прилив интереса к чему-то впереди, к тому,

чего лучше не знать, чтобы не отпугнуть обманчивое радостное сладострастие. Еще

сильней вырастает это чувство, когда в ладонях ощущается массивная ручка дубовой двери подъезда №1-а, когда открывается тяжелая грозная масса, физически внушающая любому входящему безграничную власть вершителя судеб. У входа встречают трое вооруженных солдат, приветствуют, если этого достоин, и по должности можно не предъявлять пропуск, но это все равно нужно делать, соблюдать святой ритуал, без которого власть теряет смысл. Потом идет вверх лестница в просторную приемную. Там встретит испытывающий взгляд молодой секретарши с лицом, меняющимся в зависимости от ранга посетителя. За ее спиной тяжелая дверь, ведущая в прихожую и большой кабинет с длинным Т-образным столом, массивным креслом для начальника, портретом Ленина над креслом, бюстом Дзержинского возле стены, камином в углу, тремя окнами, выходящими на Лубянскую площадь, где темной длинной тенью стоит Монументальный Железный Феликс. Слева на столе под рукой пульт телефонной связи с кнопками и ярким гербом Союза Советских Социалистических Республик.

Когда кресло всеобъемлет расправленную спину, заставив поверить в реальность еще одного наступившего счастливого дня, кресло, десятилетиями наводящее ужас на Страну, тогда можно закрыть глаза и мысленно ощутить окружающую обстановку, дающую уверенность Вершителя в деле строительства Коммунизма. Первым в нем сидел Дзержинский, потом Ягода, Ежов, Берия... Очень лестно помнить, что его называют креслом Инквизитора. Эта мысль поддерживает и вселяет уверенность. Еще и то, что позади, за спиной – там дверь в еще одну прихожую и еще один кабинет – Дзержинского. Самая примечательная деталь здесь – камин. Кабинет показывали во всех революционных киносюжетах. В прихожей туалет, душ, комната отдыха с кроватью, небольшим холодильником, платяным шкафом. Мысленно вернувшись, обнаруживается, как и в былые времена, – папка уже лежит на полированной поверхности стола. В ней очередное «Дело», еще один лакомый кусочек от «врагов народа», испробовать который хочется с таким нетерпением. Жаль только, что теперь не раскрутить это «блюдо», как прежде, с профес-

сиональным знанием дела, с

расстановочкой и вкусом. Хотя, какая разница! Можно и представить, Бог не обидел

памятью о прошлом и живым воображением... Слышится, слышится лязг железных

дверей, звяк тюремных ключей, крики, плач, измученные, ожесточенные лица жертв и

палачей. Женская обнаженная фигура, стоящая в карцере-одиночке на покрытом льдом

полу, обливаемая ледяной водой – все для получения ложных показаний – наслаждение

для мужчины в облике Дьявола...

В тонкой папке:

«Справка от 6.12.75 г.

Совершенно секретно.

Как следует из протокола от...

Назаров Владимир Александрович, 1935 года рождения, г. Москва, (женат на Серенко

Нине Марковне, малолетний сын Анатолий Владимирович), ранее по делам не проходил,

7

ученый международного уровня, тема – Биоэнергетика, Тибетские доктрины йоги, автор

опасного открытия совместно с Робертом Корневым, инженером-исследователем научно-

исследовательского Института (закрытого первого отде-

ла) Министерства Вооруженных
Сил СССР.

Пояснительная беседа:

– Товарищ Назаров, надеюсь вам понятно, зачем вас пригласили?

– Догадываюсь. Как обычно перед поездкой в Америку на конференцию вы решили

повлиять на меня должным образом. Не так ли?

– Надеюсь, вы понимаете, о чем пойдет речь? Мы думаем, что нет. Поэтому. .

– Извините. Можно узнать кто это «мы»?

– Мы – лицо государства. Вы – деталь этого лица. Мы следим за его чистотой. И

поэтому никто не может изменить его, как заблагорассудится в угоду личных взглядов. . .

– Что, личное не имеет общественного значения?

– Вот именно. Хорошо выражаетесь.

– Это не мои слова.

– Да? Нам будет интересно узнать, чьи же. Но это потом. А сейчас я хочу вас

проинструктировать.

– У меня к вам серьезный вопрос, касающийся моей поездки на Международную

конференцию в Miami. Как вы понимаете, проблема, которую там будут обсуждать, очень

важна в общечеловеческом значении и полноценность на-

шей с моим соавтором по

открытию феномена, Робертом Корневым без его участия не будет обеспечена.

– Об этом мы уже с вами говорили. Зачем снова возвращаться к тому, что обсуждению

не подлежит? Роберт Корнев работает в засекреченном учреждении военного назначения,

выезд ему запрещен, вы это знаете, что впрочем, огласке не подлежит, и вы не далее, чем в

прошлом собеседовании дали подписку.

– Значит, освещение столь важного открытия будет проходить без него?

– Справитесь. На то вы и уважаемый ученый. А сейчас поговорим о норме поведения и

ответственности, как словом, так и действием в общественных кругах иностранных

государств»...

*

С приходом к власти одного человека в короткий срок рушатся плохие и хорошие устои

миллионов. Что будут делать царствующие чиновники с приходом новоявленных

фаворитов единственного в мире государства уверенно претендующего на счастливое

будущее своего народа? Евгений на этот вопрос не смог бы ответить с приходом к власти

нового наследника советской власти по простой причине – в его жизни еще не было опыта... А разведчику главное опыт. Профессиональные наработки.

В другом кабинете, менее государственном, но более ответственном за судьбы своих подопечных, встретились двое – начальник и подчиненный. Это другая компания, другие люди, с другими идеями, но речь шла о том же месте назначения, о тех же участниках, о тех же событиях.

Когда все приличествующие и наставительные разговоры были высказаны, Петр

Васильевич заметил:

– «Кобра» вполне реальная головная боль, но не наша.

– Что это? – бросил Евгений с независимой небрежностью любопытного.

Петр Васильевич Горин ему нравился. В характере этого человека где-то внутри, он

точно знал, полагаясь на чутье разведчика, таилось домашнее тепло. Напоминало оно

родительский дом, мать и отца, живущих вполне благополучной жизнью в Жаворонках в

своем доме с садом. Номенклатурная семья... О нем и его родителях заботились, здесь

нужно отдать должное, аккуратно и с педантической обя-

зательностью такой очень
советской организации, как КГБ.

– Это террористическая группировка в Майами, как нам стало известно от наших
агентов в округе Дейд, но необходимо узнать, не направлена ли она своими бредовыми
8

идеями на срыв отношений между Советским Союзом и США. Я имею в виду скорую
поездку главы нашего правительства в Соединенные Штаты. Если да, то пусть этим
занимаются соответствующие люди, а вы краем глаза просто понаблюдайте, если вас не
затруднит, дабы это не касалось напрямую вашего задания. В общем, вы меня понимаете...

– Да, Петр Васильевич. Вы хотите сказать, что это не главное, что это контрольный
пункт в задании, на всякий случай, если пути с агентами по делу «Кобра» случайно
перехлестнутся в ходе событий?

– Точно. Ваша же задача – Назаров Владимир Александрович. Оружие, которое он
носит в себе, признано на высшем уровне Министерством Вооруженных Сил
стратегическим. Сам он этого не подозревает. И это должно остаться в строгой

секретности. Ибо, кто знает, эти ученые так ранимы! Владимир Александрович особо, может и сорваться. Что-то еще не так изобретет, – он улыбнулся добродушной улыбкой, – вы это должны знать. Чтобы четко сознавать огромную ответственность своей миссии.

– Все будет выполнено, Петр Васильевич. Это я вам лично обещаю, – теперь улыбнулся

Евгений.

Петр Васильевич ответил скромной дежурной улыбкой.

– Там, в Мiami, вам нужно сжиться с обстановкой, время для вас не ограничено, средства

тоже. Мы знаем вас, Евгений Петрович, как аккуратного преданного делу советского

агента, и я это говорю не только от имени руководства комитета, но и от себя лично. Вы

мне симпатичны, Евгений. Лучше будет, если вы... вы ведь холостяк... молодой...

обзаведетесь в Мiami семьей, мы вас тянуть сюда не будем, даже после выполнения

задания. Для вас там будет всегда работа, которая, я знаю, вам по душе. Так что с Богом,

Евгений Петрович. С новосельем вас и всего вам наилучшего в нелегком труде.

Мiami,

Иллюзия Земли

ИЮНЬ двигался к закату. Наступало время, когда местному жителю Miami на последующие два месяца можно было позволить себе лишнее. Межсезонье приносило отдых туристам и отпускникам, обещало побаловать пониженными ценами и свободой безделья. Для инспектора полиции Джона Конрада этот период был вторым отпуском, дающим возможность полнее проводить время со своей возлюбленной, секретаршей шефа, Моной в ее городской квартире в Miami-Бич. Или по-мужски встретиться в баре с другом, журналистом одного веского журнала округа Дейд, Майклом, от души поболтать за чашечкой кофе или традиционным их напитком, – коньяком и ледяной водой. И то, и другое как-то скрашивало беспокойную жизнь инспектора Джона, энергичного, неженатого, пятидесятилетнего мужчины. На что-то фундаментальное во время работы рассчитывать не приходилось – все-таки мелкие, изредка возникающие дела, не давали полностью расслабиться. Когда нужные разговоры себя исчерпали и в голову сам по себе стал лезть всякий бред, Джон откинулся на спинку жесткого кресла, какие были в

этом баре, и в блаженном

прищуре посмотрел на Майкла:

– Я тут что-то не понимаю, Майкл. Разве тебя не тянет к родственникам в Россию?

Майкл пожал плечами:

– Видно я не подвержен ностальгии, Джон. Родственников там я навещаю где-то раз в два года. Видишь ли, моя профессия нейтрализует это чувство. Приходится много и далеко

передвигаться по делам издательства. Мой последний визит в Россию, как ты помнишь, завершен книгой «На грани».

– Читал. Только странный псевдоним ты взял, приятель.

9

– Это не псевдоним. Это фамилия греческая моего племянника в России. Все, о чем идет речь в этом романе, с его слов. Я прочитал его рукопись, когда был у него в гостях.

Там опубликовать это ему не разрешили коммунисты... А как ты находишь «Уникальное убийство»?

– Не читал. Когда ты это написал?

– На прошлой неделе вышел в журнале. Первая часть. Прочти. Мне важно твое мнение, как полицейского. Говорят, я выдал вариант для криминала.

– Ладно. Сегодня ознакомлюсь. Мона получает ваш журнал. Потом скажу.

В боковом кармане инспектора просигналил радиотелефон. Джон удивленно приподнял бровь и приложил трубку к уху.

– Слушаю, инспектор Конрад. Где? Мм... Сейчас еду, – он спрятал телефон, с досадой отвернулся к окну.

Майкл с усмешкой заметил:

– Кажется, Джон, тебе подвалила долгожданная работа.

– Тебе не кажется. Так и есть. У нас соскучиться не дадут.

Убийство на Хибискус-роуд

630. Странно – в такое-то время! Черт! А я хотел расслабиться. Теперь накрылась моя

встреча с Моной. Хорошо. Приезжай. Получишь материал с первых рук.

– О`кей, я мигом, Джон. Только возьму фотокамеру. До встречи!

Припаркованная у входа в бар машина инспектора, взвизгнув, рванула с места и на скорости скрылась за углом улицы.

*

Секретарша Мона жила одна на Вестфлагнер-стрит в фешенебельной квартире,

доставшейся ей от престарелых родителей, переехавших в скромный двухэтажный домик

на берегу океана. Неподалеку от дома на Вестфлаг-нер-стрит находилась автостоянка.

Здесь Джон, даже ночью приезжая к Моне, всегда оставлял машину, и это давно не удивляло хозяев стоянки, благосклонно относившихся к инспектору.

Мона была намного моложе инспектора, и ей казалось, что разница в возрасте лишает

их связь всякой перспективы. А она мечтала о семье, она любила Джона и не скрывала

этого ни от кого. Даже шеф полиции, Билли Гроунд относился к этому так, если бы Мона уже была замужем за Джоном.

Было еще рано и Мона, выпив для бодрости кофе, не спеша начала собираться в

управление. Она вспомнила, что Джон так и не пришел к ней вечером, как обещал, и на

работе вряд ли появится. Из отдела расследований сообщили, что он на выезде по убийству на Хибискус-роуд.

Мона ошупью по привычке протянула руку за бюстгалтером на туалетном столике, но

с удивлением обнаружила, что его там не оказалось. Не было там и часов-браслета –

подарка Джона. Создавалось впечатление, словно ее перенесли в мир другой жизни. Тогда

она стала припоминать вчерашний вечер и нашла, что он необычно просто прошел в сравнении с прошлыми днями. Вернулась домой рано, шеф отпустил ее, как это он часто делал, когда работы во второй половине дня не предвиделось. Она пошаталась по магазинам и супермаркетам и уже в пятом часу была дома. Вечером же не только не смотрела телевизор, но даже по хозяйству ничего не делала, разделась и легла с намерением проспать до самого утра. Она взяла книгу, как обычно почитать перед сном, и заснула, обронив ее на пол. Куда же делись ее вещи? Что это – паранойя? Разве она относилась к тем женщинам, которые бесятся от половой недостаточности из-за отсутствия потенциального мужчины?

Мона в растерянности обыскала все вокруг, а в результате взяла свои старые часы и надела другой бюстгальтер – время подгоняло, и раздумывать было некогда.

На работу все же она опоздала. Шеф, не поднимая головы от бумаг, кинул исподлобья недовольный взгляд и пробурчал себе под нос:

– Как только Джон успевает одновременно ловить преступников и ублажать женщину

настолько, что ей не хватает времени явиться на работу вовремя! – при этом он не скрывал

10

своей благосклонности к любимой секретарше. В ней он ценил трезвый ум, умение

толково вести дела. Кроме того, Мона часто, участвуя в каком-нибудь разбирательстве,

неожиданно проявляла свое уникальное женское чутье...

– Простите, шеф... – спокойно с достоинством проговорила она.

– Конечно, милая, – сказал он, отрываясь от чтения, – что у тебя?

– Даже неловко вам это рассказывать.

– Ничего, мы люди свои. Что, может, Джон на этот раз подвел? Или ситуация приняла затяжной характер?

Мона признательно улыбнулась.

– Браслет свой не смогла найти.

Гроунд изучающее посмотрел на Мону:

– Ты меня, милая, вдруг сочла за идиота. Что с тобой?

Мона слегка покраснела:

– Да нет. Я правду говорю – и еще a brassiere куда-то делся.

Гроунд неудержимо покотился со смеху.

– Постой, ты, наверное, сегодня не в себе и решила все свести к шутке, да? Хорошо.

Прощаю. Ты же знаешь, я тебе всегда прощаю. И даже не

ревную, – заметил он, – не

только потому, что Джон мой приятель, нет...

– Да, шеф, черт возьми! Я говорю правду, – перебила она Гроунда.

Но продолжить ей не удалось. Гроунд снова грохнул в неудержимом смехе, обеими

руками отмахиваясь от Моны, и старое расшатанное кресло своим скрипом преданно

отвечало его резким движениям.

– Ну почему же, верю, милая, – подавив смех, успокоил он Мону, – я понял, что вы с

Джоном в этом деле дошли до ручки. Но ничего. Ты не волнуйся. Все придет в норму.

Пусть он только явится! Я ему сделаю вливание за такое отношение к моей любимой

секретарше. Я ему!.. Прикажу одну-две недели принимать сельдерей или женьшень, все

равно, можно и то, и другое одновременно. Так что, работай без проблем... – добавил он,

заметив наплыв слез на глазах у Моны.

– Билли, – овладев собой, сказала она серьезно после маленькой паузы, – странно, но

мне кажется все это очень подозрительным. Вы только послушайте. Вчера, когда ложилась

спать, я закрыла входную дверь не только на замок, но и на цепочку. А утром обнаружила,

что цепочка отброшена. Такое впечатление, будто ее открыли изнутри и, уходя, не смогли

вложить в паз, понимаете? И потом – пропажа...

– Успокойся. Это Джон. Это его штучки. Тут все просто: он не хотел будить свою любимую женщину. Поняла?

Мона задумалась, молча достала из сейфа отчеты, начала печатать.

Конечно, у Джона были ключи, и он, несомненно, мог прийти среди ночи, когда она

спала. Но уж точно не смог бы удержаться от соблазна разбудить ее, по меньшей мере, для

любовных ласк. Не может быть, чтобы он овладел ею, и она этого не заметила бы. Вот

почему Гроунд так смеялся. Не только потому, что часами сидит за бумагами, отчего

поневоле будешь смеяться. Да потому, что это действительно смешно! Получается, что она

как холодная курица, не заметила, когда ее накрыл любимый мужчина. Чушь собачья. Да

все было бы так... если бы не дверная цепочка!

*

У дома стояла машина патрульного полицейского. Группу по расследованию убийств

Джон не заставил долго ждать. Его встретил молодой полицейский, распахнув перед ним

дверь квартиры.

В гостиной при свете еще не успевшего потускнеть завершающего дня он увидел

лежащего на полу мужчину средних лет застывшего в судорогах... Мужчина был одет в

шелковую пижаму и носки, рядом валялся стул, на котором он, очевидно, сидел за столом.

Разбитый бокал с пролитой на столе и полу жидкостью подсказывал эту мысль. На ковре

11

обозначилось мокрое пятно. Возле лица потерпевшего, искаженного предсмертными

мучениями валялись осколки разбитого бокала. Кисть руки сжимала один из осколков, и

глубокий порез на ладони кровоточил, застывая, на отворот пижамы. На столе возле

лужицы содержимого бокала лежала скомканная записка: «Дорогая Мона, рассудок не

позволял мне по собственной воле уйти в предназначенный мир. Если бы не твоя ищейка,

Джон Конрад, которого ты предпочла мне! Теперь я готов выполнить твое желание: я пью

приготовленный тобой напиток божественного освобождения. Я оставляю тебя навсегда,

как ты и хотела. Не забывай, если сможешь. Твой Клод».

– Что ты будешь делать с этим? – у него за спиной стоял

Майкл.

Джон еще как следует не осмыслил происшедшее, прикурил, глянул на дверь, где в этот

момент появилась грузная фигура Форста, а за ним его помощники, и не спеша положил

записку в карман:

– Еще не знаю. Но ты этого не видел, – сказал он, глубоко затягиваясь сигарой, – все

остальное можешь фотографировать, – добавил, отходя в сторону с видом одураченного

человека, не желающего мешать людям заниматься серьезным делом.

Майкл сделал несколько снимков, пока тело потерпевшего еще покоилось на своем

роковом месте, вернулся к выходу, кивком головы отозвав Джона.

– Тогда для тебя есть кое-что срочное. Как ты думаешь, кто сообщил об этом

самоубийстве?

– Майкл, задавай вопросы полегче, – с досадой отмахнулся Джон.

Его выворачивала наизнанку невероятная информация, лежащая у него в кармане. Все

еще не верилось в ее реальность.

– По приезду в издательство мне вручили телефонную запись. Какой-то тип сообщал,

что это он убил на Хибискус-роуд своего друга Клода, о чем очень сожалеет. Но сделал он

это для блага бедняги, поскольку нет прощенья на небесах самоубийце. И еще. Получасом

раньше осведомитель об этом сообщил в полицию.

– И все? – Джон, похоже, обрел трезвый рассудок и включился в работу.

– А тебе этого мало?

– Признаков шантажа не было? Что тебя с ним связывает?

– Да, был намек. Но очень расплывчатый. Пока не хочу говорить. Поживем, посмотрим.

– И все-таки? – настаивал Джон.

– Не существенное. Он спросил, когда выйдет продолжение моего романа «Уникальное

убийство»? Он ему очень понравился. Странные любезности, но это приятно.

– Я бы сказал, ехидные, с намеком.

– С каким намеком?

– Твоим.

– Не возражаю. Но если друзья меня не читают, то пусть хоть враги оценят по

достоинству. Что собираешься делать с запиской? На экспертизу?

– Воспользуюсь твоим советом: поживем, посмотрим. Я в управление. Держи меня в курсе, не затягивай.

– Да, Джон. До следующего раза.

Джон обернулся к работающим парням:

– Как там наука? Я жду результатов. Не забудьте напиток, в общем, сделайте все, что

нужно. Чего не нужно, оставьте мне. Успеха вам, – на прощанье он приветственно поднял

руку трем озабоченным работникам, развернувшим свои саквояжи с пробирками и

кулечками, – Форст, может быть, я буду у себя. Мне нужно досье потерпевшего.

– Хорошо, сэр. Сразу же, как только, – произнес он, как всегда, свою привычную туманную фразу.

Не судите, Да не судимы будете

12

Все время, пока Джон ехал в управление, его не покидала навязчивая мысль о том,

какая существовала связь между потерпевшим и Моной. И вообще, существовала ли?

Попахивало это подвохом, затяжкой в сложную игру. Кроме того, мерцала слабая мысль о

ее фантастическом существовании. А если была, то какая? И он ее не подгонял. Он четко

знал, что рассудок не терпит насилия. Напряжение его приводит только к тупику, к

полному идиотскому отупению. В общем, с этим источни-

ком дознания нужно обращаться
ласково.

Джону не хватало информации. Например, действительно ли этот Клод – сосед родителей Моны, живущих в особняке на побережье? По просьбе родителей Моны Джон приходил к нему однажды за какой-то кухонной вещью, которую тот брал на короткое время.

Пересекая Линкольн-авеню, ведущую к океану, Джон невольно притормозил при мысли, не заехать ли к старикам Моны и что-нибудь от них узнать. Но более сильное желание встретиться с Моной преодолело попытку и только ускорило бег автомобиля. Он даже включил полицейский маячок, хотя в этом никакой надобности не было.

*

Когда Джон переступил порог управления, заканчивался рабочий день. Моны на работе уже не было.

– Приходи завтра, Джон, если ночного randevu с Моной тебе не хватило, – при этом

Гроунд, откинувшись на спинку беспокойного кресла, отвязано покатывался со смеху.

Джон обвел шефа подозрительным взглядом, пытаясь

оценить его веселое настроение,

и с чем оно было связано, но Гроунд предупредительно его успокоил:

– Да ладно, Джон. Не бери в голову. Это я просто так, дружески, – он взял с коробки

сигару, покрутил ее в пальцах, задумчиво вложил в рот, чтобы просто она там

перекатывалась из угла в угол, – но в следующий раз не подводи Мону таким образом.

Выбери что-нибудь другое, менее интимное, – он хохотнул еще пару раз и, отбросив

фамильярную улыбку, сказал серьезно:

– Так что там?

– Кто сообщил о самоубийстве? – спросил Джон.

– Убийство.

– Так кто?

– Убийца, – монотонно ответил Гроунд.

– Не понял, – раздраженно бросил Джон.

– Убийца сообщил, – спокойно повторил Гроунд, прикуривая.

– Сообщил тебе по очень большому знакомству? – с издевкой бросил Джон.

– Себя назвать постеснялся. Интеллектуально воспитанный. Сказал, что у него с

жертвой договорные обязательства по ее убийству. Пообещал дальнейшие свои действия

согласовывать с ходом твоего расследования. Говорит, что ты, как соучастник в этом деле,

можешь его нанять в качестве консультанта. Я, понятно, оценил его юмор, хотя не ясно,

какая у тебя с ним связь? В общем, я тебе на этот раз не завидую. Но выясни, как

полагается, и все в отчет, о`кей? Запись его интервью в отделе расследований. Пойди,

послушай, если хочешь.

– Выясню... как полагается, – мрачно промолвил Джон и пошел к машине.

По пути на Вестфлагнер-стрит с досадой повторял брошенные шефом слова – «менее

интимное» – и невольно задумался над их смыслом. А вообще, вся эта история за короткое

время приобрела вид scrambled eggs, где требовалось отыскать цельный желток.

Он вынул радиотелефон, набрал номер.

– Форст? Это Джон. Что там у тебя?

– Это действительно сам Клод. К нему, где он жил... Кстати, жил один. Родители сейчас

коротают старость в городке Сандуски штата Огайо. Я выслал человека на побережье к

нему в коттедж. Ничего, откроет, зайдет, разберется.

13

– Хорошо. Ты сказал, чтобы он проверил предметы,

недавно оказавшиеся у Клода?

– Сказал.

– Форст, меня ты сможешь достать без проблем. Я буду у Моны.

– Все понял, сэр, – в голосе прозвучали едва уловимые нотки иронии.

– Да нет, – хмыкнул Джон, – это не то, что ты подумал. У меня к ней вопросы,

связанные с этим делом.

– Ну да. Я так сразу и понял. А вы что подумали, сэр?

– То, что и ты. Позвонишь мне.

– Обязательно. Сразу же, после того, как...

Машину Джон припарковал на привычном месте и добродушный бородатый охранник

издалека приветливо махнул ему рукой, давая понять, что о машине он позаботится.

Мона была дома. Она поспешила ему навстречу, едва услышав звуки открывающейся

двери, его шаги. По ее лицу Джон сразу же заметил что-то неладное. Он обнял ее,

поцеловал, ощутив природный запах любимой женщины.

Осторожно охватил ладонями ее

лицо, посмотрел в глаза:

– Что произошло, Мона?

– Джон, ты был у меня ночью? Ты пошутил, скажи правду?

Видно, я спала так крепко,

что не видела тебя.

– С чего ты взяла? Вчера я действительно не смог приехать к тебе. После работы Тройд удержал меня с бутылкой коньяка.

– И девочками, – добавила она отрезанно, но шутка не получилась. В ее голосе невольно прозвучали нотки сожаленья.

– Нет. Он попросил меня, помянуть с ним какого-то его друга.

– Это тот, что вице-президент какой-то научной компании?

– Да, Тройд. Ты его видела один раз по телевизору. Выступал на конференции достижений в области биоэнергетики... Так, что у тебя случилось?

Мона внимательно посмотрела на Джона.

– Я ничего не понимаю. Дверь была закрыта, – начала она ставшую ей привычную

фразу, – не только на замок, но и на цепочку. Я попыталась своей не очень мускулистой

рукой набросить снаружи цепочку, и у меня не получилось.

– Что у тебя не получилось?

– Вот это, – кивнула она на дверь, – а когда утром хотела взять свой бюстгальтер и

браслет, твой подарок, то их на столике не оказалось. Ну

что скажешь?

– Во-первых, не обязательно об этом сообщать шефу. И потом, если ты не смогла

открыть, то почему другие не смогут?

– Ну, правильно. Я так и думала, что это ты, – с облегчением вздохнула Мона.

– Нет, не я, – монотонно произнес Джон, копируя Гроунда.

– Не ты? – растерялась Мона.

– Не я.

Мона побледнела.

– Что это, Джон?

– Еще не знаю, – спокойно ответил он, проведя ладонью в воздухе, – поживем,

посмотрим, как сказал Майкл.

– Что значит «поживем»? Пока поживем, – возмутилась она, глядя на Джона так, словно увидела его впервые.

Джон улыбнулся оправдательной улыбкой, привлек Мону к себе, обнял, поцеловал,

сказал тихо:

– Успокойся, любимая. Я разберусь. Приготовь что-нибудь повеселей для желудка. Я устал.

– Да, Джон. Я сейчас. Я полностью выпала из-за этого... Сейчас, дорогой...

Мона поспешно ушла на кухню, и Джон облегченно плюхнулся в кресло. Наконец, он расслабится и спокойно все обдумает.

14

Вначале обхватил ладонями голову. Крепко стиснул виски. Почувствовал облегчение.

Резко отпустил. Снова сжал, отпустил... После нескольких таких упражнений ощутил прилив сил.

Мысль пришла сама по себе. Спокойная и независимая. Ночью исчезли бюстгальтер

Моны и часы-браслет. Может быть еще что-нибудь, чего ни он, ни Мона еще не знают.

Моне он верил, как самому себе. Был уверен – она ничего от него не утаивала. И не только

потому, что скрыть что-либо не в ее интересах. Мона чиста и открыта, как ребенок,

который не способен скрыть свои первые впечатления. Она просто наивна. И это ее

качество он свято берег у себя в душе.

Джон знал по опыту, что пропажа, которую могут обнаружить быстро, просто так не

исчезает. А значит, исчезает с умыслом. С дальновидностью. Еще хорошо, что эти вещи

исчезли, и ничего не прибавилось, что гораздо опаснее. Хотя – кто знает! Возможно, все

только начинается. Поживем, посмотрим, как сказал Майкл.

В воздухе появился аппетитный запах яичницы. Не яичницы-болтуни, а fried eggs, его

любимой яичницы-глазуни с зеленым луком, где не придется отыскивать цельный

желток. Джон потянул воздух и ощутил сосущее перекачивание в желудке. Все-таки, какой

божественный уют создает любимая женщина! Она – это все: твое душевное равновесие,

тепло в доме, секс – хоть всю ночь! На Моне просто, просто грех не жениться.

Джон поднялся и не спеша начал рассматривать знакомые предметы и обстановку –

книжный шкаф, в нем выстроенные в привычной последовательности книги по жанрам,

широкий платяной шкаф, где аккуратно висели ее легкие и шикарные наряды в

осмысленном порядке, как и книги, туалетный уголок, заставленный косметикой и

парфюмерией – флаконами, баночками, всякими милыми вещичками. Разве можно одним

взглядом разобраться, что здесь исчезло, а что появилось?

Джон подошел к широким на всю стену окнам, двери на балкон, потрогал ручку-запор.

Дверь была закрыта. Она открывалась только изнутри, и

посторонний не мог

воспользоваться запором со стороны балкона. Он с удовлетворением кому-то покивал

головой. Подоконник и рамы были гладки и чисты. Сравнительно недавно Мона сделала

ремонт квартиры. Джон подошел к входной двери, бросил цепочку, оттянул к себе

отпертую дверь. Образовавшаяся щель оказалась едва достаточной только для того, чтобы

рассмотреть в узкой, щели пространство и часть того, кто находился в нем, и то –

значительно выше натянутой цепочки. Такая установка и конструкция цепочки лишает

взломщика возможности снять ее неповрежденной даже при помощи специального

приспособления. Джон покачал головой.

– Джон, сколько мне тебя звать? Чем ты там занят? Спишь?

– Иду, милая! – Джон недоуменно пожал плечами, показав кому-то раскрытые ладони,

будто бы для достоверности, что в них ничего не было.

За столом, Мона молча смотрела, как Джон ел. Ей всегда нравилось смотреть, как Джон

с аппетитом поглощал все, что ни приготавливала она. И по тому, как он ел, догадывалась,

что больше всего ему понравилось.

Сегодня ей было неуютно. Чувство защищенности и уверенности вдруг покинули ее.

Показалось, что она одинока среди людей и не нужна никому. Она понимала, что это

неправда, она нужна Джону, как и он ей. Когда она говорила ему о замужестве, он отвечал

лаской, терпеливо выслушивал доводы любящей женщины, ссылаясь на возраст

застарелого холостяка, двадцать лет назад потерявшего жену в автокатастрофе, не

желающего портить судьбу ей, молодой девушке, достойной лучшего в жизни, чем может

предложить он. Но как же он поступает! Ведь он ее любит и что же? Не боится ее

потерять? Так разве бывает?

– Выкинь из головы, дорогая. Я не дам тебя тронуть никому, запомни. Ты в этом

сомневаешься? Выкинь немедленно, – окрепшим голосом сказал он, перестал жевать и

внимательно посмотрел ей в глаза.

15

– Я знаю, Джон. Но ты мне не муж, правда? У тебя отсутствует чувство личной

защищенности. Я же должна быть законной твоей собственностью, которую нужно

оберегать.

– А так что, не нужно?

– А так – не нужно.

– Ерунда! С каких это пор ты стала сдавать на пессимизм?

Ты же у нас в одной команде,

забыла? Вспомни, как в прошлом году ты помогла распутать дело Тома-наркомана. А

сейчас мне все это говоришь!

– Ты тоже молчишь. Я знаю, у тебя для меня есть что сказать.

– Верно. От тебя не скроешь, – он достал из кармана в целлофановом пакете

посмертное письмо Клода, протянул его Моне, придержал в пальцах, – о нем, кроме меня

и Майкла, никто не знает. Теперь и ты... Прочитай и включись в работу. Подумай, что это

может быть. Отбрось свои эмоции и подумай.

Мона сквозь целлофан расправила записку, пробежала по строчкам. В первую минуту

Джон увидел на ее лице растерянность, но затем, собравшись, она осторожно вымолвила:

– Я его знаю, Джон. Он мой сосед. Верней, сосед моих родителей. И ты с ним

встречался один раз. Ты просто забыл. Но это все какое-то собачье дерьмо. Словно не обо

мне речь. А ты что подумал? Неужели поверил хоть единому здесь слову?

– Да нет, – с досадой отмахнулся он, – в том-то и проблема, что нет! Непонятно, для кого это написано? Его же отравили.

– Отравился.

– Нет, отравили. Убийца позвонил Майклу и к нам в управление.

– Почему Майклу?

– Этого даже сам Майкл не знает.

В то время, когда аппетит Джона достиг наивысшей точки и инспектор принялся

потягивать черный кофе с бренди, просигналил радиотелефон. В трубке он услышал голос

Форста:

– Сэр, мы закончили. Есть то, что вас интересовало. В разбросанной постели Клода нашли женские вещи.

Джон внимательно посмотрел на Мону.

– Бюстгальтер и часы-браслет, – уточнил Джон.

– Сэр... у вас что, появилась способность ясновидца?

– Отправь на экспертизу, – хмуро сказал Джон, – а сейчас жду тебя сюда на

Вестфлагнер-стрит. Тут есть небольшая работа.

Упершись локтями о стол и обхватив ладонями голову, Мона неподвижно смотрела в

пустую тарелку Джона. Чувство унижения и стыда еще минуту держало в оцепенении, но

затем, Мона закрыла лицо руками и тихо заплакала.

Джон встал, закурил, провел рукой по ее плечу и ушел в гостиную. Привалившись на

спинку кресла, он погрузился в раздумья. Почему именно Майклу позвонил убийца?

Значит, в игру зачислен не только он, Джон и Мона, но и Майкл. Напрашивается простой

вопрос, о котором знать мог или не мог убийца – что связывает Майкла с ситуацией?

Можно проследить все внешние его связи с участниками событий и нынешние

обстоятельства, связанные с ними. Трудность в том, что та или иная информация уводит

мысль в бездонное прошлое. Так можно докопаться до прадедов Майкла, если войти во

вкус. Видно, нужно начать с уже известного ближайшего прошедшего. Например,

вспомнить последнюю встречу с Майклом на месте убийства, затем – за коньяком в баре –

весь в подробностях разговор до сообщения по телефону об убийстве. Шла речь о романе

«Уникальное убийство», который Майкл предлагал прочитать. Он говорил о России, о

своих родственниках, о племяннике, о книге. Что из этого суть важного? Книгу читал.

Можно в памяти восстановить сюжет – о русской или ком-

мунистической мафии. Что

толку? В политике этих советских шизофреников он так же разбирался, как Тутанхамон в

компьютерах или в презервативах с усиками. «Уникальное убийство» не читал. Журнал,

16

где напечатан этот роман, есть, наверное, у Моны. Она его получает в управлении, читают

его там все, кому ни лень, потом Мона забирает журнал домой, пока он не затеряется у

подруг.

Джон, не раздумывая, подошел к книжному шкафу, пробежал глазами по полкам,

отыскал стопку журналов.

– Мона, мне нужен журнал, где напечатан роман Майкла.

– Тебе нужен Мау, – Мона разбито подошла к шкафу, – разве ты его не читал?

– Майкл сказал, что мне необходимо его прочитать. Будто это поможет расследованию,

– с досадной усмешкой заметил Джон.

– Если нет времени, можешь не читать. Я тебе расскажу.

Это что-то похожее на... О,

Боже! Джон! Это похоже на случай с Клодом, – Мона испуганно посмотрела на Джона,

– так в этом сюжете и я! Джон, что происходит? – вскрикнула она.

– Я так и думал, – раздраженно сказал Джон, – потому и попросил журнал.

– Вот он, Джон. Я его нашла, успокойся.

– Успокаиваться нужно тебе.

– Но может это просто совпадение, как и все стандартные случаи, они похожи? А мы с тобой взвинченные, с фантазией.

– Ошибаешься, милая. «Стандартные» не могут называться «Уникальным убийством».

Только этот Майкл паразит! Если какой-то маньяк клюнул на его сюжет. И я ему, паразиту,

скажу об этом. А впрочем, он и сам уже, наверное, пожалел, что написал такое... Пойди,

открой, это Форст, – добавил он, услышав звонок у входной двери.

Форст переступил порог и, переминаясь с ноги на ногу, остановился, посмотрел на

Джона.

– Да, хорошо. Я вижу, что ты явился, – сказал Джон, внимательно рассматривая Форста,

– займись отпечатками на подоконнике здесь с внутренней стороны и там – на двери и

окнах со стороны балкона. Объясни, если у тебя хватит фантазии, каким образом

похититель мог сюда забраться?

Форст медленно вытащил из саквояжа пропавшие вещи

Моны. Бюстгальтер он

аккуратно двумя пальцами подержал навесу перед Моной.

Она выдержала паузу и

упавшим голосом сказала:

– Да, это мой. И браслет.

– Знаем, – мрачно сказал Джон, – забирай, Форст, как улики. Непонятно только какие. А

мы с Моной пойдем, уединимся, составим официальный опрос ее персоны, как лица,

имеющего к убийству косвенное отношение. Самое главное – твоя связь с Клодом, Мона.

Подробно, давай.

– Пиши, – Мона устало откинулась на спинку софы, – последний раз Клода я видела на

его участке под вечер три дня назад. Я была у родителей и видела, как он стоял с лопатой в

руках, а рядом с ним какой-то мужчина, лет так сорока, похожий на того вице-президента,

которого я видела по телевизору. Он высокий, светловолосый с короткой стрижкой,

худощав, – Мона говорила, закрыв глаза, медленно припоминая и произнося слова так, как

она это делала на работе, уточняя фразы на запротоколированных документах. – Мы

обменялись взглядами, и мне показалось, что он на меня смотрел как-то заинтересованно.

Клод к родителям никогда не заходил. Встречались случайно на улице, обычные контакты на свежем воздухе.

– Это все?

– Наверное. Давай твою рукопись, – полушутя произнесла Мона.

Она взяла исписанный листок у Джона, подложила журнал и расписалась.

– Вот насчет моих вещей ты изложил правильно, – заметила она с издевкой, просматривая последние строчки.

– Что ты говоришь! Просто удивительно, как это у меня получилось, – с напускной восторженностью отметил Джон, – только протокол подписывают после, а не до того, как с ним ознакомились.

17

– Удивительно, – подражая ему, сказала Мона, – а я думала, ты его прочитал.

Джон посмотрел на Мону, минуту осмысливая ее слова. Но, заметив покрасневшие ее глаза, потянулся к ней, чтобы успокоить. Она отвернулась к окну, стараясь подавить в себе обиду.

– Ты же знаешь, милая, это обычная формальная процедура, – оправдывался Джон. –

Подпиши еще здесь, – он подsunул канцелярский бланк о невыезде из Miami до

специального на это разрешения.

Мона молча подписала.

– Для приличия ты хотя бы его заполнил...

Джон поцеловал ее в висок:

– Дорогая, ты же знаешь: так должно быть в подобных случаях. Не волнуйся, на твою

карьеру секретаря шефа полиции Miami это не повлияет.

Что касается меня – другое дело.

Я уже нарушил, еще не нарушая.

– Джон, – с огорчением проговорила Мона, – ты ничего не понял. Мне наплевать на

карьеру. И на свою свободу наплевать. Она слишком затянулась.

Джон посмотрел в сторону, скрыв признательную улыбку, помолчал, положил руку на

ее колено, ласково провел ладонью.

– Как попали по твоим предположениям эти вещи к Клоду? Ты мне ничего не говоришь,

даже твоих самых тонких мыслей!

– Подумаю.

– Подумай. И ничего не бойся. Я еще пока жив, милая.

– Я знаю, – она взвизгнула и порывисто обняла Джона. – Я знаю. Ты мне веришь, дорогой.

Я люблю тебя. Я всегда верна тебе, Джон!

Тень реальности

Шеф полиции Miami, Билли Гроунд уже два часа подряд сидел у себя в кабинете,

разбираясь в отчетах, от усталости чувствовал притупление рассудка и острое желание

смахнуть все разом со стола. Когда у распахнутой двери появился Джон Конрад, он с

обманчивой радостью ощутил облегчение, подумал, что это ему подвалил вынужденный

отдых, откинулся на спинку кресла и, облегченно прикрыв глаза, сунул в рот сигару.

– Пристрой свою задницу, Джон, и рассказывай. С управляющим дома говорил?

– Нет. Успею. Вначале обсудим вместе.

– Я думаю, несущественно. Только для формальности. С самоубийцами у нас разговор простой.

– Нет, Билли. Придется повозиться, – Джон проследил за передвижением сигары из

угла в угол во рту у шефа, – убийца существует.

– С каких это пор ты стал верить анонимным звонкам психов? Какой-то шизофреник

решил поразвлечься с тобой, прочитал в прессе экстренную заметку твоего друга Майкла

о том, что знаменитый сыщик, Джон Конрад гениально напал на след самоубийцы.

– Не в психе дело. Он не простой псих. Мне кажется, он очень умный и неординарный псих. Тебе известно, что вещи Моны оказались в доме у Клода?

Услышав последнее, Гроунд сдержанно заулыбался, но тут же подавил невольную улыбку.

Джон покраснел от злости, однако ограничился простым объяснением:

– Билли, если когда-нибудь ранним утром или поздним вечером тебе придется уходить

от любовницы, то не забудь надеть трусы, о`кей?

– Что ты имеешь в виду? – растерянно спросил Билли.

– А то, что любовницы тоже не берут с собой запасное нательное, если идут к

любовнику. Это раз. Второе – почему Клод покончил не у себя дома, а снял квартиру на

манер интимных уик-эндов? Где логика?

18

– Хорошо. Так чего ты от меня хочешь? У тебя есть все улики, побуждающие

расследование? Так вот, это раз. Теперь второе: в том случае, как сейчас есть, Моне

улыбается служебное. Что же касается тебя... – Гроунд посмотрел на бумажки,

разбросанные у себя на столе, перекатил сигару из одного

угла рта в другой, развел

руками, – ну... сам понимаешь, – он взял несколько бумажек двумя пальцами и опустил их

на стол. – Как доложил твой главный убийца по телефону, ты, выходит, вольный или

невольный соучастник событий. Значит, придется разбираться, чего бы не хотелось.

Он выдержал паузу и добавил:

– И еще одна версия не в твою пользу – обычно самоубийцы оставляют возле себя

посмертные послания. Так ведь? Но твой самоубийца несознательный – он молчит.

Гроунд испытующе посмотрел на Джона.

– Мертвецы все молчат, – скромно заметил Джон.

Гроунд развел руками:

– Вот и придется сочетать приятное с полезным. Тебя это устраивает?

– Может быть, – задумчиво проговорил Джон, прислушиваясь в наступившей паузе к

шороху машинки Моны в приемной, – может быть. Поживем, посмотрим, – сказал он и

пошел к выходу.

– Да. Только не рассчитывай на долгую жизнь, Джон. Пойми, дружище, это не от меня

зависит. Надо мной стоят сильнее, как ты догадываешься.

В общем, тебя ограничивает

установочный срок расследования. Поэтому не очень затягивай. Скоро на тебя буду давить

не по-дружески.

– Да. Сэр.

– Да, сэр! Куда ты денешься? От себя не уйдешь. Да знаю я тебя, ты бык упрямый!..

Хорошо, действуй. Выгораживай свою Мону. А то мне тут приходится ее депрессию

разбавлять анекдотами.

Джон ушел не такой оптимистичный, каким себе казался несколько минут назад.

Ситуация складывалась, мягко говоря, не беспечная.

Тихо подойдя сзади к Моне, он обнял ее, поцеловал возле уха. Она замерла, оставив в

покое пишущую машинку.

– У тебя все в порядке, как шеф? – спросила она.

– Сегодня дома поговорим. Все обсудим, о`кей?

– Да, Джон!..

– Тогда до встречи.

Он ушел быстро и тут же мысленно включился в работу.

Для использования

информации, какая была в наличии, не хватало двух моментов – нужно взять результаты

экспертизы всего, что собрал Форст и заодно прослушать запись анонимного убийцы.

Затем можно поехать на Хибискус-роуд к управляющему.

А в промежутках продолжить
раскрутку от настоящего к прошлому.

В отделе расследований Форст сообщил, что в бокале пострадавшего нашли остатки
коньяка с цианистым калием, отпечатки пальцев только
Клода, на теле потерпевшего
никаких признаков насилия, никаких свежих следов на
предметах. Посторонних вещей,
кроме тех, которыми пользовался пострадавший, не оказа-
лось. У Моны на Вестфлагнер-
стрит никаких, кроме принадлежащих ей отпечатков, не
найденно, но экспертиза
разобранного замка и тщательное обследование его суга-
лей показали следы царапин,
оставленных профессиональной отмычкой. Что же каса-
ется дома Клода, там
зафиксированы отпечатки пальцев не только хозяина, но
чьи-то еще трехдневной
давности, посетившего этот дом. О найденных вещах Мо-
ны не было сказано ни слова.

Теперь, когда машина не спеша движется в направлении
Хибискус-роуд, не мешает
вернуться к прерванным рассуждениям. Выходит, добав-
ляется еще один игрок-субъект. В
картотеке его отпечатков не было, значит, по криминаль-
ным делам не проходил. Это

значительно затормозит поиски. Тогда придется познакомиться с кругом общения тех мест, где побывал Клод. Он, как известно, работал в Фан-клубе.

19

На этом пока что и остановился Джон.

*

Длинное современное, занимающее почти полквартиры здание находилось недалеко от

Бухты и Пятидесятой улицы. Управляющий размещался на первом этаже.

Джон вошел в вестибюль, возле таблички «Управляющий» нажал кнопку и, услышав

щелчок, открыл дверь. В конце коридора была еще одна дверь, на стене прикреплена еще

одна табличка с такой же надписью. Войдя в маленькую прихожую, Джон увидел

низенькую девушку-секретаря за машинкой, сбоку от нее – дверь к начальнику. Девушка

подняла глаза, спросила «к управляющему?» и, не ожидая ответа, сказала:

– Заходите. Он всегда свободен.

В комнате стоял письменный стол, несколько стульев и книжный шкаф. Было солнечно.

Широкие, почти на всю стену зашторенные жалюзи, окна обращены на юг. Где-то наверху

тихо шумел кондиционер. За столом во вращающемся кресле сидел немолодой полный низкого роста мужчина. При неожиданном появлении Джона он, зевая, замер с открытым ртом и посмотрел на входящего. В следующее мгновение он опомнился, подавил зевок и, улыбаясь, учтиво спросил:

– Чем могу помочь, мистер... О, господин инспектор!

– Вы мистер Бейлис? – оборвал его Джон.

– Верно.

– У меня к вам несложные вопросы.

– Да, я знаю. Вы, конечно, в связи с этим... самоубийством? Ужасный случай! Просто

никак не могу прийти в себя. Я к этому отношусь очень щепетильно. Я даже на похоронах

не могу присутствовать или слышать скорбящие звуки похоронных церемоний.

Понимаете?

– Несомненно. Но на мои вопросы вы сможете ответить?

– О, да!

– Так вот, меня интересует точная дата оформления заказчиком-нанимателем этой

квартиры. На чье имя она оформлена?

– Как же, как же, сейчас, вот тут у меня... Все аккуратно записано, как полагается, – он

подошел к шкафу, взял с полки папку, быстро пролистал

страницы, – вот! Главное лицо –

Клод и с ним была женщина.

– Вспомните, как он ее называл, – скрывая волнение, попросил Джон.

– А и вспоминать-то нечего. Я прекрасно помню. Он ее называл Моной. Имя вполне запоминающееся.

При упоминании имени близкого ему человека Джон дрогнул и секунду молча смотрел на управляющего. Создавалось впечатление, словно он пропустил последнее слово мимо ушей и из деликатности старался самостоятельно воспроизвести его в памяти.

Бейлис настороженно посмотрел на Джона.

– Господин инспектор, вы не сомневайтесь, я говорю правду.

– Мона?

– Да, мистер Конрад. Мона. Фамилии не знаю.

– А внешность вам запомнилась?

– О, да! Это молодая леди, немного ниже вашего роста.

Беленькая, очень женственна,

круглолица, милая, я бы, несомненно, сказал – красавица.

Понимаете меня? Не запомнить

такую женщину. . просто невозможно.

– Одетая? – сухо прервал Джон.

– А это... сейчас, – он наморщил лоб, указательным паль-

цем показал на Джона, – одета

в повседневную одежду, как будто с работы – темная легкая куртка, кажется, коричневая...

– Брюки бархатисто-черные, – добавил Джон мрачно.

– Верно. Вы ее знаете?

– Может быть. Так, дальше. Когда это было?

20

– Да. Дня четыре назад. Вот тут у меня записано. Число, месяц, – он ткнул пальцем в

строчку напротив имени «Клод», – не думал, что все так кончится. Мне показались они

такими беззаботно счастливыми и тихими людьми. Такие встречаются редко и проблемы с

подобными жильцами минимальные.

То, что услышал Джон, было настолько шокирующим, что он сразу же отказался что-

либо оценивать и строить какие-нибудь догадки. Он твердо решил не заниматься

выяснением отношений Моны к происходящему до тех пор, пока не наберет достаточной

информации. И уж, безусловно, не следует задавать себе идиотских вопросов.

Нужно было ехать в Фан-клуб.

Прорицательница

Виктория минуту лежала с открытыми глазами. Еще минуты две собирала и отмечала в

своей визуализации только характерное и тонкое, закрепляя его в памяти.

Скоро начнет подниматься солнце. Она всегда чувствует его приближение. Даже в

пасмурное утро Виктория просыпалась вовремя, будильником пользовалась редко, только

для напоминания себе о предстоящем сеансе и определении пунктуальности клиента, что

для нее было немаловажно.

Когда с мыслями было закончено, она опустила ноги на пол, встала и придирчиво

заскользила взглядом от кончиков пальцев вверх по подъему к щиколотке каждой ноги, по

голеням. Проверила пальцами их упругость, не отрывая ладоней от загорелой бархатистой

кожи, последовала в промежность, прощупала впадины и ложбинки, прислушиваясь к

ощущениям и сравнивая их силу с прошлым. Тщательно обследовала каждый дюйм. Затем

ее ладони плавно заскользили по тонкой талии к аккуратному пупку, вокруг него по

часовой стрелке сделали несколько круговых поглаживаний. Прижимая ладони к ребрам,

Виктория обхватила грудь. Несколько таких движений она проделала снизу вверх до

сосков, поднимая энергию тела; максимально охватив ру-

ками диафрагму каждой груди,
сосредоточилась на приливе к ним горячего тока. Потом
вдохнула животом и плавно
отпустила воздух, все глубже погружалась пальцами обе-
их рук в сплетение Манипуры-
чакры, связанной с элементом Огня, – центром учебы, на-
уки, талантов, чувством зрения,
но неизменно ведущей к удовлетворенности собственным
миром. Последнее
обстоятельство ей было отвратительно. Но с этим прихо-
дилось мириться, ибо в
совершенстве овладеть Высшей Чакрой можно было толь-
ко после преодоления той, на
которой Виктория остановилась. Да она и не стремилась
к Совершенству, этому
препятствовала ее работа, дающая ей немалый доход.
Кроме того, у Виктории было
безупречное тело, впитывающее Прану – энергию Космо-
са. Своим телом она гордилась.
Закончив массажем очистку от вялости и лени, Виктория
легким неторопливым шагом
направилась в открытую лоджию. Здесь с Востока каждое
утро из-за кромки океана
поднималось теплое солнце, обнаженное, как и Виктория.
Утреннее солнце направляло
свои божественные лучи в окна и стеклянную дверь лод-

зии, постепенно окрашивало в
нежный цвет безупречное тело молодой женщины, упруго
стоящей на деревянном полу с
широко расставленными ногами и руками.

Свежий предутренний воздух внезапно охватил Викто-
рию прохладным объятием.

Всеми обнаженными частями тела она снова ощутила
прилив энергии и вдохновения. В

этом было ее сумасшедшее наслаждение – испытывать
необыкновенную наркотическую

силу, теряя себя. Такое чувство могло соперничать только
с оргазмом во время редкого

сильного секса, какой иногда случался в ее насыщенной
жизни. Потом целый день после

утреннего впитывания энергии, тело требовало воздуха,
не мирилось даже с легкой

одеждой, и Виктория щедро удовлетворяла его потребно-
сти. Она твердо знала, что без

этих условий ей не обойтись.

21

Молодые лучи солнца, проникнув в комнату, коснулись
зеленоватой поверхности

потолка и в это время, даже если бы утро было пасмур-
ным, Виктории остро захотелось

замереть в «Лотосе». На это ушло десять минут. Потом
она постояла под душем и, не

вытираясь, пошла открывать кому-то позвонившему в дверь. Проходя мимо туалетного столика, ее взгляд произвольно упал на пластмассовый корпус маячка с красной кнопкой, но она поленилась его взять, как на всякий случай должна была сделать.

У порога молча ее рассматривал спокойный Тэд.

Виктория облокотилась на наличник двери и демонстративно ожидала объяснений.

Чтобы не терять драгоценного времени, не сходя с места, она принялась собирать в узел свои мокрые волосы и закреплять их на голове.

– А ты прекрасна...

– Спасибо. Ты пришел, чтобы сказать мне это?

– И это тоже. Может мне можно войти? – он был энергичен, свеж и выглядел, как

мальчик, не на свои тридцать, а лет на пять моложе, что почти приравнивало по возрасту его с ней.

– Глупый вопрос. Заходи. Я думала соседка. Что будешь: чай из трав, кофе или...

– «Или», – он взял со столика маячок, подбросил в воздухе, поймал и, приложив палец к кнопке, молча показал Виктории.

– Тэд, не трогай Дороша. Пусть отдыхает.

– Отдыхает? Он что перетрудился? За что я ему отвали-

ваю баки? – тихо, как будто самому себе, заметил он.

Виктория улыбнулась, осторожно взяла его лицо в свои узкие ладони, поцеловала в губы.

– Хорошо, – сказала она, – значит покрепче. Я только что управилась, – и пошла на кухню.

Тэд окинул оценивающим взглядом ее спину, тонкую выразительную талию, ягодицы и

бедрa, явно «сделанные под циркуль», как сам же когда-то выразился, и сказал с возмущением:

– А если обожжешься? Не боишься?

– Если не подумаешь и не скажешь, ничего этого не будет. Можно мне не одеваться?

Тем более что я у себя дома.

– Ради бога! – воскликнул Тэд как-то очень громко, – мне так с тобой общаться даже приятней.

– А ты на многое не рассчитывай. Если по делу – говори.

– О`кей! Но, глядя на тебя, у меня сама по себе может измениться цель визита.

– Ты имеешь в виду эрекцию своего неугомонного пениса? – с нескрываемым

откровением спросила Виктория, остановившись у кухон-

ной двери и повернувшись к
Тэду.

Тэд нащупал рукой край кресла и, не глядя, хотел, было сесть, хотя явно мимо, но в последний момент выпрямился и откровенно стал рассматривать нагую Викторию, комментируя свои впечатления:

– Скажи, как тебе удается в таком «наряде» столь свободно себя чувствовать под взглядом темпераментного мужчины?

– Ты так говоришь, словно никогда не видел меня в таком «наряде»!

Тэд с досадой шлепнул себя по лбу:

– Ты права. Но такое впечатление, словно в первый раз, – сказал он, подходя к

Виктории почти вплотную, – так же можно быстро кончить! А это не интересно ни тебе, ни мне...

Виктория осталась стоять.

– Я понимаю, Тэд, что тебя потянуло на секс. Но при всем моем к тебе уважении, я не

могу сейчас себе этого разрешить. Я только что зарядилась и жду твоих клиентов. Моя

энергия мне нужна для дела. И сейчас я расходовать ее не могу. Второе утро для меня

будет только завтра... – сказала она, позволив ему нежно поцеловать грудь. – Тебе

придется снова попытаться сесть в кресло и вспомнить, зачем ко мне пришел. Можешь

прикинуть заодно, когда ты намерен вместе со мной отдохнуть от работы на берегу.

Тэд нерешительно качнул головой, отдавая свое вынужденное согласие трезвым

предложениям Виктории, покорно пошел и сел в кресло.

Тэд был холост. Он очень ценил Викторию, милую прорицательницу, хранил ее втайне

от высшего своего начальства, которое могло проглотить ее живьем ради цели, какой

занималось. Он любил ее, она его нет, что для обоих не было секретом.

Пять лет назад он столкнулся с Викторией на своей работе. В приемной Гарди,

начальника следственного отдела, она просила дать ей какую-нибудь работу. Естественно,

Гарди отказал. Да еще с усмешкой. Откуда знать молодой девушке, куда она

обратилась! Тогда Виктория стеснительно сообщила ему, что осталась сиротой и ей нечего

есть. Ее родители летели вечерним самолетом домой, тем... ну который, мистер знает...

весь город знает... который разбился вчера и сгорел на

посадочной полосе... Тэд подошел

сзади к Виктории, осторожно положил руку на ее велико-
лепную талию и отвел в сторону.

Виктория все же успела рассмотреть своего насмешника
Гарди, показать пальцем на плохо

проглаженный ворот его рубашки и тихо серьезно заме-
тить:

– Мистер, вам нужно срочно поехать домой. Прямо сей-
час.

Гарди взбеленился, хотел, было высказаться, принял ее
замечание за издевку – дескать,

он не умеет обращаться с утюгом в отсутствие жены. А
вышло другое. Оказывается, он

оставил утюг включенным, и если бы не был таким тупым
и самоуверенным, послушался

будущей прорицательницы или выяснил, что она имела в
виду, то квартира бы не сгорела.

Никто этого не понял тогда, кроме Тэда. А Тэд промолчал.
И сделал выводы. Он отвез

девушку в опустевшую ее квартиру, своим платком вытер
ей слезы, сказал, что завтра

придет и ей не нужно ни о чем беспокоиться, поцеловал
в мокрые губы, оставил на столе

деньги и ушел.

Виктория не любила Тэда, хотя, что это такое – любовь?
Совершенно не понятно. Да

любила ли она кого-нибудь! Сейчас ей было двадцать пять, ему – тридцать. А тогда... Он ей только нравился, замечательный друг, каких не часто встретишь, помогал ей деньгами, а они у него водились всегда. Он говорил, что работает на какой-то государственной службе, может быть в Федеральном Бюро по Расследованию особо опасных преступлений или что-то вроде этого. Отдавалась она ему страстно, но редко: он всегда был занят каким-нибудь очень срочным делом. Иногда присылал дорогого клиента по своей работе, оплата которого могла прокормить ее целый год и обеспечить затраты на одежду и украшения.

Кроме того, ей не приходилось бояться рэкетиров: Тэд хорошо платил телохранителю, следящему за ее домом и за каждым ее шагом. Впрочем, она почти никуда не выходила из дому, и Дорош мог в любое время ожидать сигнала ее маячка, спокойно ходить с радиотелефоном в супермаркет и наблюдать за ней с окон своей квартиры, когда она «заряжалась» по утрам в лоджии. В этом пока что и складывалась вся его работа телохранителя.

Практически Виктория феноменально помогала Тэду

справляться с заданиями, почти невыполнимыми простым смертным. Вначале это страшно удивляло коллег по работе, раздражало и даже настораживало Гарди. Все неофициальные попытки узнать у Тэда источник его немыслимо уникального осведомителя, проходили тщетно. Рискуя своим положением, Тэд, в конце концов, откровенно поставил условие – либо так, либо никак, объяснив при этом, что личной жизнью он обязан своему безымянному помощнику и должен сохранять его спокойствие для дела. Насчет личной жизни он конечно приврал. Слишком ценны были те услуги, которые Виктория приносила Фирме. После этого заявления Виктория была негласно «зачислена на должность тайного агента со штатным финансированием под кодовым знаком Т-2». Понятно, имелось в виду его имя «Тэд» с учетом порядкового числа.

23

Он, безусловно, пришел к Виктории по делу. Он был уверен – приблизительно она уже знала, о чем пойдет речь. Ей достаточно было увидеть его и обмолвиться с ним каким-нибудь словом. По этой причине общаться с ней было

очень легко и приятно. Не

приходилось дотошно объяснять тактику, достаточно осветить цель и причину.

Наконец, Виктория появилась в дверях кухни, неся перед собой маленький поднос. Тэд

смотрел на подрагивающую упругую грудь, не нуждающуюся в поддержке какого-либо

бюстгальтера, любой из них выглядел бы недостойной ее тела деталью, несчастной

тряпкой, да она его и не носила. Тэд подумал о том, что все это сейчас некстати и,

усмехаясь добродушной усмешкой, машинально взял из рук Виктории поднос. Стояли

стаканчик «Или» чего-то крепкого белого, глиняная чашечка парующего кофе и на

расписном сервизном блюде лежало два бутерброда с ветчиной. Виктория опустила на

расписную с вышитыми буддистскими знаками циновку, уютно устроилась в позе «Лотос»

напротив Тэда.

– Ты права, дорогая. О деле. Я приведу тебе очень ценного клиента. Оплата высокая.

Отнесись к нему особо.

– Ты вчера с ним встречался?

– Да.

– Но он иностранец, не так ли? Чем он расплачивается?

– Он из России. Все будет зависеть от результатов нашей с тобой работы.

– Тэд, я не о деньгах. Мне просто интересно с ним поговорить.

– Я знаю. Тебе нужно заглянуть поглубже, чем обычно. Может быть, не в одну и не в две встречи. Меня интересует его истинная цель приезда и что будет потом.

– Когда вы придете?

– Завтра.

– Мне переставить клиента?

– Придется. А кто у тебя сейчас?

– Твой Томас. Сегодня последняя встреча. Завтра ты можешь его забрать.

– Не спеши. Как он тебе понравился?

– С ним все нормально. Теперь смотри сюда...

Виктория пристально посмотрела в глаза Тэду. Не моргая, он остановил свой взгляд на

ее переносице. Хотя очень хотелось, не торопясь, опуститься ниже на кончик ее носа,

поцеловать его, затем сделать то же самое с ее страстными губами и ртом, скользнуть по

подбородку, гладкой шее, войти между двух лишаяющих рассудка упругих бархатистых

прелестей, затем ниже и ниже... о, Господи! Тэд ощутил наготу своих желаний и еще

каких-то непонятных чувств, приятный холодок, будто его грудь распахнули в знойный день и подставили дуновению свежего воздуха. В памяти невольно возникла встреча на вокзале аэропорта с Евгением из России...

*

Рано утром Евгений звонил с аэропорта прямо ему домой. Сказал, что будет ждать Тэда возле касс до упора, что у него есть выгодное «дело», в первую очередь для него, для надежного друга. Точнее сказать, от родственной структуры в СССР его Фирме он привез хорошо оплачиваемую работу. В кассовом зале Тэд узнал Евгения сразу, издали, по фигуре, по манерам, характерным только одному субъекту и еще черт знает по каким признакам, неведомым любому мало-мальски натасканному сыщику. Он стоял недалеко от окошка кассы, высокий и плотно сбитый, с острым пронизательным взглядом широко расставленных глаз, торчащих из-под мятой кепки, похожей на ту, что видел в Москве на плакатах с изображением вождя пролетариата с поднятой рукой. Правда, рукой, в отличие от вождя, Евгений держался за металлический косяк кассового помещения у себя над го-

ловой. Да, это был он, Евгений, у

него такая привычка держаться за что-нибудь у себя над головой.

24

Тэд вспомнил московский транспорт – в короткие дни командировок запомнилось

самое простое, что осело в памяти – массовый всплеск рук пассажиров, держащихся за

полированную металлическую трубу над головами, как молчаливый единый человек,

едуший куда-то в неведении, в виде бесчисленных теней, уходящих и растворяющихся в

тумане пыльного вагона. Глядя на Евгения издали и, вспомнив пассажиров, Тэд подумал о

друге смешное – не один ли он из них, отщепенец клана, случайно выпавший из

советского трамвая на дорогу?

Они обнялись, хлопнув друг друга по предплечью, словно проверив себя на былую

прочность, для вежливости спросив друг у друга о здоровье и успехах, пошли, не

сговариваясь в привокзальный ресторанчик. Естественно, Тэд хотел угостить своего друга,

но тот категорически инициативу взял на себя. Тогда Тэд удивился:

– Неужели советский человек стал капиталистом?

Евгений скромно пожал плечами:

– Ну... бывают же исключения.

– Это интересно, – не поняв, все же заметил Тэд.

Евгений усмехнулся, но резко погасил усмешку и поднял свою рюмку:

– Давно мы не виделись, Тэд!

– Год назад. А ты неплохо владеешь языком.

– Приходится по службе постоянно на английском...

– Конференция?

– Как всегда. Но самое главное... Впрочем, давай вначале за очередную встречу.

Они выпили. Тэд немного рассказал о работе, о самом житейском, на вопрос Евгения

ответил, что пока холост и вряд ли женится, поскольку Виктория, которую безумно любит,

едва ли вторая существует для него в природе.

– Ничего, старина. Все образуется. Лучше послушай, что я тебе сейчас расскажу. Я

приехал (не от себя!) с очень щепетильным предложением вашей Фирме. Нужно

поработать под грифом «Совершенно секретно, КГБ СССР». А точнее – от моего отдела,

поручившего это дело мне. Почему мне? Просто: для более успешного проведения

операции, я взял на себя эту ответственность и сказал, что у меня есть ты, хороший и

надежный приятель. Не без корысти для нас обоих, конечно. Сказал, что потребуются немалые средства. Персонально для тебя. Я правильно поступил, коллега?

Тэд с усмешкой глянул на Евгения и, немного помедлив, поправил:

– Напарник.

– Что? А! О`кей: напарник.

– В чем суть дела? – спросил Тэд спокойно, будто заранее был согласен работать в

качестве напарника с русским полицейским, но хотел знать подробности.

– Не буду пересказывать беседу с твоим Гарди. Его вполне устраивает договор с

гонораром в миллион пятьсот тысяч долларов, в числе которых пятьсот тысяч твои. Работа

простая. Ну, настолько простая, что проще не придумаешь. Но может это мне так только

кажется. Нужно оригинал инициаций двух советских ученых, Назарова Владимира

Александровича и Роберта Корнева... документ называется «Практическое пособие по

развитию Совершенства Разума»... передать мне для возвращения его на родину, отчего

информация содержимого не станет достоянием других государств. Легенда должна

выглядеть так: этот документ сгорел при пожаре. Все расходы по договору берет на себя

КГБ СССР. В случае невыполнения условий со стороны заказчика, то есть с нашей

стороны, исполнитель, (ваша Фирма), может этот контракт подвергнуть огласке. Теперь мне нужно твое согласие, дружище.

Тэд молча минуту крутил в пальцах салфетку, обдумывая условия, изложенные

Евгением. По сути, департамент страны советов предлагает Фирме ФБР участие своего

официального дела в качестве неофициального партнера. Ну что ж, если Гарди подписал

договор, то ему, Тэду, нет смысла перебирать едой, не Бог знает какая он персона! И на

этот раз он серьезно сказал Евгению:

25

– Только с одним условием...

– Тэд, – обрадовано перебил его Евгений, – любые! Я даже знаю, о чем ты подумал. Не

волнуйся и не переживай: первое – это полная конфиденциальность, второе – гарантия

оплаты. Что касается первого, придется довериться моему честному слову. Второе –

обеспечиваю прямо сейчас: я принес тебе дополнительно триста тысяч, о которых не будет

знать никто. Годится?

– О`кей. Это немного успокаивает. Во всяком случае, при таких деньгах я не пропаду,

если из-за тебя меня уволят. Но ты не дослушал мое условие. Тебе придется пойти со

мною к... психоаналитику, – соврал Тэд, – она проведет необходимый для нашей работы

сеанс. Оплата твоя за ее услуги. Только после этого мы сможем начать. Это же тебе скажет

и Гарди.

– Напарник, ты меня обижаешь: нет проблем! – Евгений достал из внутреннего кармана

конверт и передал его Тэду, – здесь инструкции. – Затем извлек чековую книжку, оторвал

бланк и подписал его на пятьсот тысяч долларов.

Тэд искоса взглянув на чек, с усмешкой, какая всегда в хорошем настроении осветляет

его лицо, заметил:

– Вот так тебе верить, коллега! Говорил триста, а подписал на пятьсот.

– Извини, напарник, – с нарочитой издевкой произнес Евгений, – такое уж я дерьмо!

– Тогда, напарник, ты меня очень порадовал. За это и выпьем!

Созерцание внутреннего света

Покинув Хибискус-роуд, а за ним и фешенебельный квар-

тал Северо-восточного района,

Джон направил машину по Линкольн-авеню к океану. Он отказался от встречи с Моной,

пока не прояснит окончательно всю ситуацию. Он постарается без дополнительных

вопросов разобраться в ее соучастии этого дела. Учитывая ее характер, не было никакой

надежды на удачный разговор без доказательных аргументов. Ничего, пусть поскучает, да

и ему необходимо опомниться и поставить все на свои места. Наверное, пришла пора

выбора. И он примет участие в этом жестоком шоу.

Набрав номер своего друга Майкла, он подумал, что звонок очень затянулся.

– Джон, ты вовремя позвонил. Мне кажется, я незаметно, но уверенно погружаюсь в

трясину. Снова позвонил этот тип. Где ты сейчас находишься? Можно говорить?

– Да, Майкл, говори. У меня в машине пока что жучков нет.

– Ты уверен?

– Вполне.

– Ладно. Так вот, он знает все твои передвижения. Такое впечатление, словно он

бестелесный. А может быть гений. Например, в конце разговора он мне посоветовал

позвонить тебе через пятнадцать минут. Он сказал, что в это время ты будешь на пути к побережью. Но мне это совсем не понравится, если ты скажешь, что он оказался прав.

– Майкл, он оказался прав. И я теперь перестаю удивляться. Пора серьезно подумать.

Ты не возражаешь? Если нет, то жду тебя сейчас в баре Фан-клуба.

– Хорошо. Выезжаю.

Джону пришлось немного подождать Майкла в баре Фан-клуба за стаканом коньяка и ледяной водой.

Узнав инспектора, люди Пола Бассетта, владельца заведения, подошли к нему,

предложили свои услуги послать за хозяином. Он ответил, что немного отдохнет от

встречи с Бассеттом и сделает это несколькими минутами позже. Конечно же, люди Пола

сразу сообщили своему хозяину о его прибытии. Джон понимал, что его присутствие не

могло принести обитателям Фан-клуба приятных эмоций. Не развлекаться же он сюда явился!

26

Сидя на софе у Моны, Джон наскоро ознакомился с сюжетом первой части романа

Майкла, и теперь он понял, что все идет по заданному сценарию. Тогда какую цель предусматривает роль Моны? Сомнения снова охватили Джона. Неужели Мона действительно замешана в этом дерьме?

И снова Джон, – в который раз! – поймал себя на запретной теме.

Наконец, у входа появился Майкл. Он издала рукой по-приветствовал бармена, скинул с плеча фотокамеру и уселся напротив Джона.

– Ты будешь пить то же, что и я?

Майкл не возражал. Джон послал взгляд услужливому бармену, кивком головы показал на свой коньяк и на Майкла. Музыка, исходящая откуда-то сверху, на мгновение притихла,

и бармен в этой тесной паузе произнес «Слушаюсь, сэр!»

– Перед тем, как зайти в зал, нам нужно обговорить все детали, Майкл.

– Согласен, но вначале послушай запись, – Майкл приложил диктофон к уху Джона.

Из пластмассового корпуса прозвучал молодой, хорошо поставленный и знакомый, как

показалось, голос мужчины: «Hello, Майкл! Мне понравилась первая часть твоего сюжета.

Давай договоримся о наших с тобой делах. Я обещаю следовать сюжетной линии, но ты,

как профессионал, не разочаруешь меня традиционной банальностью, хорошо? Так что

жду продолжения в виде готовой рукописи для следующего номера. Эту часть я скоро

исчерпаю, имей в виду! И тогда тебе придется описывать то, что не ты, а я для тебя

сочиню на практике. Кстати, позвони своему другу Джону. Он через пятнадцать минут

будет на дороге к океану. Бай-бай!»

– Ну что, впечатляет?

– Ублюдох он. Только не пойму, для чего это ему? Что он хочет?

– Это я постараюсь выяснить, Джон. Напрямую с ним. Я обещаю.

– Узнай, если сможешь. А пока мне необходимо выяснить, кому принадлежат отпечатки

в доме несчастного Клода. Они же кому-то принадлежат! Клод работал здесь за одним из

столиков рулетки. И вот еще, хочу, чтобы ты знал. Я расспросил управляющего домом,

Бейлиса. Он мне выдал сумасшедшие сведения. Знаешь что? – Джон обхватил руками

свою голову и резко освободил ее, расставив в стороны раскрытые ладони. – Он назвал

спутницу Клода, когда тот оформлял квартиру. Ее звали Мона. По описанию – точь-в-точь

она, моя Мона. Что происходит, Майкл? – Джон снова обхватил голову руками и, опираясь

локтями о стол, минуту созерцал пустой стакан из-под коньяка.

– Может с этим нужно смириться? – Майкл сочувствующе посмотрел на Джона.

– Я не хочу этому верить. В лучшем случае Мона, как и я, оказалась в дерьме. Мне –

служебное разбирательство, ей – подозрение или соучастие в убийстве. У меня

ограниченный срок расследования, Майкл. Шеф уже предупредил. Раньше времени ему на

глаза показываться нельзя. Сведения тоже придется подать с задержкой. Ситуация не

позволяет мне подключить других официальных лиц. А тут еще эта записка!

– Успокойся, Джон. Эта записка подождет, – сказал Майкл.

– Согласен, подождет. Тогда, если не возражаешь, займемся ее автором, – сказал Джон,

будто все решал Майкл.

Джон расплатился с барменом, и они вошли в игорный зал.

Здесь, как и должно, оживленно, сосредоточенно, празднично. На небольшой сцене под

томную сексуальную мелодию выкручивает пируэт тан-

цовщица. Цветомузыкальные

прожекторы неожиданно изменяют цвет наряда исполнительницы.

Их встретил работник клуба в голубом форменном костюме с черными окантовками на лацканах и манжетах.

– Господа?

– Нам твоего хозяина, дружок.

– Прошу за мной, господа, – пригласил работник элегантным жестом.

Они прошли через зал по служебному проходу на второй этаж в гостиную, а скорее,

офис с широкими окнами, тремя мягкими креслами, большого размера журнальным

27

столом, несколькими расставленными в разных местах стульями, в углах и посередине

бочками в полуметровую высоту с экзотическими растениями, рабочим столом. Свет

уходящего дня приглушенно проникал сквозь жалюзи.

Прохладно. За столом в

комфортабельном кресле покоился не в меру упитанный человек. Его добродушное с

маленькими глазками лицо светилось улыбкой. Он привстал навстречу гостям:

– Рад вашему приходу, господа. Присаживайтесь, – тон-

ким женским голосом

проговорил Бассетт, – коньяк, Сайдакар*, кофе?

– Можно коньяк, – Джон разместился в кресле, взял сигару из коробки лежащей на столе.

Майкл сел рядом. Бассетт незаметно кивнул молодому человеку, стоящему у входа.

Тот вышел и сразу же на его месте появился второй, ни одеждой, ни внешностью не отличающийся от первого.

Очень быстро вошел официант с подносом – маленькими стаканчиками коньяка и

бокалами ледяной воды. Бассетт, пристально посмотрев на гостей, спросил:

– Инспектор, чем обязан? Хотя догадываюсь, о чем пойдет речь.

– Вы совершенно правы, Пол. Именно о том, о чем догадываетесь. Меня и моего

коллегу по расследованию интересует ваш бывший работник Клод. Что вы можете сказать

по этому поводу?

– Жаль беднягу. Было бы из-за чего.

– Нет, мистер Бассетт, вы меня не поняли. Я не о самоубийстве. Речь пойдет об убийстве Клода.

Лицо Пола Бассетта никак не изменилось, чего не ожидал

Джон. Наоборот, Пол принял сообщение с заведомо спокойной реакцией осведомленного человека. Усевшись поудобней в кресле, он закурил, и некоторое время молча что-то обдумывал. – Что же вы полагаете, мистер Конрад, мне моя шкура безразлична? – наконец спросил он.

Джон пожал плечами. Такой откровенности независимого общения со стороны Пола он не предполагал, хотя мог бы встретить и вполне морально оправданный отпор.

– Вы скажете «верно». Так вот, Джон, из уважения к вам и еще по очень личным причинам я, вместо ответа, помогу вам немаловажным советом, в чем я и сам

заинтересован. А вы взвесьте и поступите правильно. Клод был на редкость гениальным работником. Таких просто редко встретишь. Нет, не в том смысле, что был слишком

исполнительным и честным крупье. Вы же понимаете, с какой тщательностью мы подбираем людей на работу, связанную с непосредственными деньгами на столе. Так вот,

Клод был гениальным по природе. Его феномен заключался в способности притормаживать вращение диска рулетки, не прикасаясь

ни к чему. Рабочие места

контролируются видеокамерами, я их вижу здесь, – Бас-сетт протянул руку к столу и тут же

стоящий на крышке экран монитора повернулся к зрителям. На растре появилось

изображение игорного зала, автоматически переключаясь, то на один, то на другой объект

с определенной паузой. – Клод об этом знал. И не использовал свою возможность утаить

деньги. Но его погубила профессиональная страсть. Несколько крупных сумм он, таким

образом, оставил нашей казне. Не скрою, я был восхищен им, и даже в глубине души

благодарен ему. В то время наши дела шли плохо. Межрегиональный контроль,

безусловно, при всей своей старательности не смог бы уличить его в афере. Да и этих

фактов было за все короткое время, какое он у нас проработал, три, не более.

Единственный свидетель – это моя видеотехника. На замедленном прокручивании четко

просматривается реакция торможения диска на заинтересованном знаке. Я понимал, что

это плохо кончится и в тот роковой вечер, когда к его столу подошел очень богатый клиент,

я решил спуститься к нему в зал еще до начала игры, что-

бы отозвать его на откровенный разговор. Но не успел. С микрофона я услышал вот что, – Бассетт нажал кнопку на пульте управления, и в пространстве прозвучали голоса смешанные с общим шумом зала: «Клод, ты считаешь меня младенцем? Нет, это ты младенец против меня, хоть и гениальный. Мне мой выигрыш, как и проигрыш ничего не стоят, но Ридли и Мейсен другого мнения. Они

28

со своими капиталами раздавят тебя, как клопа, и не оставят в стороне богадельню твоего жирного папы. Это только из-за одного своего престижа, из-за унижения, которое они вынесли по твоей вине, когда несколько гнилых миллионов ты вытрусил у них и оставил своей фирме или положил себе в карман. А точнее – украл. И вообще, зачем тебе все это?

Живи поспокойней. Я тебе предлагаю кучу денег. Их тебе хватит не только до конца твоих дней, но и твоим потомкам. Соглашайся. Ты пойми, у меня нет другого выбора. Если бы был, я бы не настаивал – нет, так нет... В общем, выбирай. Либо я тебя заложу, и тогда тебе крышка в моральном и физическом смысле, либо ты король с деньгами. Сегодня я приду к

тебе домой. Это последний срок. Бай-бай!»

Бассетт запрокинул голову на спинку кресла, задумался.

– Когда это было? – спросил Джон.

– После этого разговора Клод на работу не явился.

– Вы видели лицо этого человека, мистер Бассетт? – спросил Майкл.

– Видел. Но это все, чем могу помочь, – ответил Пол, обращаясь к Джону. – Советую

войти в контакт с кем-нибудь из научного мира. Например, из Международной

Ассоциации Биоэнергетики. Она имеет прямое отношение к способностям Клода.

– Хорошо, Пол. Даже притом, что вы нам рассказали далеко не все, мы очень

благодарны вам, – Джон поднялся, протянул на прощанье руку, – обещаю, наш разговор не выйдет за пределы этих стен.

– Пожалуйста, Джон. Но когда я почувствую гарантированное спокойствие, сообщу

вовремя. Приходите. И еще, – он показал на молодого парня у дверей, – это Арчер. Он вас проведет и покажет кое-что.

Они снова оказались в игорном зале.

На сцене под энергичную мелодию танцевала уже другая девушка. Арчер коротким

жестом показал на дальний угол зала за колонну, где не

было посетителей, на видеокамеру,

подвешенную под потолком.

– Босс приказал мне остановиться здесь. Видите сцену?

– Видим, и что же? – Джон внимательно посмотрел туда, где танцевала девушка.

– Так вот, она танцевала до того дня, как исчез Клод.

– Кто «она»? – поинтересовался Майкл.

– Этого я вам сказать не могу. Она была любовницей Клода. Она работает, но на сцену

мистер Бассетт выходить ей запретил. Он сохранил ей зарплатку и сказал, что это

временно, скоро все станет на место, и она снова будет танцевать.

– Она далеко живет? – спросил Майкл, в надежде узнать хоть что-нибудь.

– Не знаю. Но она никуда не выходит. Здесь она под надежной охраной.

– А вы не смогли бы нам описать ее внешность? – допытывался Майкл.

В ответ Арчер только признательно улыбнулся. Джон с усмешкой взглянул на Майкла.

Они тепло попрощались с Арчером, и вышли к машине.

Но уехали не сразу, сидели на сидениях молча, словно старались отдышаться после утомительного бега.

– Тебе не кажется, что нам пора определить, где в твоём

сюжете мы находимся? –

спросил Джон, наконец, сбросив с себя тяжелые впечатления, оставленные встречей с

Полом Бассеттом.

– Мне тоже пришла эта мысль. Кажется, теперь нам нужно быть особенно
осмотрительными.

– Глубоко и верно мыслишь, – едко заметил Джон. – Ты хотел сказать, не попасться бы

нам в твоей мышиной игре в свою же мышеловку. Я не уверен, что наш визит к Бассетту

не замечен нужными людьми в нужном месте.

– О`кей! Даже сейчас, – подхватил Майкл, – чувствую своим затылком чей-то

невозмутимый взгляд.

– И еще. Бассетт прав. Он на видном месте и только дураку непонятно зачем мы

пришли в Фан-клуб. На первой ступени он решил остаться в стороне, откуда можно было

29

бы направлять. Хорошая тактика! И это мы принимаем. Хотя в твоём сюжете герой в роли

Пола – пассивная фигура. Что следует дальше? – Джон вопросительно посмотрел на

Майкла.

– Но Джон! Сработали другие контакты, например, Ар-

чер. Вот почему в сюжете убийца

решил помешать следствию насильственным методом.

Хотя на самом деле он должен быть

заинтересован в сохранении безопасности следствия.

– Какая ему, убийце, разница? Главное выполнить задачу.

А если он ничего серьезного

не предпринял, то, наверное, задача до конца еще не выполнена. В чем дело, Майкл? У

тебя авторские причины, а у него свои, существующие в нашей жизни. В этом

преимущество реального убийцы. Очевидно, его хорошо знает Бассетт. Такая уж у него

работа – знать всех своих клиентов.

Майкл помолчал, раздумывая, и сказал с сожалением:

– Наш осведомитель в опасности, Джон. Это Арчер. Так по сюжету, – но тут же

добавил, – или кто-то другой, допустим, реальный свидетель. Например, любовница

Клода.

– Арчера можно предупредить по телефону или радиосвязи через Бассетта. А вот

любовница... она еще не найдена.

– Это мало что даст. Бассетт не хуже нас осведомлен.

– Тогда поехали дальше.

– А дальше мне придется ехать к Моне, чего я не хотел делать.

Джон минуту колебался, но все же решил определенно:

– Ладно. Попытаюсь сдержаться и притвориться неосведомленным в ее похождениях...

Если бы ты знал, Майкл, чего это мне стоит! Мона дороже мне самого себя. Не могу

верить, что она мне изменила, дружище. Так что мы разъехались. Звони к Моне.

Майкл пожал руку Джону и пошел к своей машине.

По дороге Джон рассуждал так. Если Пол с минимальным риском направил его, Джона

в Ассоциацию, то скорей всего нужно искать причину там. Джон должен это сделать, даже

если вслепую наткнется на самого убийцу. Другого выхода нет. Можно найти любовницу

Клода, она что-нибудь да скажет, хотя шансов на это меньше, чем ожидается.

*

Арчер знал жесткие инструкции: после любого действия должен последовать

подробный доклад боссу. Установленное Бассеттом правило еще никто не нарушал.

Сделал работу и обязан немедленно прийти к Бассетту, подробно изложить полученную

информацию, свои впечатления и наблюдения.

Арчер окинул натренированным взглядом игровые места, пронаблюдал за работой

разменной кассы, оценил обступивших клиентов, проследив за их передвижением, и

вскоре убедился, что резких изменений в характере общей обстановки не произошло.

Возле кассы понуро стоял охранник. Арчер покинул зал и по дороге к Бассетту зашел в

туалет. Здесь он наткнулся на своего напарника Питера. Питер должен был «пасти»

Арчера и в критический момент помочь ему. Босс не зря, наверное, подобрал себе

оперативную пару, мало отличающуюся друг от друга не только по возрасту и внешности,

но и по физическим способностям – оба были вполне натренированные в ближнем бою и

не страдали, как подавляющее большинство людей, рассеянным сознанием. От обоих он

требовал чистой ничем не отличающейся фирменной одежды. Это была пара, которая не

раз выручала его в критических ситуациях. Во всех случаях срабатывала его хитрая

выдумка двойников и строгое распределение их деятельности. Очевидно, босс был

человеком неглупым, так, по крайней мере, считали его работники.

– Что ты об этом думаешь? – спросил Арчер.

Они любили общаться полуосмысленными фразами, им

нравилось значительно

сокращать время на получение и выдачу информации.

– С учетом тебе известного, – саркастически заметил Питер.

30

– Хотя бы то, что тебе...

– Кроме того, что он коп, любит коньяк и ледяную воду, а его напарник хороший

приятель, наверное, журналист, больше ничего.

– Что касается нас... Так решил босс.

– Тебе что-то, а мне ничего?

– Видно, так надо. Он так пожелал, Питер. Но я бы хотел сейчас быть на твоём месте.

Неосведомленность безопасна. Правда, что-то мне все это не нравится, в отличие от босса.

Я только что в этом увидел свой минус.

– А мне интересно. Я бы поменял твой минус на мой плюс. Чтобы уничтожить скуку.

– В следующий раз это учтем. О'кей?

– Учтем. Не люблю работать в пассивном режиме. Босс, видно, не заметил маленькую

тонкость нашего с тобой внутреннего мира.

– Нет, Питер, тут что-то другое, – задумчиво ответил Арчер, – я ощутил это состояние

недавно, можно сказать только что. Пойди, доложи боссу, что я в экстазе и когда закончу,

сразу же приду, – добавил он, хитро улыбаясь и застегивая змейку на брюках. – Но то, что

я испытываю, это какая-то тяжелая депрессия. Такого со мной раньше не было. Сейчас

попрошу у босса полчаса на медитацию успокоения. Иначе нам действительно придется

поменяться местами, пока еще меня не загрузили информацией как следует.

– Я знаю, отчего это у тебя, Арчер.

– Отчего? – заинтересованно спросил Арчер.

– От избытка содержимого в мочевом пузыре, – с иронией кинул напарник. – Мой тебе

совет: не бери в голову и хорошо встряхивай, чтобы не подумал босс, что мокрое пятно на

брюках у тебя – последствия симптомов мании преследования, – напоследок заметил он,

выходя из туалета.

Арчер признательно отметил, что на этот раз его напарник Питер побил его, и то –

благодаря своему своевременному исчезновению. А иначе, собравшись, Арчер взял бы

верх над интеллектом приятеля. В этом он ничуть не сомневался. Так, по крайней мере, он

думал, когда мыл руки и освежал лицо прохладной струей воды из крана.

Закончив, он почувствовал неожиданное освобождение

от гнетущего состояния,

испытанного только что. Поискал платок, чтобы привести себя в порядок, но, не найдя,

взглянул в зеркало и внимательно присмотрелся к своему отражению. Напряженные черты

лица разравнивались прямо у него на глазах, превращая чужое морщинистое, в лицо

гладкое, его настоящее. Арчер возмущился такой точности определения Питером его

ощущений – он и в самом деле получил облегчение! «От избытка мочи, – засмеялся

Арчер, – нет, тут что-то не так. Такого раньше со мной не было», – подумал он, чувственно

проведя ладонью по недавно напряженному лицу. Теперь он ощутил себя уверенным и

энергичным.

Питера у босса не оказалось. Арчер недоуменно смотрел на Бассетта, читая на его лице

упрек и молчаливое ожидание.

– Нет, он должен быть где-то здесь. Я ему сказал. Такого не может быть, – проговорил

Арчер, вкладывая в свои слова только удивление, а не суть.

– Так. Это уже мне не нравится. К привычному примешивается чужой запах... Хорошо.

Допустим. Рассказывай, в чем дело? Только по порядку.

– Все нормально, босс. Никакого отклонения.

– Это, по-твоему, никакого отклонения? – с усмешкой спросил Бассетт.

– Был ожидаемый вами вопрос.

– И что ты сказал им?

– Я сказал им... вот так, – Арчер показал мимику, которую изобразил перед Майклом в

ответ на его наивный вопрос о внешности танцовщицы.

– Да? – удивленно произнес Бассетт. – А что? Не плохо!

Так. Дальше.

– Потом проверил обстановку и через три минуты зашел в туалет.

– Пописать? – с легкой усмешкой уточнил Бассетт.

31

– Да, – Арчер растерянно развел руками, этим выражая свое скромное право на

естественные надобности.

– Правильно, – успокоил Бассетт и посмотрел на брюки боевика. Арчер невольно

провел рукой по шву, проверяя змейку.

– Правильно. А дальше, твои впечатления?

– В общем, обстановка нормальная, как я вам сказал.

Только вот...

– Говори, не стесняйся.

– Да нет, это к работе не относится. Мне не понравилось мое внезапное состояние,

босс. Почему-то меня охватила неуверенность и подавленность. Неприятно об этом говорить, но я, как вы требуете, обязан...

Бассетт жестом раскрытой ладони дал понять, чтобы Арчер успокоился и умолк, окинул его внимательным взглядом своих маленьких глаз. Минуту что-то обдумывал.

– Ну, хорошо. Дальше, – наконец вымолвил он.

– Потом все внезапно прошло, но только после ухода Питера, когда я стал умываться. В

зеркале на моих глазах происходило изменение моего лица. Такое впечатление, будто

накануне меня кто-то достал, а теперь извинялся с самыми лучшими пожеланиями. Это

мне показалось странным. Раньше такого со мной не происходило. Мне нужен часок на медитацию успокоения.

– Ты что-нибудь сказал в последнюю минуту, когда Питер уходил из туалета?

– Я не сказал. Я подумал, что он вовремя исчез.

– Это что за бред? Подумал опрометчиво. Вот он и исчез. Ты свободен, Арчер. Спасибо

и у тебя есть час. Но сначала найди мне Питера, – озабоченно сказал Бассетт.

– Слушаюсь, босс.

*

Черный Мерседес стоял припаркованный за углом улицы в мало примечательном авто-

кармане и не привлекал внимания посторонних. Ничего особенного в нем не заметил и

Джон, когда проезжал мимо. Внимательно оценил тонированные стекла машины.

Внутри сидели трое мужчин. Один из них – можно его назвать главным – высокого

роста, худощавый, светловолосый с короткой стрижкой, одетый в серый костюм с

галстуком. Два других – спортивного телосложения, темнокожие, одетые в легкие темно-коричневые куртки.

Светловолосого звали Джеймс Т. Норрис. Он протянул руку к одному из своих

подданных – тот вынул из кармана фотографию Арчера и положил ему на ладонь.

– Фетиш*, – сказал Джеймс, внимательно всматриваясь в фото.

Второй темнокожий подал ему носовой платок. Джеймс, не отрывая глаз от

изображения Арчера, поднес платок к лицу, скомкал в ладонях, втянул воздух и закрыл

глаза. Несколько минут все трое неподвижно сидели на своих местах, сохраняя молчание.

Вскоре Джеймс подал знак, люди в куртках вышли из ма-

шины и неторопливой легкой

походкой направились к входу Фан-клуба.

Питер вышел из туалета и первое, необычное, что он заметил, – в молчаливом

ожидании стояли два незнакомца. Он спросил официально, что нужно посторонним

господам в служебном помещении, на двери которого четко написано «Не входить!» В

ответ парни в куртках молча направились к нему.

Эта неторопливая походка, когда нападающий в короткое мгновение концентрируется

перед действием, была Питеру знакома и регулярно отрабатывалась инструктором на тренировках.

Подпустив парней на необходимое расстояние, Питер резко изменил позицию,

заставившую противника потратить время на фиксацию нового положения. Удар ногой он

нанес ближайшему в горло. Человек в куртке полетел на руки своего напарника, которому

пришлось принять его и отбросить в сторону. Этого времени вполне хватило, чтобы уйти

вглубь коридора, где находилась одна из кнопок сигнализации. Но Питер нажать ее не

32

успел. Нападающий выхватил из-за пояса револьвер с глу-

шителем и выстрелил ему вслед.

Дальнейшее Питер уже не помнил.

Бармен за стойкой в баре видел, как двое в куртках спокойно вывели под руки на улицу

Питера, волочившего ноги от перепоя.

Эта последняя информация была Арчером дословно передана боссу.

Знакомство с дьяволом

За длинным столом президиума сидели несколько человек. Нет, это не пустой зал

заседаний. Смутные очертания предметов наталкивали на отдаленную мысль, что Питер

находился в самом неприметном месте зала, в полумраке рабочей обстановки какого-то

серьезного совещания. Звуки, еще не принявшие осмысленную форму, то уходили в

глухую глубину просыпающегося сознания, то с наступающей ясностью всплывали на

поверхность и соединялись с движениями присутствующих. Впереди при тусклом

освещении зала на фоне яркой авансены отдельными группами вырисовывались

неподвижные очертания слушателей. В мозгу у Питера постоянно звучал один и тот же

голос с южным акцентом и навязчивой напористостью председателя. Этот голос звучал

даже тогда, когда выступал очередной докладчик. Докладчик не вставал со своего места, и непонятно, кто из сидящих за столом говорил.

— ... к сожалению, интересы исследователя ограничиваются его возможностями. Не в узком, творчески замкнутом, а во всемирно-масштабном преступном понятии. Я говорю «преступном» потому, что не только нечто, но и некто тормозит Пробуждение Разума нежеланием вникнуть, проверить, убедиться, но главное — не разобравшись, отрицать, активно мешать, вводя в заблуждение еще не утвердившихся, решивших постигнуть Истину для освобождения от Неведения и обретения безмерно радостного и счастливого существования человечества.

Господа, вам всем известно, особенно нашим гостям из Советского Союза и стран социализма, что многие годы различные регионы земного шара были, да и сейчас тоже, лишены доступа к информации об экспериментах, проводимых учеными США, Индии, Австралии. Совсем недавно в штате Айова в Фейерфильде открылся Университет по исследованию и совершенствованию Творческого Разума, феномена левитации,

трансцендентальной медитации. Мы близки к раскрытию Тайн Тибетских Доктрин с самыми благими намерениями постигнуть Истину и научить людей жить на Земле радостно и счастливо...

Питер быстро приходил в сознание и физическую форму. Теперь он ощутил притупленную работу мышц и попробовал управлять ими. На шее почувствовал болезненное место, нащупал рукой едва осязаемую ямку, а вокруг нее – припухлость.

– Ничего, Арчер, это комариный укус по сравнению с дыркой, какая могла быть у тебя в голове, – проговорил за спиной неприятный едкий голос. Питер попытался медленно обернуться, но тут же наткнулся щекой на холодный предмет.

– Сиди спокойно и дослушивай лекцию, – уже миролюбивым голосом произнес человек, – считай, медитацию своего восстановления ты уже прошел. А теперь отдыхай и постарайся вспомнить все подробности своего задания, которое тебе поручил Пол Бассетт.

Не вспомнишь, придется тебя направить на массаж для подновления тела, ибо в здоровом теле всегда здоровый дух. А нам ой-ой как нужен твой здо-

ровый дух, ты себе не

представляешь! Тем более, как ты сейчас слышал, этот здоровый дух может принести людям безмерную пользу на Земле.

– Но я действительно ничего не знаю. Мне поручили проследить за объектом и обеспечить его безопасность. Больше ничего.

33

– Нет, друг Арчер. Тебе дать послушать, что ты говорил своему объекту? – тонкая,

сухожильная рука протянула ему диктофон. Питер взял и приложил его к уху. В динамике

прозвучал голос Арчера: «так вот, она танцевала там до того дня, как исчез Клод. Кто она?

Этого я вам сказать не могу. Она была любовницей Клода»...

Питер отвел руку с диктофоном, повернулся и отдал его хозяину. Сзади сидел

худощавый светловолосый мужчина с короткой стрижкой.

– Нам нужно выйти, мы здесь мешаем, – дружелюбно сказал светловолосый и

поднялся. Только теперь Питер оценил его двухметровый рост.

Между тем, докладчик продолжал, заметно повысил голос, выражая этим важность информации:

– ... вместе с радостными открытиями, какие с собой привезли представители Китая,

Японии, Советского Союза на конференцию, я вынужден сообщить вам, господа,

неприятную информацию. О грязной акции, совершенной у нас в хранилище ценной

документации. К сожалению, исследователь суггестологических явлений, доктор Назаров

Владимир Александрович, автор важного открытия, совместно с инженером, Робертом

Корневым, исследователем одного Института в Советском Союзе, не может доложить вам,

господа, о методах дистанционного воздействия человека на предметы. Документация с

расчетами и проведенными опытами на эту тему были похищены ночью из сейфа.

Возможно, попозже господину Назарову удастся восстановить из рабочих экземпляров

оригинал. Руководство об этом сделает своевременное сообщение.

– Где это я нахожусь, мистер...

– Зови меня просто Джеймс, друг Арчер. Мы тебя доставим на работу после нашей

благополучной беседы. Это, как ты догадываешься, Международный Центр по

исследованию экзотерических и эзотерических наук и Йо-

гических практик на Пути к

Истине. Запомнил? Тебя это не может не интересовать, не правда ли? Что ж, у тебя

появился шанс стать Татхагатой Абхидхаммой – победителем в Истине. И получить

практику для овладения сверхчеловеческими способностями, дающими широкую

возможность управления в мире. Но эту возможность ты можешь и не получить. Все будет

зависеть от тебя самого, – заключил Джеймс, жестом руки приглашая Питера в уютную

гостиную – небольшую, светлую, с двумя креслами, столиком, телефоном и баром-

холодильником. Окон не было. Свежий воздух насыщенный прохладным утренним

прибоем заполнял помещение.

Джеймс сел в одно из кресел, показал Питеру на другое.

В двери появился человек в темно-коричневой куртке. Он подошел к бару, налил в

бокалы из графина напиток, подал на столик Джеймсу и Питеру. Сложив ладони возле

груди, он наклонил голову и так же неожиданно удалился.

Мучила жажда. Питер отпил из бокала и вспомнил, что человека в кутке он видел в

коридоре служебного помещения Фан-клуба. На лице Джеймса появилась небрежная

улыбка, он нехотя кивнул в сторону двери:

– Вы, кажется, знакомы, не так ли?

– Пришлось, – скромно согласился Питер.

– Расслабься, он зла не держит. Ему его вера не велит, – с легкой усмешкой заметил

Джеймс, – он в равной мере благосклонен и к тому, как ты ему весьма профессионально

двинул в горло, и к тому, что пришлось пустить тебе в шею усыпляющее.

Питер машинально потрогал припухлость на шее.

– Мистер Джеймс, мне до сих пор непонятно, зачем я вам нужен? То, что вы дали мне

послушать, исчерпывает на сто всю информацию, какую я с напарником получил от босса.

У Бассетта привычка не освещать полностью всю программу, а выдавать на определенный этап работы только то, что необходимо.

– Напарником?

– Да, сэр.

– Но твой напарник знает то же, что и ты?

34

– Нет, сэр. Он вообще ничего не знает. Такова инструкция. Он не должен знать, чтобы

исключить утечку информации. Он – блокирующий, мистер Джеймс.

– Вот как! – на лице Джеймса появилась вдумчивая улыбка.

ка. Он с признательностью
склонил голову, глаза засветились восторгом. – Это гениально, должен вам сказать,
господа. Ну и Пол, проказник! Это просто гениально. Так и передай своему боссу, Полу
Бассетту, от меня. И еще – привет. А пока сделаем вот что, – он на минуту задумался,
внимательно рассматривая лицо Питера, и потом решительно добавил, – не потому, что я
такой доверчивый, нет, Арчер. Мне ничего не составляет за ложь уничтожить не только
тебя и твоего напарника, но и твоего босса. Причем, мне не придется физически
соприкасаться с объектами своих жертв. Обычно, в таких случаях жертвы заботятся сами
о себе, ибо находят, что они этого заслуживают. Надеюсь, ты меня понял. Ты ведь
неглупый парень. Ты мне нравишься. Вот и скажи, что я решил?

– Сэр, вы решили меня отвезти на работу, как обещали, – невозмутимо ответил Питер.

– Верно. Тогда скажи, тебе понравилось у нас? Если да, то сделай выводы и тогда ты
захочешь работать у нас, получать инициации и техники для Совершенства.

– Да, сэр. С такими условиями, как вы сказали – да.

– Хорошо. Тогда приношу извинение за непроизвольную задержку. Мои люди доставят

тебя на работу. Итак, до следующей встречи, Арчер!..

– Но надеюсь, встреча будет не такой, как сначала была эта?

– Надеюсь, – с этими словами Джеймс встал и вышел из гостиной.

Вскоре вошел знакомый Питеру человек в куртке, молча показал ему на дверь и они

вышли, минуя несколько комнат, проходами, освещенными потолочными светильниками,

на улицу.

Стоял тихий жаркий день.

Черный Мерседес ожидал их, припаркованный у края дороги.

*

Проехав четверть мили, Джон почувствовал неодолимое желание остановить машину и

сделать что-то, что пока не укладывалось в сознании. Последние события начинали его

раздражать. Казалось, он неоправданно бездействовал или, по крайней мере, находился в

открытом океане на судне, которое плыло само по себе. Накопившаяся злость просилась

наружу, он невольно резко повернул руль влево, получился не очень приятный вираж,

машину развернуло в противоположную сторону. Не заметил, как включил полицейский

маячок, заставив притормозить встречное движение машин. Завизжали тормоза, кто-то

едуший в его направлении, зазевался и «поцеловал» бампер впереди шедшей машины.

Нажав на газ, Джон рванул с места и вскоре оказался возле кармана-стоянки, где только

что стоял Мерседес. Выключив двигатель, он минуту-две сидел, откинувшись на спинку

сидения, и успокаивался.

Сама по себе вспомнилась недавняя сцена. Мона упрекала его за ночную пьянку с его

давнишним приятелем Тройдом, вице-президентом компании по биоэнергетике. Что-то

очень научное звучало в этом названии. Неужели то, что он ищет, находится в Ассоциации,

о которой говорил Бассетт?

Не раздумывая, Джон нашел в справочнике, валявшемся в машине, номер

Международной Ассоциации.

Ему ответил молодой женский голос:

– Научный Центр Биоэнергетики к вашим услугам.

– Девушка, мне нужен мой друг, Тройд, вице-президент вашей компании.

– Вам нужен мистер Джеймс Норрис?

Джон на секунду затормозил с ответом, соображая.

– Алло! Вам нужен мистер Джеймс Норрис, кто его спрашивает?

– О`кей, о`кей! Джеймса Норриса, девушка! – вырвалось у него, боясь, что-то

испортить, – Джон Конрад, инспектор полиции.

35

– Минуту, мистер Конрад, я вас соединю с ним.

Очень быстро в трубке прозвучал знакомый голос:

– Hello, Джон! Как жизнь, старина? Что-то срочное?

– Не очень, Тройд, – проговорил Джон, почему-то добавив мысленно «Джеймс

Норрис». Но от вопроса воздержался. – Нам бы встретиться, как в прошлый раз. У меня к

тебе есть дело.

– Хорошо, Джон! С большим удовольствием. Фан-клуб тебя устроит?

Джон с неприятным предчувствием снова задержал ответ, но тут же поспешно

согласился:

– Время, Тройд?

– Давай к вечеру, часов в восемь. Я тут закончу кое-какие дела.

– Договорились. В Фан-клубе.

Джона это устраивало. Оставалось немного времени на осмысливание обстоятельств.

Что-то из прошлого его постоянно беспокоило, и он старался выяснить – что именно. Если нужна танцовщица, любовница Клода, и все, что она знает о Клоде, то из этого следует, что произошли скрытые обнадеживающие изменения самого факта сомнительной связи Моны с Клодом. Танцовщица должна прояснить многое. Прежде всего, необходим тот, чьи отпечатки были найдены в доме погибшего. Джон считал, что между любовницей Клода и неизвестным автором отпечатков существует логическая связь, даже если они друг друга не знали. Иначе, если подозреваемый убийца – тот, о котором он думает, – то Мона была бы не Мона, а другая девушка в качестве отвлекающего или подставного лица. В таком случае, как и зачем убийца мог проникнуть в дом Моны? Джон набрал номер Майкла.

– Ты, верно, сделал, что позвонил. Для меня здесь приготовили новую информацию. Зав отделом ждет от меня статью по этому поводу. Начинает нервничать. Я думаю, что смогу его удовлетворить. Оказывается, из хранилища Международной Ассоциации выкрали ценную документацию одного советского ученого по теме, кажется, аномальных явлений.

Я был у себя в офисе, когда об этом сообщили по телевидению. Наш друг, убийца-

самозванец не промедлил тут же позвонить. И знаешь, что он мне сказал?

– Что ты порядочное дерьмо, – предложил Джон.

– А ты откуда знаешь?

– А что, нет? – усмехаясь, спросил Джон.

– Ну да. И только потому, что в нем оказался вместе с тобой. Между прочим, я так и

сказал ему. Но он меня упрекнул, что я в своих статьях об убийстве Клода умолчал о

фактах, изобличающих тебя и Мону, как соучастников преступления.

– О'кей, опять Мона! Поживем, увидим, как ты сам же говорил.

– Не увидим, а посмотрим. Он сказал, что ты скрыл от расследования посмертное

письмо и сделал правильно. Так он и сказал. Поэтому он намерен вскрыть вещественные

доказательства, обвиняющие Мону в смерти Клода. И если я это не освещу в прессе, то он

позаботится сам. Наверное, позвонит непосредственно шефу. Тогда тебе, Джон придется

положить значок на стол Билли Гроунда. А это уже не входит ни в твои, ни в мои планы.

Как хочешь. Но я не верю, что Мона в этом замешана.

– Да знаю я тебя, подлеца, – взвился Джон, – ты по ней сохнешь!

– И еще. Если ты не достанешь этого типа, мне крышка, Джон. Подробности при встрече, о`кей?

– Я все понял кроме одного – при чем тут похищение каких-то бумаг?

– Вот этого никто не знает. Думай, если хочешь. Пока, Джон.

Встреча

36

Войдя в вестибюль и поздоровавшись с барменом, он заказал коньяк и ледяную воду. К

нему тут же подошел Арчер. Лицо парня выглядело озабоченным. Джон с нескрываемым

интересом взглянул наверх, где в углу над стойкой бара была установлена следящая

видеокамера. С ухмылкой он показал глазами на камеру:

– У меня ощущение, будто я попал в секретариат ЦРУ, – и жестом пригласил Арчера к столику.

Арчер скромно пожал плечами:

– Не сказал бы. Если учесть, что весь наш прошлый разговор попал в карман

недоброжелателей... Мистер Конрад, босс мне запретил словесные общения с вами на

тему вашей работы. Теперь только вот это, – он протянул Джону записку. – Я позже

вернусь к вам, сэр, – с этими словами Арчер скрылся за дверью игорного зала.

Джон посмотрел на часы, до встречи с Тройдом оставалось не более получаса. Он

допил свой коньяк, сказал вслух «пойду, прогуляюсь» и вышел из Фан-клуба. Завернув за

угол здания, в маленьком уютном скверике он сел на скамейку, достал записку и прочитал:

«Это не для посторонних глаз, Джон. Прочитайте и сразу же верните Арчеру. Если мои

условия вас устраивают, постараюсь помочь. Напарник Арчера, Питер по нашей с вами

вине заболел. Теперь он Маджнун*. Его психика принадлежит человеку, которого вы

разыскиваете. Этот тип задел мои интересы, а мне это не нравится. Надеюсь, вы скоро его

достанете, хотя, мне кажется, вам это мало что даст. Питер же (кстати, вы его увидите, он

работает в зале), придет в форму, как только вы найдете, кого ищете. А пока он Маджнун и

вам, как и мне, это нужно запомнить и его не затрагивать. Такая болезнь проходит только

после ликвидации причины. Удачи вам!»

Джон сунул записку в карман и вернулся в клуб. У входа

его встретил Арчер. Джон

подал ему руку, а в ней – скомканную записку.

– Передайте Бассетту.

Арчер жестом пригласил его в игорный зал. Джон отказался, сказал, что здесь в баре за

столиком ему предстоит встретиться с вице-президентом Джеймсом Т. Норрисом. Он это

произнес открытым текстом, глядя в глаза Арчеру в расчете, что эта информация

немедленно попадет к Бассетту и для окружающих не останется незамеченной. Не

Джеймса Т. Норриса ли Пол имел в виду, говоря о человеке из научного мира по

биоэнергетике, который может помочь в расследовании?

Арчер кивнул и ушел в зал.

Тройд появился неожиданно, Джон сказал бы даже – незаметно, как привидение.

Просто Джон невольно оглянулся на входную дверь и встретился взглядом с человеком

высокого роста, светловолосым с короткой стрижкой, каким был Тройд, стоящим в ярко

освещенном вестибюле. Руки он держал, скрестив на груди, взгляд доброжелательный с

намечающейся изучающей улыбкой. Он подошел, пожал Джону руку, сел напротив за

столик.

Джон дал знак бармену и спросил:

– Честно скажу, я тебя сегодня не узнал. Ты можешь менять свою внешность? – с

притворной шутливостью Джон обвел рукой вокруг своего лица.

– Мог бы и сам догадаться. Такая уж у меня профессия, Джон.

– Изменять лицо?

– И это тоже.

– Но как теперь тебя называть? Тройд или Джеймс? – почти серьезно спросил Джон, а

про себя подумал, что не так уж давно он знает Тройда, не больше года, чтобы так

уверенно утверждать для себя его личность. Практически он мало о нем знал по работе, и

то – из внешних источников – телевидения и прессы. Но связывал их общий круг

приятелей, собиравшихся на вечеринках и пикниках.

Тройд с усмешкой заметил:

– Для тебя и наших общих знакомых я, как всегда – Тройд.

Для технарей из научного

центра – Джеймс Т. Норрис.

37

Джон раздосадовано хлопнул себя по лбу, сообразив, что литер Т. означает Тройд.

Бармен подошел и поставил два набора традиционных на-

питков – коньяк и ледяную воду.

– Таким образом, Джеймс – это другой человек. Вот ты инспектор полиции, Джон, и у тебя везде одно лицо, не так ли? У меня же их два, в зависимости от обстоятельств.

– Понятно теперь. Ты хочешь сказать, что я всегда полицейский, даже тогда, когда сплю с женщиной?

Тройд и Джон рассмеялись, при этом Тройд утвердительно показал на Джона пальцем, что именно это он и имел в виду.

– Тогда Джеймс Тройд, скажи откровенно, с кем мне сейчас предстоит разговор?

– А это зависит от того, о чем мы будем говорить, – лукаво парировал Норрис, – отличие только в этом. Ты же всегда полицейский, как выяснилось.

– Ты прав, Тройд. Но я так привык. Мне нужна твоя помощь. Кроме тебя, мне кажется, никто не знает этого. Короче, считай, я в шкурных интересах хочу использовать наше с тобой знакомство. Не возражаешь?

– Ради бога! Более того, я почти знаю, о ком пойдет речь. О Клоде.

– Хорошо. Но это неофициально. Похищение документа-

ции с этим не связано, однако...

– Ты уверен? – перебил его Тройд, внимательно глядя в глаза.

Но Джон сделал вид, что вопрос его не затронул.

– Я знаю, ты имеешь дело с феноменами. С человеческими феноменами. Я в них

круглый нуль. Вот и помоги мне разобраться. Первый вопрос – можно ли пройти через

дверь в комнату, не снимая дверной цепочки?

Тройд улыбнулся и Джону показалось, что в мимике его лица промелькнули черточки

злорадства.

– Конечно, нет. Но цепочку можно отбросить, если есть откуда на нее посмотреть.

Джон живо представил балконную дверь квартиры Моны. Через ее стекло хорошо была

видна цепочка на входной двери. Он удивленно поднял брови. Тогда Тройд объяснил:

– Ничего удивительного. Должен тебе сказать, что ты, как сыщик, приотстал. Это может

сделать человек, обладающий способностью телекинеза. Слышал об этом?

– Но если это не сказки для наивных...

– Нет, не сказки. Однако у нас в отделе биоэнергетики таких людей нет, хотя кое-что

сможем тебе показать в лабораторном варианте с участи-

ем экспериментаторов. Это, как

бы тебе попроще объяснить... подобно гипнозу. Гипноз – воздействие на человеческое

сознание или подсознание, а телекинез – на физическое состояние предметов. Мне

известно, что пока людей-феноменов, владеющих телекинезом на земном шаре – раз-два и

обчелся. У нас в округе Дейд в лучшем случае сочли бы за анекдот, если бы такой человек объявился.

– Отсюда вывод, – сказал Джон.

– Верно ты подумал. Выходит, кроме твоей Моны и тебя, как об этом с намеком было

напечатано в газетах, в квартиру с цепочкой, установленной особым способом, войти

никто снаружи не мог. Да и зачем?

Джон убедительно заметил:

– Мона спала мертвым сном, а мы были у тебя дома, и пили за упокой твоего какого-то друга.

– Верно. Но только кто об этом знает, кроме тебя и меня? – спросил Тройд с едва уловимой хитрецей.

От комментарий Джон воздержался.

– Мне нужно самому сначала разобраться. А что касается Моны... – мрачно все же

заметил он, – как ты думаешь, Тройд, если бы ты и тебя очень любили, знал бы ты какой жизнью жила твоя половина? Только не говори мне о законных семьях, где даже неформальный брак не гарантирует существование любовников.

– Я бы воздержался ручаться за женщину, особенно – за безумно красивую.

38

Джон усмехнулся.

– Не делай из меня жизнерадостного идиота, Тройд. Я же кое в чем разбираюсь. А за комплимент от меня и от Моны спасибо.

– Ладно. Тогда, если у тебя нет сомнений, то и нет тайн от расследования. Верно? –

Тройд с любопытством посмотрел Джону в глаза. – А раз это так, то почему бы тебе, определив версию, не заняться поисками виновников или участников? Это как поудобней.

Джон с неприятным предощущением тихо и задумчиво произнес:

– Найду. Не сомневайся, Тройд, – и в уме добавил – «Джеймс».

– Да я и не сомневаюсь. Знаю твой потенциал. Даже если бы мне о тебе ничего не говорили и не писали, – он с мягкой усмешкой посмотрел

куда-то в сторону. – Вот только

думаю, как тебе помочь.

Тройд оперся подбородком на кисть руки, закрыл веки, замер.

– Если думаешь, как мне помочь, то тогда... В общем, мне нужно найти свидетельницу,

Тройд. Она где-то здесь, эта девица. Я это знаю. Ты не владеешь экстрасенсорикой?

– Почти попал, – скромно признался Тройд.

– Тогда...

– Ладно, – Тройд внимательно посмотрел на Джона, наклонил голову в сторону

игорного зала, – сделаем вот как, Джон. С твоим участием. А почему с твоим – вскоре тебе

станет ясно.

– Согласен, Тройд.

Тройд умолк, продолжая смотреть на дверь игорного зала, будто забыл о Джоне, затем

задумчиво неторопливо проговорил:

– Этот свидетель, а может и не свидетель, а просто заинтересованный участник

событий, находится в кулуарах Фан-клуба, как ты заметил. Кто она, кроме Пола Бассетта,

никто не знает. Сам Бассетт ни за что не скажет, ни тебе, ни мне. Ему с его работой это ни

к чему. Знал ее еще один человек. Но он мертв. Так что

в этом разобраться смогут только

два человека – ты и Арчер, работник этого клуба. А теперь расслабься и сконцентрируйся

на Арчере. Он сейчас придет сюда, и мы обо всем договоримся.

После трех минут непривычной молчаливой паузы следом за двумя посетителями,

вышедшими из зала, появился в форменной одежде один из двух помощников Пола

Бассетта. Джон узнал в нем Арчера. Арчер молча подошел к ним и в ожидании

остановился возле стола.

Тройд поднял голову, утомленно посмотрел на Арчера, прикрыв веками сонные глаза,

неохотно и лениво, как показалось Джону, сказал:

– Это Джон Конрад. Ты его хорошо знаешь.

Арчер отсутствующе посмотрел на Джона и снова перевел взгляд на Тройда.

– Так вот, этому человеку нужно разыскать девушку крупье Клода. Затрагивать ее не

следует. Нужно просто узнать ее имя. Ты ведь не знаешь любовницу Клода?

Арчер промолчал.

– Поэтому сумеешь это сделать. Это то же, что и медитация на успокоение. Я кое-что

добавлю, очень простое. Это будет для тебя первым уро-

ком техник на Пути к

Совершенству. Девушек, работающих у вас, ты всех запомнил. Я их не знаю. Джон тоже.

Поэтому от меня пользы никакой, от одного Джона – тоже. Но Джон самое

заинтересованное лицо среди нас троих. Вместе вы спра-
витесь. А теперь слушай

внимательно. Делать это нужно возле столика Клода. Ли-
ца девушек помнишь?

– Помню.

– Когда войдешь в состояние, сконцентрируйся на их ли-
цах в крупном плане.

Выстроишь их слева направо. Отсчитывай по порядку и
при этом всматривайся в лицо

каждой девушки. Затем – в обратном порядке – в первую
очередь обращай внимание на

цвет глаз, форму губ, очертание лица. Когда закончишь,
мысленно перенеси образ какой-

нибудь девушки на вертящийся диск рулетки и пока он
вращается, на фоне смешанных

цветоформ постарайся увидеть и запомнить избранное то-
бою лицо. Это и есть та девушка,

39

которая нам нужна. Теперь самое главное. Мистер Конрад
будет стоять рядом. Он – твой

энергетический донор. Он – воплощение сильных жела-

ний. Он будет невольно

подпитывать тебя. Вот и все. А затем, пока осадок твоего подсознания не опустился на

дно, немедленно придешь и сообщишь мне ее имя. Мистеру Конраду она нужна.

Получив инструкции, Арчер молча ушел в игорный зал. Джон с чувством легкого

беспокойства и удивления, и, тем не менее, не выражая к происходящему своего

отношения, последовал за Арчером. В происходящем представлялось что-то шаманское,

наигранное и выглядело неестественно: все четко и покорно выполнялось.

Они подошли к столику, где вместо Клода теперь работал другой крупье. Арчер

задумчиво смотрел на вращающийся диск. Джон почти инстинктивно шел на поводу у

ситуации. Что-то затягивало его в ясный безусловный поток стремления к цели, которую

он, как сонный вынашивал в последние дни следствия; знал и чувствовал ее присутствие

рядом, но была она ограждена непонятной преградой привычек и убеждений его

характера. Теперь перед ним открылось пространство свободного действия, которого так

долго ждал, как ожидают на вокзале поезд или самолет,

уходящий точно по расписанию.

Наверное, наступило время недостающей информации. Ему нужно было, как он понял

Тройда, собраться с мыслями и подумать о девушке, по словам Арчера, любовнице Клода.

Да она у него и не выходила из головы! Как, не испортив ситуации, выхватить девушку-свидетельницу из лабиринта Фан-клуба, пока та еще жива?

Еще до встречи с Тройдом в разговоре по телефону с секретарем Ассоциации он

почувствовал неординарное отношение к делу Клода самого вице-президента. И эти его

штучки с Арчером уже не смущали, хотя непонятно в какой зависимости находились один

от другого. Настораживала искренняя готовность Тройда найти столь ценного человека.

Что-то за этим кроется...

Джон посмотрел на Арчера, его взгляд по прежнему был направлен на вращающийся

диск рулетки, и заметил, как прояснились его глаза. Арчер сложил у груди ладони, поднял

голову, закрыл глаза, словно этим положением должен был зафиксировать в уме только что

представившееся. Крупье, мужчина с короткой бородкой и острым взглядом,

воспользовавшись секундной паузой, с интересом посмотрел на Арчера. Непонятно,

откуда возле Арчера появились одетые в обычную одежду, как и все посетители, двое

парней. Они подошли и удержали его за руки. Джон подумал, что нужно вмешаться, но

ощущение неуверенности его остановило. Один из парней что-то проговорил Арчеру на

ухо. Держа крепко под руки онемевшего в трансе парня, они отвели его в

противоположный конец зала к разменной кассе. Джон проследил за ними, собираясь

уйти, но неожиданно почувствовал прикосновение чьей-то руки к своему плечу.

Перед ним стоял Арчер. Он по-прежнему оставался возле рулетки и трезво смотрел на

Джона.

– В записке босс вам сообщал, что Питер на время стал Маджнун. Это его болезнь. Босс

просил не трогать его. Сейчас от него можно ожидать только одни неприятности.

Джон с недоумением спросил:

– Так это был Питер?

– Да, мы похожи. Он мой партнер и двойник... Мистер Конрад, босс поручил мне

поучаствовать в ваших делах. Он сказал, что пришло вре-

мя. Вы не возражаете?

– Но Арчер... то есть Питер должен был узнать имя девушки! – разгорячился Джон.

– Он узнал. Теперь Питер опасен. Его изолировали. А девушку зовут Мона.

Джон остолбенел.

– Что значит Мона?! Где она живет?

– На Вестфлагнер-стрит.

Джон выглядел не очень приглядно. На его лице, наверное, отобразилось нечто

трагическое или, по крайней мере, безысходное, отчего Арчер настороженно посмотрел на

инспектора, пытаясь понять причину столь необычной для полицейского реакции.

40

– Да вы не волнуйтесь. Может быть, я что-то не так сказал, но ее здесь нет. Она с

нашими людьми приедет сегодня к вечеру на свое выступление. Босс ей разрешил

танцевать, как только увидел вас с этим, – он показал глазами на дверь в бар. – Теперь он

надеется, что вы обеспечите ее безопасность.

Джон предупредительно приложил палец к губам. Арчер, усмехнувшись, опустил руку

в карман и извлек шаровидный предмет, величиной с орех. Осторожно держа двумя

пальцами, он поднес его к глазам Джона.

– Возьмите, может пригодиться, – сказал он и положил предмет на чистую салфетку.

Джон завернул его и сунул в боковой карман.

– Мне перед прошлой нашей встречей подбросили сюда, – Арчер показал на свой

нагрудный карман, – это радио-микрофон. Забрались в мой шкафчик, куда я складываю

свою одежду. Поэтому весь наш разговор был зафиксирован кем-то недалеко за пределами

клуба.

Джон вспомнил стоящий Мерседес на стоянке за углом здания и подумал, что мысль

пришла вовремя, и к ней еще тогда он себе пообещал вернуться.

– Теперь босс советовал нам с вами вернуться к вашему знакомому.

– Его зовут Джеймс Тройд Норрис. Но я хочу тебе кое-что показать, – с этими словами

Джон вынул из внутреннего кармана фотографию Моны. – Это она?

– Нет, мистер Конрад. Но Мона-Лиза... Мы так ее называем. Тоже очень красива и очень

похожа на эту, – Арчер положил на ладонь фото Моны и внимательно присмотрелся к лицу

девушки.

Джон готов был обнять Арчера и бесконечно благодарить его за эти три коротких слова

– «Нет, мистер Конрад!» Чувство внезапной освобожденности, словно от тяжелого груза,

перенес Джон. Это было нечто, чего невозможно передать. Казалось, ему теперь не нужен

был никто – ни этот призрачный покойный Клод, ни Майкл с его злополучным сюжетом,

ни смеющийся над ним и Моной Билли, его терпеливый начальник, ни убийца, будь он кто

угодно, хоть сам Тройд или Джеймс – ничто и никто ему не нужен был, кроме этих трех

божественных слова: «Нет, мистер Конрад!» Главное – Мона! Его самая прекрасная

женщина на свете.

– Я возьму это фото, не возражаете? Верну в целости, – заинтересованно попросил

Арчер.

– Конечно, – с радостью отозвался Джон, – но не оставляйте его у этого колдуна,

договорились?

– О`кей! Я знаю, что вы имеете в виду. Но все же я ему покажу, – с таинственной

ухмылкой проговорил Арчер.

Они вошли в бар.

Растрата заслуг

Они вошли в бар. Тройд сидел на своем месте с радиотелефоном у виска. Джон кинул

взгляд на входную стеклянную дверь клуба и при отблеске уходящего заката заметил

темный контур Мерседеса. Машина стояла у края бордюра напротив входа в Фан-клуб.

Тройд сложил телефон, внимательно посмотрел на Джона:

– Я вижу, вы с результатом, – он глянул на Арчера.

– Почти, – сдержанно ответил Джон.

– И кто же она, ее имя?

Арчер с ответом потянул.

Промолчал и Джон.

– Мона, – неторопливо проговорил Арчер, всматриваясь в лицо Тройда.

41

Тройд резко изменился – вначале в его взгляде промелькнула растерянность, затем –

полное овладение собой. Он спокойно спросил:

– Уверен?

Ответил Джон:

– Уверен, – и тоже пристально посмотрел на Тройда.

Джеймс-Тройд признательно улыбнулся:

– Господа, проблемы?

– Нет, – скромно ответил Арчер, – это ее фотография, – Арчер поднес фотографию к

глазам Тройда.

Секунду-две Вице-президент рассматривал снимок, затем двумя пальцами потянулся к

уголку фотографии. Арчер не торопливо отвел свою руку:

– Сэр, я обязан это отдать хозяину снимка.

Тройд вдруг вскочил, отстранил фотографию и тихо раздраженно произнес:

– Это розыгрыш?!

В то же время Джон краем глаза заметил двух темнокожих в куртках, вышедших из

открытых дверей Мерседеса. Они вразвалочку направились к входу клуба.

Джон изобразил притворную улыбку, успокаивающе показал своему приятелю Тройду

на место, где он только что сидел, и доброжелательно проговорил:

– Расслабься, Тройд. Это не то, что ты подумал, – он достал из кармана телефон и

набрал номер.

– Это Джон. Я в Фан-клубе, Форст. Мне сейчас же нужны твои ребята. Я тут со своим

приятелем, Джеймсом Норрисом жду в баре. Захватите экспертное снаряжение, –

специально для Тройда напомнил он Форсту прописные истины, – мы обследуем

хранилище Международной Ассоциации Биоэнергетики,

где произошла кража ценных

бумаг. Да-да, по просьбе Вице-президента. Жду, – Джон опустил телефон в карман и руку

не собирался вынимать. У входа он увидел остановившихся приближенных Тройда. Тройд

небрежно махнул им рукой, и они вышли ленивой походкой, осторожно прикрыв за собой дверь.

– Ну, ладно, Джон, – Тройд раскованно откинулся на спинку кресла, – я понял, что это

твои штучки. Согласен. У тебя одно лицо, я совсем забыл. Ты всегда и везде полицейский.

Джон признательно заметил:

– Ты мне помог, Тройд. Я тебе. О`кей?

– Ну да, и я о том же. Вызвал и тем лучше. Поедем. Но только это все бесполезно:

похититель – профессионал.

– Откуда такие сведенья?

– Сейф открыли, не взломали. И сигнализация не сработала. Похититель обладает

сверхчеловеческими способностями.

– Хорошо, приятель. Как сказал один мой друг-журналист, поживем – посмотрим.

– Увидим, – поправил его Тройд.

– Нет, посмотрим. Здесь некое смысловое отличие.

– Да? Интересно, какое же?

– Тебе ли не знать, экстрасенс? – лукаво приподняв бровь, поддел он Тройда. – Можно смотреть, но не увидеть.

– Хорошо, хорошо, – согласился Тройд раздраженно.

Они закурили. Джон знаком велел бармену подать их традиционный напиток – коньяк и ледяную воду. Теперь они сидели, мирно перебрасываясь небрежными бытовыми фразами. Арчер, почувствовав себя непричастным, поднялся, наклонил голову и удалился в игорный зал.

– Я при посторонних воздержался спрашивать, – начал Джон.

– Ради бога! О чем? – Тройд благодушно прихлебывал коньяк, глядя на Джона.

– Понимаешь, мне просто любопытно, хотя по долгу службы я обязан знать, какая ценность в этих бумагах?

42

– Охотно расскажу, – он тут же отозвался. – Понимаешь, до сих пор ни одному гению в мире не посчастливилось открыть в людях феномен супертелекинеза. Либо это явление природы у человека от рождения, либо результат отработки техник йоги по программе Тантра-Ваджраяна* . По этой программе Достижение и

Совершенство человек получает

гораздо быстрее других практик, в основном, с использованием образов, специальных

практик и медитаций. Для краткости скажу – такой человек может управлять миром.

– Это ты серьезно? – Джон, прищуриив глаза и затягиваясь сигарой, обдумывал

услышанное, – что-то из фантастики.

– Да нет. Это гораздо серьезней. Это пострашней Армагеддона. С совершенством

разума человек становится немислимым творцом. Заметь – не созидателем, а творцом. А

это не одно и то же. Но в этом и опасность. Если эта способность приходит к людям,

нравственно не готовым к Совершенному существованию в природе Земли, то это начало

катаклизма, называй, как хочешь, о чем, кстати, упоминается в Священных писаниях. С

этим нужно обращаться осторожно и внедрять это учение только в специальных школах

Совершенства Разума.

– Нет, Тройд, это не для меня. Лучше я буду ловить преступников, – безнадежно махнул

рукой Джон. – А вот и мои ребята...

В бар входили двое полицейских, за ними – Форст с парнями в штатском из отдела

расследований.

– Вот и хорошо, господа. Знакомьтесь, – Джон представил Форсту Тройда, – Джеймс

Норрис, Вице-президент Ассоциации. Вы двое,

– он ткнул пальцем в грудь каждого из полицейских, – оставайтесь в распоряжении

работника клуба. Заходите в зал, он к вам подойдет. А мы поехали.

– Джон, может ты в моей машине? – вежливо предложил Тройд.

– Нет, Тройд, извини. По дороге мне нужно провести инструктаж с ребятами. Поехали.

Черный Мерседес остановился перед узорчатыми металлическими воротами. За ними в

глубине парка стелилась ухоженная асфальтированная аллея с аккуратно подстриженными

зелеными насаждениями.

Машины Джона и Форста затормозили возле въезда. Через минуту ворота

автоматически открылись, и они покатали по аллее к трехэтажному зданию, стоящему в

пятидесяти ярдах в глубине деревьев.

На ступеньках перед широкой под дуб дверью Тройд и его телохранители остановились

в ожидании Джона с людьми.

– Исследователи работают в основном вечером и ночью, в

самое благоприятное время

для проведения опытов, – сказал Тройд подошедшему Джону.

Они вошли в вестибюль. Их встретил швейцар с короткой бородкой в темном костюме

при галстуке. Он молча наклоном головы поздоровался.

– Джордж, мы в хранилище. Выключите сигнализацию.

Кто-нибудь меня спрашивал?

– Да, сэр. Господин Владимир Назаров велел передать вам это, сэр, – швейцар протянул

Тройду ключ с двусторонней бородкой, какие бывают от сейфов, и конверт с разборчивой

крупной надписью «Мистеру Джеймсу Т. Норрису»

– Спасибо, Джордж. И все?

– Нет, сэр. Назаров заходил в хранилище.

– О`кей, Джордж. Сигнализацию... – он показал на пульт за стеклянной стеной

дежурного помещения. – Мы пошли.

– Слушаюсь, сэр.

43

– А вы свободны, – обернулся Тройд к стоящим у входа телохранителям.

В лифте они спустились вниз. Пока шли по длинному коридору, где тишина

настораживала глубиной и чувствительностью звуков, Джон расспрашивал Тройда о

режиме работы Научного Центра и установленных администрацией правилах.

– Значит, приезжие обеспечены персональными сейфами для хранения своих

документов и рабочих бумаг? Кроме них еще кто-нибудь к сейфам доступ имеет в случае крайней необходимости?

– Кроме меня – никто. Охрана держит под сигнализацией вторые экземпляры ключей от каждого сейфа.

– Сигнализация отдельно на каждый сейф или общая?

Тройд даже приостановился от возмущения:

– Джон, ну ты меня обижаешь! Конечно же, на каждый сейф. Только вот непонятно,

зачем господин Назаров передал мне свой ключ? Я его об этом не просил, – Тройд

повернул конверт, рассмотрел со всех сторон, видно у него возникло желание раскрыть

его, но он махнул рукой, решив, что сделает это на месте.

– Очевидно об этом в письме, – заметил Джон.

Тройд промолчал, встревожено глянул на Джона, и они снова двинулись по коридору. В

конце его вся торцевая стена оказалась закрыта массивной металлической дверью. Сбоку

на панели светились кнопки номеронабирателя, и горел красный свет индикатора. Тройд

привычным движением быстро набрал нужный код. Красный глазок погас и вместо него зажегся зеленый. Через секунду щелкнул магнитный затвор, дверь открылась.

Они вошли. В небольшом без окон помещении, хорошо освещенном люминесцентными

лампами, напротив каждого сейфа оборудованы рабочие места: столы, мягкие стулья, настольные лампы. Здесь пользователи могли проделать небольшие текущие операции.

– Хорошо у вас тут оборудовано, – заметил Джон.

– Да, это точно, – с интересом поддержал его Форст.

Тройд заторможено слегка повел рукой, давая понять, что он со всеми согласен,

поглядывал на конверт, о чем-то сосредоточенно думая.

– Документы, все же. Возьмите ключ, – он протянул Форсту ключ и показал на сейф в

углу помещения. На дверце значилась цифра 13. Форст остановился перед сейфом, глядя

на цифру, и покачал головой. Джон это заметил, усмехнулся и посоветовал:

– Форст, если ты считаешь, что число 13 тебя не устраивает, то скажи Джеймсу

Норрису. Он по знакомству тебе, так и быть, выделит что-нибудь получше. Смотри сколько у него тут номеров!

Тройд промолчал, занятый своими мыслями, опустил взгляд на конверт.

Форст открыл сейф, заглянул вовнутрь, держа дверцу за верхний торец, словно

собирался ее снова закрыть. Что-то его не устраивало, и он повернул удивленное лицо к

Тройду:

– Здесь было что-то еще?

Джон посмотрел на Тройда в ожидании ответа. В руках Джеймс держал раскрытый

листок, конверт валялся на полу у его ног. На лице Вице-президента была отображена

полная растерянность. Форст осторожно, держа кончиками пальцев за края, извлек из

сейфа папку. На обложке ее машинописным текстом было напечатано: «Округ Дейд,

Miami»...

Джон взял папку, прочитал, молча, ожидая объяснений, показал Тройду обложку ее

лицевой стороной. Теперь перед ними стоял совсем другой человек, по крайней мере,

ожидаемого приятного удивления или хотя бы наивной радости Джон на его лице не

заметил. Может, это Тройда скромная сдержанность? Или проявление скрытого стыда за

несерьезное отношение к законным властям и средствам

массовой информации?

– В чем дело, сэр? – сдержанно, наконец, спросил Джон.

Тройд молча отдал письмо Джону, произнес с презрением:

– От этих советских патриотов можно ожидать чего угодно!

44

На странице стандартного листа было написано: «Господин Джеймс Т. Норрис, я не дождался Вас, чтобы сказать Вам об этом. В день приезда для удобства ознакомления

коллег с моей документацией я сделал пару стереокопий.

И поэтому после пропажи одной

из них, я положил в сейф оригинал, который был у ведущего этой темы. Теперь к

администрации у меня претензий нет. О чем я Вам и сообщаю, как официальному лицу. С

уважением, В. Назаров». И внизу приписка: «P. S. Единственно плохо, что пропало «Практическое пособие».

Джон сел за стол, вынул из бумажника бланк, заполнил его, подписал, придвинул его к

Тройду:

– Сэр, вас предупреждают о невыезде из Miami. Причины вам со временем объяснят.

Распишитесь здесь, – Джон показал внизу бланка пустую

строчку.

Тройд спокойно, не изменившись внешне, извлек из внутреннего кармана ручку. Джон

отрицательно качнул кистью руки и протянул ему свою. Тройд взял ручку, с иронией

осмотрел ее, словно ему предложили что-то неуважительное, расписался. При этом он ни

разу не посмотрел на Джона, будто был со всем согласен и воспринимал происшедшее в порядке вещей.

На прощанье Джон полусогнутой кистью описал в пространстве и спросил,

улыбнувшись:

– Сэр, а кого мы в прошлый раз поминали?

Тройд не ответил, оставался задумчиво-замкнутым, смотрел куда-то мимо Джона, будто

вопрос относился не к нему или, по крайней мере, дела поважней его увели от реальных событий.

Клиент

После ухода Тэда Виктория остаток времени до появления клиента провела в

медитации на успокоение сознания. По сути, это надежный метод, известный издревле,

обретения свежести мышления и очистки сознания от «мусора» перед работой. Несколько

минут такого просоночного состояния дает человеку то, чего не даст никакой самый

продолжительный и радикальный отдых. Виктория всегда с уважением поддерживала эту мысль и с наслаждением отдавалась медитации.

Тем временем к подъезду дома, где располагалась квартира Виктории, подошел и взялся

за ручку двери мужчина в серой ветровке, серой плетеной шляпе и серых же брюках. На

босых ногах у него, резко выделяясь по цвету от всей одежды, «горели» красные

босоножки. Мужчина дернул за ручку, дверь оказалась запертой автоматическим замком.

Он посмотрел на номеронабиратель, но даже не попытался поднести палец к кнопке

вызова. На лице человека появилась свирепая гримаса. Он пошарил в кармане брюк и

извлек плоский предмет в виде стамески. Украдкой бросив взгляд по сторонам, поддел

стамеской в щели двери и отодвинул защелку. Дверь открылась. Еще раз, мельком

оглянувшись, он скрылся за дверью в темном коридоре.
*

В супермаркете было безлюдно. Дорош с досадой рассматривал полки набитые

продуктами, и каждый раз при этом зло осуждал свою хо-

лостяцкую жизнь, требующую от него женских обязанностей. Впрочем, Дорош уже ходил в женихах. Почти каждый день его навещала любимая женщина, спасала от вынужденного одиночества, у них была намечена свадьба. В качестве частного детектива он работал по найму телохранителем необыкновенно красивой молодой женщины, психоаналитика, как выразился ее шеф Тэд, не прилагая при этом и на йоту своих способностей сыщика за хорошие деньги, большие, чем можно было бы заработать на очень крутом заказе. Кто этот Тэд, Дорош не знал, да и

45

не интересовался, глубоко убежденный в справедливости крутящегося в мозгу выражения – чем меньше знаешь, тем больше можешь. Главное, это бабки, которые Тэд ему ежемесячно исправно выдавал, каким-то образом, неожиданно появляясь где-нибудь рядом. Аппаратура была заказчика. Очень профессиональная аппаратура. Попахивало федеральной разведкой. Может, это было и так, какая разница! Лишь бы спокойна была его, Дороша, задница, вот и все.

Дорош вернулся назад вдоль витрины, положил в корзин-

ку рулет с ветчиной – очень удобный для холостяка продукт, вспомнив угощения Виктории, сунул руку в карман за деньгами и вдруг обнаружил, что приемника-локатора там не было. В спешке он оставил его на столике возле телефона. Случись что-нибудь с Викторией, и он прокололся. Не раздумывая ни секунды, Дорош быстро расплатился за покупки и кинулся к своему дому.

*

Мужчина позвонил в дверь, и ее очень быстро открыли. На пороге стояла голая, не почти, а совсем голая, очень красивая девушка. Жестом она пригласила его в квартиру.

Нет, совершенно не так у него предполагалась встреча с этой соблазнительной страстной особой. Если учесть тот факт, что она его не знала... он и сам не понимал, откуда знал ее,

может быть просто она ему приснилась, встретилась на улице и привела к себе домой, как

это бывало с ним не раз во сне, особенно после перепоя. А может, это было на самом деле,

какая разница! Главное, ему хотелось ее. До смерти хотелось. До ее смерти, конечно. Нет,

безусловно, могли быть проблемы с дверью, могли звать на помощь, как это случалось у

него с другими истеричками, еще какие-нибудь «могли быть», но чтобы вот так... Он

перешагнул через порог с глупым растерянным выражением на лице, которое, наверное, отвечало его духовному состоянию.

Человека звали Томас.

Виктория повернулась к нему спиной, как всегда при встрече с Тэдом, и пошла в комнату.

– Присаживайтесь, рассказывайте, – проговорила она на ходу, – обычно ко мне звонят заранее и договариваются.

– Это было бы не интересно. В прошлый раз...

– Я вас впервые вижу, – сказала она, не оборачиваясь.

– Брось притворяться. Ты меня сама приглашала. Правда тогда ты была в прозрачной

одежде. Это было обалденно красиво, я тебе должен сказать. Все твое достоинство видно,

как на ладони, и никаких загадок. А я не люблю загадки. Я люблю, чтоб все было чисто, без улик.

Виктория улыбнулась легкой улыбкой, ей было приятно услышать справедливую

оценку своего совершенства от постороннего человека.

– Так что вас привело ко мне?

– Ты.

– Понятно. Так что именно?

– Я хочу тебя. Займемся любовью прямо сейчас, о`кей?

– Вы спутали адрес. Я этим не занимаюсь, – непринужденно заметила Виктория.

– Ты меня что, за идиота держишь? Забыла, как в прошлый раз нам было хорошо! Ты

была без ума от меня. На этой софе. И в это же время. Наш секс продолжался очень долго.

Ну! Чего ты стоишь?! – Томас быстрым движением растегнул ремень, и брюки

мгновенно упали на пол. Из кармана с металлическим стуком вывалилась рукоятка

складного ножа, Томас хладнокровно, как пьяный, не спеша поднял его, нажал на кнопку,

лезвие, щелкнув, зафиксировалось в боевом положении. Затем приблизился к Виктории и

приставил лезвие к низу ее живота.

46

– Давай, подруга, раздевайся. Обещаю: получишь на прощанье сумасшедшее

удовольствие. Советую воспользоваться им, ибо оно у тебя будет последним, – он провел

оборотной стороной лезвия снизу вверх по животу.

Виктория сосредоточено смотрела на насильника, понимая, что это истинная сущность

Томаса. Та, которая скрытно таится в нем, как у всякого

трезвого до опьянения, и владеет

им в минуты болезненного аффекта. Вот и причина, по которой он здесь.

– Хорошо, уговорил, – спокойно сказала она, – пойду раздеться.

– Давай, – злорадно воскликнул Томас, разводя торжественно руками и убирая лезвие в рукоятку ножа.

Виктория пошла в спальню, надела свое рабочее одеяние – прозрачный газ-пеньюар,

превратив себя в сказочную фею, – подошла к туалетному столику, зажала в ладони

маячок, открыла и поставила на предохранитель дверной замок.

Томас, учуяв неладное, метнулся, было к двери, но, запутавшись в брюках, рухнул во весь рост на пол.

*

Дорош распахнул дверь своей квартиры, услышал позывные маячка, кинулся к выходу,

на ходу доставая пистолет. За несколько секунд он оказался у дома Виктории, влетел в открытую Томасом дверь подъезда.

Первое, что представилось ему в комнате прорицательницы – оказался тип мужского пола, стоящий без штанов во весь рост с лицом полным

растерянности. «Тип», (так

обычно Дорош называл таких, как Томас), испуганно смотрел на него. Виктория стояла в

двух шагах от мужчины спиной к Дорошу. Одним мгновенным броском Дорош слету

отбросил насильника к стене, и, судя по неподвижности тела, рухнувшего на пол, понял,

что несколько перестарался. Виктория подняла руку, успокаивая Дороша, благодарно

провела ладонью по его предплечью:

– Спасибо, Дорош. Спасибо, мой хороший. Что бы я делала без тебя сейчас!

– Нет проблем, мисс. Извините, что не вовремя. Вон он поднялся. Пусть немного

посидит, опомнится, и я им займусь. Мне кажется, он чем-то накачен.

Виктория удовлетворенно улыбнулась:

– Дорош, милый. Ты у меня гость. Посиди, отдохни. Лучше расскажи, когда у вас с

Карен свадьба. Надеюсь, меня пригласите?

– О, да. Я хотел просить вас, мисс, быть нашим свидетелем.

– Буду очень рада, милый Дорош.

Дорош подошел к Томасу, поднял его под руки, как легкую куклу, посадил на стул. Сам

уселся напротив, поигрывая изъятым у насильника авто-

матическим ножом. Томас молча

приходил в себя, попеременно поглядывая неосмысленным взглядом то на улыбающуюся

Викторию, то на хищноподобного Дороша. К этому времени он успел кое-как натянуть

брюки. Его лицо все еще не изменилось, и Виктория это отметила.

В первую встречу с Викторией у него было другое лицо. Это же, но если не умное, то

обычное, простое. Виктория знала, что так должно быть. Иначе не могло быть. Этого

требовали обстоятельства, при которых Тэд выполнял свою работу.

– Томас, – обратилась к нему Виктория, – вам сейчас будут задавать вопросы и вы

обязаны подробно на них отвечать. Это в ваших интересах.

– И не вздумай, подонок, что-нибудь скрыть. Я с тебя душу вытряхну, – заметил Дорош.

– Я не полиция. И твои права зачитывать не стану, не надейся.

– Томас, посмотрите на меня внимательно, – продолжила Виктория, – вы меня узнаете?

Томас опустил глаза, и стало ясно, что он опомнился от шока и конечно узнал

Викторию. Он неохотно произнес:

– Да, мисс.

– Прекрасно. То, что вы попутали мою квартиру с какой-то другой, вам известной, это не страшно. Я не обижаюсь. Пусть это останется вашей проблемой. Однако это конец

47

истории, в которую вы попали в своем сне. И теперь вам придется хорошенько

припомнить все подробности начала этого сна. Согласны? Томас пожал плечами, словно речь шла о пустяках:

– О сне? Ладно. Сейчас еще помню.

– Да, Томас. Вы помните, и будете помнить, если сейчас нам расскажете подробности.

– Окей. Только могу попутать где...

– Где сон, где явь, – подсказала Виктория.

– Но ты на меня смотри, – внушительно пригрозил Дорош, – я тебе напомним, где что,

понял, подонок?

Томас робко взглянул на Дороша:

– А можно не смотреть на...

– Дорош, – подсказал Дорош.

– Можно, – сказала Виктория. – Лучше сосредоточьтесь.

В вашем воспоминании ничего

предосудительного нет. Вам нечего бояться. Мы не полиция. Рассказывайте.

– Мисс Виктория...

– Ну вот, наконец, вы вспомнили мое имя. Давайте с того момента, как вы вчера от меня ушли.

– Ничего особенного: я нормально приехал домой и лег спать. Никто мне не помешал – я живу один. Но долго не мог заснуть, подошел к окну. Уже светало. Значит, я пролежал всю ночь без сна. На побережье ни одного человека. Но через минуту появился баркас на вид рыболовецкий, такой... облезший. В нем три человека, один на плече перенес ящик вброд. Расстояние было небольшое, и я взял бинокль. Я всегда в него смотрел от скуки.

Место у нас дикое. Было интересно, как залетные туристы или загулявшие пары на таком пустом уик-энде нагишом устраивали свои спектакли. Такое даже в порноклипах редко встретишь. На берегу этот ящик мужики разобрали и вытащили автоматы и снайперские винтовки, коробки для боеприпасов. Я хорошо видел их лица. Описать их?

– Не нужно. Дальше.

– Один из них показал на меня пальцем. Я немного сблефовал, быстро отошел от окна.

Лег спать и кажется, заснул. А может, и нет, но утром, когда поднялся, позвонил вам, как

вы приказали, перед тем как приехать. Я набрал цифры, но телефон не отвечал. Почему-то не было никаких сигналов. Сделал несколько повторов и, наконец, вы ответили, что давно ждете меня, что вы...

– Говорите, не стесняйтесь, – подбодрила Виктория, взглянув на Дороша.

– Может мне уйти, мисс? – спросил он деликатно, показав рукой на Томаса и ее.

– Дорош, милый, вы хотите меня бросить в такой опасный момент? – не без иронии спросила Виктория.

– Что вы! Располагайте мною как вам угодно, мисс. Пусть он только дернется! – очень

серьезно заверил Дорош, видно слишком дословно восприняв слова Виктории.

– Тогда Томас, продолжай. Не возражаешь, что я на «ты»?

– Нет, мисс.

– Ты сказал, что я... – подсказала она ему.

– Что вы уже ну...

– Разделась и приготовилась к сексу. Правильно?

Томас поднял голову и внимательно посмотрел на Викторию.

– Вы мне запомнились в этом наряде. Очень красиво...

– Ну, ты, извращенец! – прикрикнул на него Дорош. – Думаешь, твоя задница произвела

впечатление, и теперь ты себе можешь позволить?

– Дорош, милый, пускай. Мне это льстит и даже очень интересно.

– О`кей, пускай...

– Но вы мне сказали именно эти слова, мисс... – растерянно произнес Томас.

– Верно. Дальше.

48

– Дальше вы положили трубку, и я вдруг вспомнил, что забыл номер вашего дома.

Снова позвонил вам, но мне ответил очень низкий грубый мужской голос. Причем, он послал меня подальше.

– Правильно сделал, – вставил Дорош, не сдержавшись.

– Но вы могли сделать повтор, Томас, – сказала Виктория.

– Да, мисс. Я так и сделал. Эти цифры остались в памяти телефона и до сих пор. Но

каждый раз все равно отвечал тот же грубый мужской голос.

– И снова посылал? – нетерпеливо спросил Дорош.

Виктория откровенно заулыбалась.

– О, да мистер. Он всегда повторял эти слова, не меняя интонации, – растерянно с

волнением на лице заверил Томас.

– Хорошо, Томас. Дальше, – попросила Виктория.

– Я страшно обозлился... не на вас, мисс, клянусь, – он с

опаской покосился на Дороша,

– но я превратился в какого-то зверя, схватил свой тесак, – он посмотрел на пальцы

Дороша, машинально грающие его ножом, – и кинулся к вам...

– Понятно. Ты решил, что какой-то мужчина вместо тебя со мной?

– Верно, мисс.

– Теперь скажи, Томас, ты хорошо запомнил номер моего телефона? – спросила

Виктория и протянула Томасу ручку и бумагу. – Запиши, будь добр, на этой бумажке

крупно и разборчиво эти цифры.

Томас молча взял бумагу и ручку, уверенно написал несколько цифр и отдал Виктории:

– Я их прекрасно запомнил вчера с ваших слов, – оправдываясь, заверил он.

Виктория взглянула на цифры, удовлетворенно качнула головой:

– Правильно. Только теперь ты о них не вспомнишь, пока...

Томас испуганно забегал зрачками:

– Мисс, что я вам плохое сделал?

Дорош привстал, молча подавляюще смерил его взглядом.

– О`кей, о`кей, – торопливо сказал Томас, отдавая подрагивающими пальцами ручку. –

Зачем, мисс? Это улики, да?

– Ты правильно понял. Но тебе ничего не грозит до тех пор, пока этот номер моего телефона никому не дашь и о том, что встречался со мной, забудешь, – строго проговорила

Виктория.

Дорош придвинулся к Томасу поближе:

– Что-то не слышу голоса!

– О`кей, о`кей! Я понял, господа, я понял. Я уже забыл.

– Верно Томас. Пока Тэд не разрешит снова вспомнить.

– А Тэд что скажет по этому поводу? – с опаской пролепетал Томас.

– С Тэдом ты можешь быть полностью откровенен. И даже более разговорчив, чем со мной, – сказала Виктория, поднимаясь и направляясь к двери лоджии.

Ее фигура на просвет теперь выглядела настолько мифически выразительно, что даже человеку без фантазии были понятны все подробности ее красивого тела.

– Спасибо, Томас. Ты свободен. Тэд тебе позвонит, и все что обещал, выполнит, – добавила она, скрываясь в лучах яркого солнца.

Возвращение плохой кармы

В редакции у Майкла накопилось много дел. Нужно было подготовить к выпуску

следующую главу своего романа. Для этого у него осталось всего двое суток. Кроме того, необходимо дать статью в текущую сводку по делу об убийстве Клода.

В коридоре его встретил главный редактор, и по его протестующему выражению лица было件нятно, что ему минуту назад досталось от издателя, и теперь неминуемо подошла

49

очередь Майкла. Майкл поднял обе руки, выражая согласие и успокоение сторон, показал на стеклянную дверь офиса и лежащую у него на столе фотокамеру:

– Там все. Через мгновение будет у вас на столе готовая статья, – заверил он и влетел в офис.

Он еще не успел, как следует поработать, отпечатать на чисто обещанную статью, как зазвонил телефон и снова в трубке он услышал знакомый голос. Майкл нажал кнопку магнитофона. На фоне мелодии, которую Майкл, казалось, только что слышал, самозванец-убийца-осведомитель спокойным вкрадчивым голосом сообщил:

– Итак, Майкл, продолжим. Текущие события не дают нам как следует сосредоточиться.

И в этом виноват твой друг Джон. Но мы не можем останавливаться. Теперь мне и ему известен еще не опрошенный свидетель, которого мне предстоит убрать, хотя он и не главный. Весь фокус в том, что главного-то и нет. Как видишь, все идет по плану твоего сюжета. Правда, Джон умудряется его увести в сторону. Ты ему, сукиному сыну, скажи.

Так же нечестно. Я стараюсь, работаю, придерживаюсь нашего договора, а он...

– Но Джон мне не подчиняется, – невинно возразил Майкл, – у него свой сюжет и

нужно ему отдать должное, он же прав, как полицейский, – тут Майкл вспомнил, где

слышал мелодию, слабо доносящуюся из трубки. В баре Фан-клуба, вот где!

– Хорошо. Тогда этого свидетеля мне придется убрать. Ты уж извини. Это произойдет

раньше, чем ты сможешь сообщить Джону. И еще. Ты забыл, а может, и не знал, что

документация советских ученых, господина Владимира Назарова и Роберта Корнева,

которая исчезла из сейфа хранилища Ассоциации, находится у Моны в квартире. Значит

все, что относится к убийству Клода, связано только с Моной. Ибо там его, Клода,

отпечатки пальцев. И Джон там тоже не в стороне. Однако я даю тебе возможность об этом узнать первому, поскольку с моей стороны было бы нечистоплотно действовать в обход сюжету. По этому поводу лично позвоню шефу полиции. Даю тебе... ну, скажем, час для того, чтобы ты об этом сказал Моне. Мне она, как и тебе, очень нравится. И я сожалею, что так с ней все вышло. Видно, я невнимательно читал твою первую главу. Не учел подтекст! И последнее – нам нужно встретиться и договориться в отношении твоего племянника в России. Ты ведь не знаешь: его не выпустили на конференцию из родного Советского Союза. Представляешь! Эти коммунисты – вот кретины!.. И об этом нам тоже нужно поговорить.

– Поживем, посмотрим.

– Это я уже где-то слышал. Бай-бай!

Майкл сорвался с места, глянул на часы, рывком выхватил из каретки машинки статью и кинулся к главному. Вбежав в кабинет, он положил листок перед редактором и, пятась к выходу, торопливо выпалил:

– Сэр, он только что позвонил. Я должен срочно отбыть на Вестфлагнер-стрит. Приеду,

обо всем расскажу. Хорошо?

– Может быть, – редактор, низенький упитанный мужчина средних лет, взял

отпечатанную страницу и пробежал по строчкам быстрым взглядом, – здесь все?

– Да, сэр, – уже на ходу выкрикнул Майкл.

«Конец рабочего дня. Мона должна быть дома», – подумал он, садясь в машину.

Оставалось не так много времени, чтобы надеяться на успех. Он не представлял даже

приблизительно, что в первую очередь нужно было сделать. Найти злополучные бумаги,

на что уйдет больше часа, или ехать в Фан-клуб спасать свидетельницу? На это – еще

больше. Где сейчас Джон? Как с ним связаться, если в машине нет радиосвязи?

Однако в некотором смысле картина проясняется. Появился свидетель, хоть какой-то.

Это успокаивает. Собственный сюжет потихоньку самовольно обрастает персонажными

линиями. А раз так, то автор имеет право на подтекст и выгодное справедливое

завершение романа. Главное, не впасть в банальность, чтобы убийце-самозванцу не к чему

было придраться.

Мона открыла дверь не сразу, переспросила.

– Я вижу, дорогая, тебя порядком напугали твои во-ры-невидимки!

– О, Майкл! – она обняла Майкла, – меня это все скоро добьет. Что будешь есть, пить?

После ее слов Майкл внезапно ощутил невыразимую нежность к женщине, которую

тайно любил. Он сел на софу и торопливо начал объяснять обстановку.

– Мона, дорогая, нет времени, поэтому слушай и запоминай. Джон ходил к

управляющему, и выяснилось, что ты, Мона, по имени и описанию, была с Клодом там у

него в день оформления квартиры, где произошло убийство. Об этом узнал шеф. И если

Билли тебе еще ничего не сказал, то это не значит, что тебя с минуты на минуту не

арестуют.

– Как это? – Мона побледнела, молча стиснула пальцы, прижав их к коленям.

– Подожди. Дальше. Уже известно, но еще не доказано участие в этом деле любовницы

Клода. Она сейчас в опасности. Мне звонил этот тип.

Мона вскочила, сжала ладонями виски, принялась ходить взад-вперед перед Майклом.

В панике пыталась собраться с мыслями.

– И третье, – продолжал Майкл, – а это, наверное, самое главное, – он взглянул на часы.

Мона замерла перед Майклом в ожидании еще чего-то ужасного и безысходного.

– Я знаю, ты не новичок в экстремальных ситуациях и найдешь выход. Сюда к тебе

очень скоро приедут с обыском и соответственно – с арестом. Живее думай, Мона. Они

будут искать ценные бумаги ученого Назарова, которые пропали в Международной

Ассоциации Биоэнергетики. Об этом сообщали по телеканалам. Все поняла? Теперь

расслабься и пока есть время, – он еще раз посмотрел на часы, – есть двадцать минут,

начни искать. Нужно осмотреть по возможности все.

– Майкл! Бог ты мой! Где же мне это искать? – вскрикнула она и кинулась к шкафу с

верхней одеждой. Она принялась вышвыривать все подряд на пол. – А что же Джон? Где

он? Так, теперь мне понятно. Джон мне не верит, и он меня покинул, Майкл. Он меня

покинул! Боже! – она залилась слезами, размазывая тыльной стороной руки краску на

лице, всхлипывала и сокрушенно произносила одни и те же слова горя, как маленькая

девочка, потерявшая самую дорогую куклу на свете.

Майкл осматривал подряд все, что попадалось под руку, начиная от входной двери –

открыл книжный шкаф, окинул плотные ряды классиков, энциклопедий, справочников.

Перебрал пачки журналов. Открыл сервант с посудой... За пятнадцать минут они с Моной

перебрали все, что было доступно, где могли быть спрятаны какие-либо бумаги или папка.

Майкл зашел в туалет, заглянул там во все углы, вернулся в комнату, в недоумении

развел руками, сказал, зло прищурившись:

– Шутка? Сукин сын!

Мона обессилено плюхнулась на софу, потупив взгляд в палас, некоторое время сидела

неподвижно.

– Мне теперь все равно, Майкл. Не суетись. Мне без Джона жизни нет. Теперь мне все

равно. Пусть приходят, обыскивают, арестовывают. Он меня покинул, Майкл! Вот уже

второй день он не является.

Майкл подошел, обнял Мону, поцеловал в щеку.

– Не волнуйся, дорогая. Все выяснится. Знай, я всегда буду рядом с тобой. Я понимаю,

ты любишь Джона. Но он мой друг, и я ему уступаю... потому, что этого хочешь ты.

Мона грустно посмотрела на Майкла.

– Майкл. Но ты меня прости, ладно? Моя болезнь Джоном навсегда. Я с этим уйду куда

удобно – в тюрьму, к дьяволу в пекло. Я уже думала об этом, Майкл. Ты хороший мальчик,

– она провела ладонью по его щеке, – ты меня любишь, глупенький, но я тебе не буду

верна никогда, а это несправедливо. Такой преданный друг не должен терпеть измены. Я

всегда с ним или без него буду с Джоном, понимаешь?

Майкл молча кивнул.

В дверь позвонили. Мона равнодушно пошла открывать.

51

На пороге стоял шеф полиции Билли Гроунд. За его спиной на Мону внимательно

смотрели две пары глаз его помощников.

– Ну что, милая, – полушутя начал Гроунд, – вот ордер на обыск. Ты, конечно, уже

знала о нашем визите. Тебя оповестили не только осведомители, но и доброжелатели, – он

скосил взгляд на Майкла, – и правильно сделала, что послушала этого пройдоху-

журналиста – он молодец. И не исчезла до моего приезда. Правильно, милая. А теперь

посиди спокойно, а мы займемся разминочкой. – Он сел на стул напротив Моны,

прочертил пальцем в воздухе, чем дал понять своим по-

мощникам приступить к работе. –

Только, ребята, покультурней. Все чтобы стояло на своих прежних местах, не хамить! Она

все же моя самая любимая секретарша. И как-никак – женщина. А где Джон, милая Мона?

– Я не знаю, шеф. Вот уже два дня... Билли!! – неожиданно вскрикнула она и сорвалась

в рыдания, закрыв лицо руками. – Он исчез. Он покинул меня, Билли!

Парни в растерянности приостановили поиски, сочувственно смотрели на Мону.

Гроунд махнул им рукой, и они снова возобновили работу.

– Успокойся, Мона. Ты мне хочешь что-нибудь сказать?

– Меня ничего не интересует. Мне все равно, – зло выкрикнула она.

– Ну, если все равно, тогда скажи нам, где документация и кто тебе ее дал?

Мона посмотрела на Гроунда с такой женской ненавистью, с какой смотрит женщина на

пьяного, пристающего к ней мужика.

– Если бы она попала ко мне, я бы, шеф, принесла ее вам на работу.

– Правильно. Если бы попала. Но дело в том, что она не просто попала.

– Вы хотите сказать, что я ее украла? Кто вам такое ска-

зал?!

– Мона, мне сказал твой осведомитель, – спокойно и серьезно сказал Гроунд.

– Ну, значит, осведомитель и украл.

– И спрятал, да? – Гроунд подняв брови, в упор посмотрел Моне в глаза.

Мона отвернулась от шефа, словно брезгливо пренебрегая с ним разговаривать. Гроунд

понимающе грустно улыбнулся, привалился к спинке стула, достал сигару.

Несколько минут молчали.

– Это, шеф? – неожиданно спросил один из парней.

В руке он демонстративно держал над головой лицевой стороной канцелярскую папку.

– Дай-ка.

Гроунд прочитал на обложке машинописный текст: «Округ Дейд, Miami,

Международная Ассоциация Биоэнергетики, В.А. Назаров, АН СССР. Наблюдения

спонтанных пси-явлений в СССР. Исследование телекинеза. Практическое пособие.

Развитие и Совершенство Разума».

– Где это вы нашли?

– Между книгами, сэр.

Гроунд поднялся, взял папку за край, положил ее на ладонь, взвесил, не глядя на Мону,

отдал помощнику. Молча достал из кожаной папки, которую всегда брал в редких своих выездах на расследования, бланк, заполнил его, расписался и, не глядя на Мону, подсунул ей:

– Это ордер... – и молча кивком головы показал на Мону помощнику. Тот подошел, осторожно взял руки Моны, надел наручники. Мона молча повиновалась.

Незванный гость

Когда высокий плотный мужчина в вишневой безрукавке и синих шортах показал пальцем на окно, в котором стоял человек с биноклем, двое других, бросив упаковывать оружие в баулы, принялись искать глазами кого-то в окнах старого двухэтажного дома на

52

скальном склоне, одиноко стоящего среди эвкалиптов и пальм. Тот, что пониже, коренастый в шляпе с широкими полями и серой с засученными рукавами рубашке, на секунду оторвавшись от работы, раздраженно сплюнул, махнул рукой в сторону приятеля и продолжил работу. Тощий, медлительный и рассудительный, с задумчивостью долго смотрел на окна дома, никого не находил в них, но все же

что-то продолжал высматривать.

Тогда Высокий коротко и звонко шлепнул ладонью по его затылку. От неожиданности

Тощий нервно дернулся и стал возмущенно размахивать руками. Высокий по праву

старшего абсолютно хладнокровно сказал несколько веских слов:

– Проснись, отмороженный. Давай быстрее. Я его видел. Закончим, приду сюда, разберусь.

На это Коренастый, не поднимая головы от чехлов с поклажей, недовольно заметил:

– Это у тебя от перепоя. Это называется галлюнчиками. По научному – галлюцинации.

– Кто у нас галлюнчик, так это ты. Все готово? Все проверил?

– Проверил.

– Тогда вперед.

Взвалив на плечи по упаковке, они размеренным шагом двинулись в горы. Нужно было

успеть к назначенной встрече на сопке, где их будет ждать вертолет с человеком «оттуда».

Человек должен был назвать кодовые цифры, что давало полную гарантию безопасности

передачи груза. После этого все трое уйдут, как пришли – в неизвестность, растворившись

под другими именами в людской массе Америки, а вертолет, исчезнув в низинах, улетит

туда, где супер-оружие ждет группа повстанцев для свершения политической акции.

Жесткое требование, какое лежало на Высоком, состояло из двух условий – без помех

доставить в идеальном состоянии оружие и обеспечить исключительную скрытность

передвижения. Ни один глаз, ни одно ухо не должно узнать о них, троих, раньше, чем они

передадут груз. То, что увидел Высокий в окне старого дома грубо нарушало условия и не

давало ему покоя. В одно мгновение оно возникло, как привидение едва различимое

сквозь мглистый свет утра, и тут же на следующей секунде его не стало, как и не

появлялось никогда. Он напрягал зрительную память, спрашивал себя, в чем был одет

человек, что было у него в руках, и четко с уверенностью не мог себе ответить ни на один

вопрос. Иногда ему казалось, что он видел стоящего у окна мужчину с биноклем в руках,

хотя это предположение не имело логического смысла. С какой стати? – он знал, что с

самого начала за ними слежка отсутствовала. Но и что за идиот в образе «хвоста»,

который так откровенно рассматривал бы их в бинокль? Вот анекдот! Любопытный жилец дома? Да еще в такое раннее утро? Что, бессонница замучила, и ничего не осталось

бедняге, как взирать на серую унылую гладь побережья старой заброшенной бухты? Тогда следует с ним разобраться, как только груз на привале освободит руки.

*

Высокий осторожно ступал по шатким деревянным ступеням. Его вес явно не

«нравился» старинному терему с винтовой лестницей, ведущей на единственный этаж

наверху, нижний весь был заколочен досками, как окна, так и двери, давно кем-то

оставленный на откуп крысам и летучим мышам. Хозяин терема видно жил в верхних

комнатах, где, безусловно, было суше и уютней. Единственным признаком цивилизации

было электричество и телефон, провода, цепляясь за отдельные ветки деревьев, тянулись к

штативу, замурованному в стену дома, и с первого взгляда стали главным объектом

внимания Высокого.

Дверь от слабого толчка со скрипом медленно открылась. В нос ударил затхлый запах

алкогольного перегара. В предутреннем полумраке посередине просторной с тремя окнами комнаты стоял стол, заваленный каким-то тряпичным барахлом, ближе к краю железной кровати беспорядочно лежали, по-видимому, невымытые тарелки и бутылки. У изголовья возле серой подушки и ворохом собранного одеяла стояла тумбочка, на крышке ее чернел телефон, рядом бросала слабый отблеск стеклянная пепельница. Слева краем

53

глаза Высокий отметил большой шкаф. Его дверца была приоткрыта. Он меланхолично направил глушитель пистолета в его сторону, шелкнул предохранителем. На окружающее это не произвело никакого впечатления. Внутри шкафа висели куртка и несколько рубашек, под ними груда вонючей обуви, чищенная от грязи, наверное, еще в прошлом году. Подойдя ближе к кровати, Высокий ткнул глушителем в оттопыренное одеяло ближе к подушке и почувствовал под ним массивный мягкий предмет. Он резко отбросил одеяло. Перед ним лежал мужчина с открытым ртом, с глазами, смотрящими застывшим взглядом в пустоту. В руке мертвой хваткой был зажат бинокль. Вы-

сокий поднял его руку и

отпустил. Она тупо стукнулась как деревянный обрубок о край кровати, обронив бинокль

на пол, и замерла. Затем он приложил пальцы к сонной артерии: без малейшего признака

жизни. Немного подумав, Высокий набросил на труп одеяло. Глянул на телефон. Секунду

помедлил, надел перчатки, взял трубку, набрал номер. Как и ожидалось, ответил

известный ему мужской голос. Диалог был прежним. Высокий молча положил трубку и,

еще раз осмотрев пустую комнату, пошел на выход. Теперь здесь делать было нечего. По

какой-то причине этот алкал окочурился.

*

От резкого телефонного звонка Томас дернулся, скинул с головы одеяло и повернулся

на краю постели. В последнюю минуту, чтобы не свалиться на пол, уперся рукой в

бинокль, валяющийся на полу. Сочно выругавшись, он взял трубку, и тот час услышал

знакомый голос. Между тем голос принадлежал Тэду.

– Томас, как твое самочувствие? – не без издевки спросил

Тэд. – После вчерашнего.

– Голова гудит. Какой-то тип приходил во сне и всю погоду испортил.

– Как это?

– Пистолетом тыкал мне в шею.

– Что он хотел от тебя?

– Ничего. Молчал. Эму нужен был мой телефон.

– Я надеюсь, ты выполняешь наши условия? Еще раз напоминаю: малейшее отклонение

от намеченного плана и ты труп. В полном смысле этого слова. Самое грубое нарушение

следует считать уход из дома более чем на полчаса. Кстати, тебя, наверное, кто-то ждет?

Смотри, не пропусти встречу! Изнасилую. Или повешу за... ну сам понимаешь за что.

– За что? – девственно не понял Томас.

– Наш договор остается в силе. Пока что. Если ты его не нарушишь.

– Договор? Какой договор? – не понял Томас. – А собственно, кто это говорит?

На этот вопрос ему никто не ответил, слышались гудки отбоя.

Томас беспокойно сосредотачивался, напрягал остатки своей истощенной памяти, но

все напрасно: кроме непрерывного гула и знакомого голоса в голове, оставленного

телефонным разговором, ничего. Знакомый голос сказал «после вчерашнего»... Томас стал

припоминать, что было вчера. Да, вот! У него на руке руч-

кой значились почти стертые

кривые цифры ее телефона. Это у него хорошая привычка. Иначе бы никогда не вспомнил.

Вчера... а может сегодня рано утром, он ей звонил. Это она... говорила, что будет ждать

его. Нет, уже ждет. Раздетая! Томас попытался разобрать цифры на руке, хотелось

освежить в памяти номер ее дома. Все бесполезно. Видно, вчера не слабо провел вечер и

остаток ночи. Но раз он ей звонил, значит, в памяти телефона остался ее номер.

Дрожащим пальцем он нервно нажал кнопку повтора. На табло высветились цифры...

Томас поставил палец на первую цифру и снова вспомнил зловеший голос только что

звонившего ему человека. Голос был властным настолько, что возможно из-за него у

Томаса все вышибло из памяти. И если это так, то по опыту он твердо знал, что

последующие свои шаги должен делать крайне осторожно пока не выяснится, насколько

опасен этот тип. Страшнее всего то, что голос был головокружительно знаком. А это уже

смертельно. Подумав так, он нервно отдернул руку от номеронабирателя и вскочил на

ноги. Настроение заниматься сексом само по себе отпало.

Он подошел к окну и,

54

успокаиваясь, положил привычный взгляд на пустынный прибой, как всегда имел

привычку делать по утрам. Заброшенная бухта была пуста, только размытые тихой волной

как всегда на песке остались после ночных оргий влюбленных парочек канавки и следы от

ног и случайных мелких предметов, вынесенных водой. Но сегодня на значительном

расстоянии от воды валялись ящики...

Томас кинулся к постели и поднял с пола бинокль. Теперь он вспомнил. Приложив

бинокль к глазам, он удостоверился окончательно – это были те ящики! Теперь без

сомнения его заметили и, наверное, кому-то он не нужен был живым. Может быть это кто-

то, кто звонил по телефону. Нужно было срочно сматываться. Мысли, получив первую

разминку, напомнили назначенное ему время одной прелестной девочки, первую

сексуальную встречу с которой он провел вчера.

Непослушными руками он не сразу смог попасть ногой в штанину брюк. Схватил

валяющуюся на полу возле тахты ветровку, плетеную шляпу и уже на ходу сунул ступни в

свои красные босоножки.

Каждому свое

Нужно было спешить вдогонку Коренастому и Тощему. Без груза это не проблема. Их

шаг равнялся его двум. На подъеме, уже приближаясь к ним, он почувствовал какую-то

силу, подталкиваемую в спину. Похоже, наступало второе дыхание. Заметно похолодало.

Незримая тропа шла вдоль края ущелья. У самых ног в глубине каньона многозвучно

грохотала река, стремительным потоком пробивала ложе, вгрызаясь все глубже в скалу.

Несколько сот миль вниз стремительно сменяли один другого времена года, подобно

падению в иное измерение. Да, это тебе не дикий берег под бархатным солнцем с голой

бабой, которая может дать тебе все, что захочешь! И ты, одетый не больше чем она, в

экстазе выделяешь с ней такие позы, какие не приснятся даже самому сексуально

развратному демону. Что можно было бы придумать с сумасбродной девственницей на

лоне этих диких покрывал, трудно описать всю фантазию способов, поз и любовных

истязаний. Высокий даже невольно попридержал шаг, представив себе эту картину. И

почувствовал лавинно нарастающий сладкий напор своего члена. Сексуальная фантазия

его неожиданно стала проявлять невиданные доселе способности творческих экспромтов.

Обычно, это кончалось традиционным финалом полного изнеможения партнерши, когда с

ней можно было, как с выжатой тряпкой, сделать все, что угодно, даже удавить – ей было

бы все равно. А это, как известно, неинтересно – когда нет в ее глазах страстного огня,

ужаса или, на худой конец, беспомощного хватания за жизнь, исцарапывания белья

постели и обламывания ногтей. Высокий отдал бы все за это, сводящее с ума бесконечное

наслаждение прекрасным упругим юным телом с неистощимой энергией. Он был убежден

– это сильнее денег и золота. В запале своих грез он так увлекся, что вдруг обнаружил себя

на краю обрыва. Внизу дымился бездонный мир, и жутко грохотала река.

Тропы – даже признака не существовало. Вокруг хаотическое нагромождение камня и

леса. Щебень, по которому Высокий опасно шел по краю пропасти уперся в серую

каменистую стену, обросшую лишайником. Культовые обелиски, высеченные на ней и

каменная ограда, выложенная из черного плитообразного
камня, как естественное
продолжение скалы, тянулась в обхват усадьбы и терялась
в синеватом мареве, свисая над
пропастью в зарослях. Строение напоминало крепость,
случайно сотворенную
катаклизмом природы. Безмолвную и вечную. Настраива-
ющую на благочестивые
изъявления души и поступков. Выцветшие молитвенные
флаги уныло свисали над
воротами из кедрового дерева. По бокам их над головой
пристально смотрели
человеческие черепа с красными глазницами, из них тор-
чали чаши с личинами,
отпугивающими странника.

55

Высокий прошел мимо входа в общину буддистов, поду-
мал, что нужно быть полным
идиотом, чтобы с оружием и боеприпасами войти в куль-
товое владение на просмотр
стороннего глаза, чтобы засветить себя лишнему свидете-
лю. Конечно, он имел в виду
Коренастого и Тощего.
Дальше небо закрыл плотный покров шапок вековых
пихт. Редкая коричневая поросль
папоротника и крапивы падали и путались под ногами,

шуршали в перегнивающем слое
опавшей хвои ползучие пиявки. Неожиданно, на пути воз-
никали обширные коричневые
лужи с кишасцами в них головастиками. Из-под трухля-
вых стволов упавших деревьев
белыми причудливыми змейками вылезали грибы. С раз-
ных сторон едва заметные
тропинки сбегались в одну, уходящую в темную пасть гро-
та.

Внутри пещеры поблескивал слабый свет. Высеченные
стены из горного камня были
расписаны фигурами причудливых окровавленных мон-
стров, пожирающих человеческую
плоть, ведьм, крадущих младенцев, змей, вылетающих из
бледных сухих черепов. На
алтарях мерцали курительные палочки, зажженные монаха-
ми, лоснились закопченные
человекообразные фигурки с птичьей головой и лошади-
ной головой на темени.

Выйдя из пещеры, Высокий осмотрелся, надеясь увидеть
своих помощников. Был
полдень. Где-то наверху светило яркое солнце. Здесь сто-
ял полумрак, и было холодно. На
камнях и на листьях кустарников с подтаявших сосуллек
редко и методично опадали капли.

Стук капель и шуршание ползучих гадов в перегнивших

листьях сливались с очень тонким

свистящим перезвоном, который стоял в воздухе от тяжелых шагов по гравии. Казалось,

он повторялся многократно, уносясь в высоту. Высокий продвинулся еще с полмили

вперед и обнаружил, что пришел снова к входу в Общину буддистов.

Тэд и Гарди

Тэд вошел в кабинет своего начальника, молча сел в сторонке на мягкий стул и, пока

Гарди копался в бумагах еще не готовый к разговору, равнодушно принялся разглядывать

за окном зеленые верхушки эвкалиптов, поверх них вдали серо-фиолетовую полосу

океана, придавленную тяжелым июльским небом. Цвет водного пространства говорил о

том, что погода в ближайшие сутки вряд ли изменится и жара днем будет такой же

томительной, какой держится уже неделю.

– Извини меня, что я тут завоzilся, – проговорил Гарди, не глядя на Тэда и складывая

бумаги в папку, – начни с Томаса. Оправдывает ли он свою временную свободу, какую ему

подарил Билли Гроунд, передав его нам? Он знает, что по всем статьям ему полагается

пожизненное?

– Обязан знать. Подписывал протокол. Эти цифры не произносите вслух, сэр, – Тэд

положил перед Гарди обрывок бумаги, на котором Томас ручкой вывел цифры. – Лучше запомните и сожгите.

– Прекрати, Тэд! Как ты думаешь, я позволил бы кому-либо хозяйничать у себя в

кабинете, устанавливая подслушивающие устройства? Бред.

– И все же сделайте, как сказал мне агент Т-2. Чтоб потом не было причины.

– Ладно, как скажешь, – Гарди несколько раз просмотрел цифры, задерживаясь секунду

на каждой, взял зажигалку, подставил бумажку пламени и положил в пепельницу. –

Спасибо, Тэд. Значит, у нас появилось два варианта использовать это. Первый – возможно,

зашифрован весь набор цифр, второй – он является кодом для открытия подробной

информации. Посмотрим, что скажут специалисты-шифровальщики. Теперь самое

главное. Внедрение Томаса в группу террористов «Кобра». Или откровенно посадить на

хвост ничего не знающего, но полезного для них рецидивиста, чтобы точно узнать их

дислокацию.

– Агент Т-2 доложил, что мы уже на полпути. В первый контакт с Томасом был им

внедрен эпизод с оружием. Эти трое предстали Томасу в состоянии аффекта после

воздействия на него Т-2, они, сами того не подозревая, оставили в памяти телефонного

аппарата Томаса свои кодовые цифры для оперативных встреч. Поэтому второй вариант

отпадает. Количество цифр больше любого телефонного в Miami. Понятно, что это не

мешает телефонной станции соединять абонента. Остальные четыре последние цифры как

раз принадлежат конкретно адресату, давшему их, допустим, главарю «Кобры». Точность

цифр была проверена бессознательным телефонным набором Томаса, когда тот был

принужден агентом Т-2 позвонить ему, чтобы освежить в памяти адрес своей

соблазнительницы. Их у него, как вы знаете, по округу Дэйд три. Намечалась четвертая.

– Три... три трупа необыкновенно красивых супер-секс-девочек! – с презренной

улыбочкой подчеркнул Гарди.

– Верно. Так вот, после разговора по телефону с агентом Т-2, Томас в просоночном

состоянии под сильным воздействием аффекта решил набрать запомнившийся ему номер, принимая его за номер телефона вчерашней своей соблазнительницы. Ему ответил автоответчик диспетчера «Кобра». Текст автоответчика, я думаю, играет роль рабочей проверки благополучия и неизменности обстановки для террористов «Кобры». Нервная система Томаса была на пределе, и в силу своей природы он ринулся отомстить будущей жертве своим варварским способом за измену. Дальнейшее вам, сэр, полагаю не интересно.

– Да, конечно, – проговорил Гарди, удовлетворенно потирая руки, словно подставил их фену просушить после мытья, – очень хорошо. Теперь обсудим подробности нашего с тобой конфиденциального дела. Во-первых, можно использовать Томаса с минимальным твоим участием и в этом деле. Все должно произойти естественно. Само собой. Я расскажу, как это нужно сделать.

– В какой роли?

– Полагаю, Тэд, ты понимаешь, что с нашей стороны здесь, как я выяснил, влекущих каких-нибудь серьезных последствий с точки зрения го-

сударственных позиций, нет. Я

связался с президентом Международной Ассоциацией
Биоэнергетики, моим приятелем, он

заверил, что в течение этой недели оригинал документа
будет у него, а, следовательно – у

нас. Мы обязаны тут же в строжайшей секретности, обес-
печив соответствующую охрану,

этот документ самолетом перебросить в Сан-Франциско и
отдать лично в руки

определенному лицу в филиале Ассоциации. Это частное
дело Ассоциации. Им это очень

нужно. Ну и пусть себе. Нас интересует только наш зара-
боток. Естественно, мой приятель

ни в коем случае не должен даже догадываться о нашем
плане. Скорей всего, они сделают

себе копию. Мы не знаем. Оригинал, который нам доста-
вит Ассоциация, передадим

твоему Евгению. Расчет по выполнении задания. Ин-
струкции от Евгения ты уже получил.

– Все хорошо, кроме одного, – заметил Тэд, – как и чем
вы будете оправдываться перед

своим приятелем в Ассоциации Биоэнергетики?

– Не велика потеря. Скажем, в воздухе что-нибудь про-
изойдет с самолетом. На этот

случай ни у кого нет гарантий. Ведь Евгений дал письмен-
ное обязательство в лице КГБ

СССР о возмещении расходов и убытков.

– Не очень гуманно, – пожал плечами Тэд. – Может быть, придумаем что-нибудь без жертв?

– Может быть... – согласился Гарди.

– Гарди, получается так, что мы выйдем не лучше террористов «Кобры».

– Ладно, ладно, дорогой Тэд, – успокоил Гарди, миролюбиво усмехаясь, – я знаю твою девственную честность. Этим своим качеством ты мне очень нравишься. Попробуем сделать несколько гуманней. С наименьшими потерями. А пока разойдемся по углам. С

Богом, – он протянул Тэду руку, что бывает с ним редко, и тепло провел к двери.

*

57

Раньше такой тоски не замечал. Не было ее даже в те грустные минуты, когда приходили безнадежные мысли о семье, о Виктории, о детях, которые могли быть у них.

Иллюзия несуществующего в воображении семейного уюта, когда приходила к сознанию жестокая реальность, превращалась в шутку. Такую легкую, незаметную, милую шутку.

Шутку внутреннего монолога, только для себя. Шутка са-

ма по себе возникала и так же

незаметно исчезала из сознания. Видно, тайно сохраняла его покой. Хотя Тэд в покое не нуждался. Он просто не любил покой. Он любил Викторию.

Сегодня с ним происходило что-то не как обычно. Не хотелось строить в своем воображении картины несбыточных сцен, не хотелось оправдывать время, что наступит другое, специально для него и Виктории, не шла в голову обычная шутка, оправдывающая их отношения. Просто была апатия. Гнилая апатия. Появилось отвращение к себе и к тому, что нужно было делать во чтобы то ни стало. Нужно было идти к Виктории, но не хотелось, словно там у нее он еще добавит тоски и тогда уж точно переполнит накопившееся и так через край отвращение к себе. Нужно было говорить с ней, пытаться разбудить в ней хоть какие-нибудь чувства – не хотелось, потому что это оказалась лишняя мера скрытного терпения самосъедания. Нужно было найти этому оправдание – тоже не хотелось, потому что все ложь, все напрасно и все стало очевидным. Не хотелось видеть ее любимые очертания лица, мельчайшие подробности тела,

не хотелось ее обнимать,
понимая, что он ей не нужен. Наконец, не хотелось ее са-
му, секс теперь казался
оскорбительным для святого существа, каким в сознании
была Виктория. Да на нее у него
скоро и стоять не будет! Она его сделает импотентом.
Очень просто: безумно любимого
человека тронуть – оскорбление перед самим собой. Она
этого не знает. Она принимает
его сексуальные шуточки дословно, наверное, считает его
сексуальным шалуном. Знала
бы она чего стоит его прикосновение к ее самым милым
интимным местам! Тогда зачем он
это делает? Зачем? Если не удовлетворять свою похоть,
тогда – зачем? Вот зачем: чтобы не
показаться равнодушным к женщине, которая его имеет
по причине, что он ей только
нравится, чтобы он, Тэд, был доволен. С этим разве можно
смириться! Лучше ничего, чем
это.
– Тебе помочь? – Линда провела теплой рукой по затылку
и шее Тэда, сделала
несколько массажных движений. Он вытянулся на софе,
посмотрел на нее бессмысленным
взглядом. – Я должна тебе помочь, Тэд. Я у тебя за маму.
Понял?

Тэд с промелькнувшей надеждой посмотрел на Линду, промолчал.

– Мне нужно увидеть ее. Во всем разобраться. Сделать выводы. Мне легче увидеть истину, чем тебе. Дай адрес, Тэд.

Тэд молчал, продолжал вдумчиво смотреть на сестру.

– Я не могу видеть твою замкнутость. Я чувствую твое болевое терпение. И мне это не нравится. Оставь ее, Тэд. Если это безнадежно, и ты это знаешь, то оставь. Давай я разберусь, поговорю с ней, как женщина с женщиной, и все тебе расскажу, всю правду, клянусь.

– Это все напрасно. Я давно во всем разобрался. В главном, конечно.

– Значит, тебе нужно знакомство с другой женщиной. И не одно, чтобы было из чего выбирать. Переведи стрелку своих страданий на другие рельсы. А вдруг заинтересует другая обстановка.

Тэд поднялся, сел на край постели. Рассуждения на болезненную тему разрядили

скопившиеся тоскливые мысли. Он заговорил, и ему стало легче. А может, причина была

не в Виктории, просто Линда с присущей ей чувствительностью и любовью к брату,

решила все по-своему. Может быть. И теперь его хандра, как у всех нормальных людей, может показаться нелепой гостьей.

– Хорошо. Пойду, сварю кофе, – заметив у брата подъем настроения, сказала Линда и поднялась с кресла.

– Я не могу ее бросить, Линда. У меня ответственная работа, понимаешь? Виктория существует в этой жизни благодаря мне, я – за счет ее феномена. Редкого феномена. Мы

58

связаны. С помощью нее я решаю неразрешимые проблемы. Начальство меня ценит так

же, как я Викторию. Выполняет все мои капризы. Гарди повысил мне зарплату почти

вдвое. Сам повысил. Молча. Я его об этом не просил. Видно, побоялся, что уйду в частные

детективы, – саркастически улыбнувшись, заметил он, – в результате нам с тобой,

сестричка, живется неплохо, ты знаешь. А теперь представь, ее не стало, Виктории. Значит и я никому не нужен.

– Тэд, скажи, как она это делает? – чтобы сменить тему спросила Линда.

– Выходит в Астрал, – отмахнулся Тэд, – путешествует вне тела. А это такая зараза, что,

попав туда, – он показал пальцем в потолок, – как она говорит, «уходить не хочется».

– А я думала, колдует, – улыбнувшись своей шутке, проговорила Линда, – где же этому она научилась?

– Ты хочешь знать кто ее учитель? Получила практику у Роберта Монро. Читала? Зайди

в книжный, купи. Но мне кажется, все-таки этому способствует ее природный дар. Я до

сих пор не могу забыть ее предупреждение нашему тупому Гарди. Это нужно быть таким

упрямым самоуверенным дураком, чтобы не среагировать сразу и не предотвратить пожар у себя в квартире!

Линда села в кресло, забыла, наверное, что хотела сварить кофе, посмотрела на Тэда задумчивым взглядом.

– А ведь они не зря боятся, что ты от них уйдешь. Ты и в самом деле можешь открыть

свое дело. Да еще какое! И твоя Виктория была бы довольна.

– Она и так довольна. Ее больше всего интересует не материальная, а духовная сторона

жизни. Эзотерика, – уныло сказал Тэд, что для него было давно очевидно.

– Тогда непонятно, почему она не в состоянии любить.

Хотя бы кого-нибудь.

– Понятно и ежу. Она считает... Нет, это слабо сказать ее глубокое убеждение – любовь

связывает человека по рукам и ногам, а ей нужна абсолютная свобода. Как творческой

личности. Я интересовался этим, вычитал. Наука утверждает, что только абсолютно

свободная сущность человека способна совершенствовать свой разум настолько, чтобы

достичь сверхчеловеческих способностей. Хоть верь, хоть не верь, а так оно и есть на

самом деле. К сожалению. Да таким бабам, как она, не это нужно! – Тэд ступил босыми

ногами на палас, стал ходить по ворсистой поверхности, возмущенно размахивая руками.

– Такая, как Виктория, создана для любви и домашнего очага, черт возьми! А она...

Впрочем, я догадываюсь, отчего с ней так вышло. У нее родители погибли в

авиакатастрофе. Горе ее заставило задуматься над сущностью жизни на Земле.

Званный гость

Телефон заставил Викторию выйти из состояния медитации и взять трубку. Это был

Тэд:

– Дорогая, мы с Евгением готовы тебя посетить. Но вна-

чале тебе придется поработать...

и это очень важно...

– Я слушаю тебя, Тэд. Говори.

– Тебе нужно узнать, каким маршрутом отправилась компания, которую Томас видел в

бинокль. Сделай это сейчас до нашего с Евгением прихода, чтобы мы тебе не помешали,

хорошо?

– Уж точно не в вашем присутствии. Приходите через два часа, Тэд.

– Хорошо. Милая... Крепко целую тебя.

– Я тебя тоже.

– И безумно люблю.

– К сожалению, этим не могу поделиться. Не знаю, что это такое. И все же я твоя,

дорогой, пока жива. Ты это знаешь.

59

– Что значит, пока жива?!

– Просто интересные мысли.

– Ты мне о них расскажешь?

– Да, дорогой. Потом узнаешь. Не волнуйся, Тэд. Все в порядке.

– Спасибо, милая. До встречи.

Виктория подошла к лежанке, проверила ее ровную полужесткую поверхность,

поправила толстую льняную подстилку, включила конди-

ционер, поставила необходимый температурный режим, задернула темные шторы на окнах и, сняв с себя воздушную накидку, легла на лежанку. Ее голова, направленная темнем на север, почувствовала привычное положение. Мышцы начали неметь в приятной истоме. Это ощущение перешло к шее, охватило грудь, низ живота, ноги... Вскоре первый этап релаксации был завершен, в просоночном состоянии покинута последняя мысль, кроме темноты в закрытых глазах ничего не осталось, один за другим исчезли осязание, слух и визуальные картины.

Через полминуты пришли вибрирующие движения. Они кругами с головы до ног охватывали тело. Раньше Виктория к ним никак не могла привыкнуть, но со временем все пришло в норму и эти «спутники», да еще в сопровождении нарастающего гула в голове, стали привычной нормой. Звуки уходили или уже не замечались, затененные ходом событий. Прежде всего, Виктория мысленно повернулась в пол-оборота к своему лицу, посмотрела заодно, как оно выглядит со стороны, затем, сделав еще одно мысленное

усилие, всплыла футов на десять над своим телом.

С самого начала ее интересовала только цель, которую вынашивала до выхода в Астрал

достаточно вдумчиво, чтобы идея осталась неизменно в сознании. Поэтому, следя за

разворачивающимися событиями и, как всегда, равнодушная ко всему, она запоминала все

происходящее. Вытянув свои нефизические руки, она заскользила, пронизала потолок,

стену и еще какие-то твердые земные предметы и в одно мгновение уже неслась сквозь

препятствия в пространстве, не огибая их, по абсолютной прямой. Даже сейчас, имея

опыт, трудно удержать хладнокровие при виде движущегося навстречу огромного

смертельно твердого объекта – скалы или стены монолитного здания – и только после

пронизывания его вытянутыми руками сознание успокаивалось, оставляя уверенность в себе.

Ожидая встречи с главным объектом, когда можно будет осторожно включить

управление телом, Виктория отдалась самопроизвольному движению. Над скалами и в

лесу ее стремительно несло к объекту, и только в низине, где горная река проносила

мутные свои потоки к океану, движение, подчиняясь сознанию, приостановилось. Здесь

Виктория внимательно стала рассматривать местность – тропу на подъеме к перевалу, по которой она скользила в своем Астральном теле.

Мелкие притоки реки, как кровеносные сосуды артерии, собирали по капле ручейки, и

уже тут, недалеко от перевала, она увидела широкую спину высокого мужчины, налегке

быстро идущего вверх по тропе. Это был Высокий. На миле впереди, она обнаружила еще

двоих – Тощего и Коренастого с тяжелым грузом на плечах. Отсюда тропа терялась, и

начинался долгий подъем к перевалу. Она знала – дальше, через пять-шесть миль, на пути

идушим встретится Община монахов-буддистов, а еще выше, над обрывом – Святилище

темных духов. Где-то там, на ровном плато в высокой траве сидит огромная стрекоза с

распростертыми крыльями вертолета в ожидании гостей.

Закончив, Виктория медленно обретала земное состояние. Умиротворяющее ощущение

охватило все тело. Лежа, она принялась незамедлительно восстанавливать в памяти

основные моменты визуализации – внешность троих путников, оружие в чехлах и коробки

с боеприпасами. После того, как необходимое было зафиксировано, остальное тут же бесследно исчезло из памяти, как будто и не существовало.

Когда позвонили в дверь Виктория была уже готова к встрече. Надев полупрозрачный светло-розовый пеньюар, пошла открывать дверь.

60

Вошли Тэд и светловолосый средней упитанности человек в пиджаке, черных брюках,

при галстукe. Виктория подумала, что сила привычек у этого человека очень большая, ему

трудно живется в мире, где нужно иногда ломать эти привычки ради достижения цели, а

они не «ломаются», идут в разрез убеждениям и моральному кодексу. И все же он из тех,

которые кое-чего добились и, если сравнивать с общей массой своего племени, достиг

немалого.

– Евгений, это Виктория, – представил Тэд хозяйку дома.

Евгений смущенно протянул руку при виде женского полуобнаженного

богинеобразного существа. Чувствуя насмешливый взгляд Тэда, и к своему удивлению не

испытывая сколько-нибудь развратных мыслей – все формы выглядели настолько

естественно и правильно, что создавалось впечатление экспозиции классических

произведений великих художников – он правильно сразу же повел себя, не акцентируя на

внешности Виктории особого внимания. На вопрос хозяйки, «что мальчики будут – сок,

кофе, или»?.. ответил просто, как давнему приятелю:

– Или.

Тэд рассмеялся.

– Вы что, сговорились? – прикидываясь наивной, весело спросила Виктория.

– Ну что ты, милая! Разве я мог так варварски предать тебя? – парировал шутку Тэд.

– Тогда мои первые впечатления несколько ошибочны: твой друг весьма

коммуникабельный. И это замечательно меняет дело.

Кстати, твои «друзья» идут в

направлении перевала, и сейчас они на подходе к святым местам буддистов. На пути у них

Святылище темных духов. Несут известный тебе груз. Там их ждет большая стрекоза.

Тэд озабоченно полез в карман за радиотелефоном.

– Гарди, это Тэд. Они движутся по направлению к Святылищу темных духов. Именно

туда нужно высылать группу захвата. Агент Т-2, если сможет, их задержит. Все. Время! –

он сложил телефон и сделал кающийся жест, приложив руку к сердцу:

– Евгений, всего на несколько минут мы уединимся с Викторией, о`кей?

– Ради бога! – великодушно откликнулся Евгений, – я тут почитаю, – он взял с

журнального столика первую попавшуюся книжку и сел в кресло. На обложке значилось

«Бардо Тёдол»*

Евгений с тайным интересом полистал книгу, в голове складывалось начальное

представление о хозяйке дома, интересное, редкое, с которым ему еще не приходилось

сталкиваться. О существовании книг подобного рода он знал из скудной информации

библиотеки КГБ. Поверхностные знания этой темы он имел и признавал за собой тягу к

эзотерическим наукам. Найдя интересующую его главу, он углубился в чтение.

Тем временем Тэд и Виктория подробно обсуждали внешне навалившиеся проблемы,

выбирая пути быстрого их разрешения. Во-первых, что-то нужно было придумать, чтобы

как-то задержать в горах троих с опасным грузом, пока группа захвата не прибудет на

место и не арестует их. У Тэда ничего, ну совсем ничего,

что можно было бы предложить,
практически не было.

Виктория молча слушала и, казалось, не вникала в подробности безнадежного плана, какой только мог прийти ему в голову. Заметив это, Тэд обиделся:

– Тебе, наверное, не до меня с моими проблемами. Почему ты молчишь?

– Тэд, я слушаю, – беззаботно улыбнувшись, сказала Виктория.

– Что ты говоришь! А я уже давно кончил.

– Так быстро? – с наивной непосредственностью произнесла Виктория.

– Представь себе, дорогая. Когда человек очень любит, он быстро кончает.

– Правда? А я не знала. Но только что-то я за тобой этого не замечала. Значит, ты меня не очень любишь?

Тэд скромно пожал плечами:

– Просто я всегда старался максимально принести тебе удовольствие.

61

Виктория с нежностью притянула за ворот Тэда к себе и принялась неторопливо

целовать его глаза, прямые очень правильные не мужские губы. Он не выдержал, обнял ее,

ответил затяжным поцелуем. Но в следующую минуту осторожно отстранил Викторию и сказал задумчиво:

– Я никак не могу разобраться в истинности наших отношений.

– Истину до конца постигнуть невозможно.

– Не знаешь, почему? – с надеждой спросил Тэд.

– Сам источник не знает истины, как же он о ней тебе поведаст?

– Тогда почему же ты молчишь? Я говорю, говорю, а ты все молчишь. Что будем делать?

– Мне придется уйти в Астрал и ввергнуть этих троих с черными кармами в Земной круговорот иллюзий. Задержу их. Тебя устраивает это?

– Милая, меня все, чем ты живешь, устраивает.

– Вот и хорошо. И не переживай. Все будет хорошо, – Виктория ласково погладила его

коротко стриженную голову. – Пока еще есть время для встречи с твоими террористами,

давай поговорим с Евгением, а то наш мальчик заскучал, – она быстро поднялась и ушла на кухню.

Она вернулась облаченная в красно-коричневый атласный халат свободного кроя, без пуговиц или кнопок, слегка распахнутые полы обнажали

нежно-розовую полупрозрачную

ткань пеньюара, она держала маленький расписной поднос с чашечками кофе,

стаканчиками виски и бутербродами с красной икрой. Все выглядело соблазнительно и

торжественно. Окинув это оценивающим взглядом, Тэд едко ухмыльнулся и только качнул головой.

Минуту-другую Виктория сидела на своей циновке в позе Лотоса, смотрела на мужчин,

уютно устроившихся в креслах, пьющих и жующих бутерброды. Тэд, зная требования

наступившего момента, поддерживал паузу, предоставляя Виктории полностью владеть

обстановкой. Наконец, она сказала:

– Евгений, очевидно, вы устроились в гостинице на Пятидесятой улице возле Бухты.

Верно?

– Да, мисс... Виктория.

– О`кей. Мне это нужно знать для нашей работы. Тэд попросил меня обеспечить вам

более ни менее спокойную жизнь у нас в городе. Вы не возражаете?

– О! Буду очень рад, Виктория, – с искренней элегантностью отозвался Евгений, всегда

готовый выполнить любые капризы желанной красивой

женщины в несерьезных
ухаживаниях.

– Но это не то, что вы подумали, Евгений. Рыцарские жесты вам не помогут. Вам

помогут мои предупреждения по ходу событий вашей работы. Как мы договорились с
Тэдом. Вам это нравится?

– Без малейших сомнений, Виктория!

– А это гораздо серьезней, чем ухаживания за желанной женщиной.

Евгений, скрывая удивление, с любопытством посмотрел в лицо прорицательницы, и

этого было достаточно для Виктории, чтобы увидеть в его проявлении сложную сеть

кармических связей, которые повлекут за собой естественные контакты с людьми и

вызовут должные последствия.

– Именно так я и подумал, – признался Евгений, перестав жевать, и с интересом

перебросил взгляд на Тэда, ожидая поддержки.

– Коллега... Мне кажется, ты напрасно так подумал, – улыбаясь, упрекнул Тэд.

– Нет, напарник, но это несерьезно. На самом деле...

– Ты привык так думать – продолжил начатую приятелем мысль Тэд, – полагая, что об

этом никто не узнает.

Евгений с признательностью рассмеялся, оценивая точность мысли.

– Ладно, согласен. Плачу за моральный ущерб!

62

– Евгений, это была шутка. Я не ревную. Мы с Викторией лишь хорошие друзья.

– О! Это хорошо. Значит, я могу за ней приударить? – пошутил не без нотки надежды

Евгений.

– Можешь, если сможешь, – с серьезной иронией заметил Тэд.

Виктория внимательно следила за реакцией Евгения, за каждой проявленной чертой его

характера, выделяя компромиссные послылки, которые в общении с Тэдом определяли

скорость и полноценность их выполнения. Так было задумано, и Тэд хорошо разыгрывал свою роль.

– Евгений, я уверена, что с тобой... – Виктория помедлила, – я могу так?

– Даже обязательно, – поспешно подхватил Евгений.

– Ну вот, – нарочито протянул Тэд, – почему-то мне кажется, что это только начало.

Виктория, не отрывая глаз от Евгения, отреагировала легкой улыбкой.

– Так вот я уверена, что с тобой параллельно и неотступно

следует существо, кроме

Тэда, еще не вступившее в контакт и поэтому для тебя еще безопасное. Но, тебе

необходимо знать не только как профессионалу и партнеру Тэда, что самое плохое для

вашей с ним деятельности – кармическая связь с другими. Этот третий вольно или

невольно повлияет на ход событий ваших планов. Знаете, какое самое лучшее пожелание

для хорошего человека? Его устами послать всех к черту. Иначе говоря, морально и

материально развязаться со всеми, пока не выполнишь свою задачу. Тэд просил меня тебе

в этом помочь. Для этого мне нужен какой-нибудь твой личный предмет. И, желательно,

сообщать мне твое новое местопребывание. Можно и без этого, но мне так будет легче.

Евгений снял наручные часы:

– Это подойдет?

– Это наилучший предмет, он долгое время был с хозяином. И еще одно. Но думаю, ты

это знаешь. Основное правило на всю жизнь: не допустить плохих мыслей, да не сбудутся

они тебе во вред. Возврат кармы. Надеюсь, читал?

– Читал, – Евгений с нескрываемым интересом слушал Викторию, мысленно открыв

рот, – недавно у себя на работе познакомился. Появилась брошюра под этим названием в единственном экземпляре. Без права на вынос в любом доступном виде.

– Ради бога. Зайди в книжный, купи себе и друзьям.

Евгений грустно улыбнулся.

– Понимаешь... впрочем, можно на «ты»?

– Просто необходимо, – тут же подхватил Тэд со злорадной подначкой в голосе.

Виктория улыбнулась, искоса глянув на Тэда.

– Понимаешь... – снова начал Евгений.

– Ты уже это говорил, – тотчас вставил Тэд.

– Так, Тэд! – властно вступилась Виктория. – Евгений, ты хотел сказать, что у вас в

Советском Союзе запрещают эзотерические науки, и вам показался мой совет смешным.

– Видишь ли... да. Ты права.

– Вот так надо было с самого начала, – снова вставил Тэд. – Но, господа, я думаю нам пора. Не правда ли, дорогая?

Виктория согласно кивнула головой.

– Я очень скоро позвоню, милая, – пообещал Тэд, целуя на прощанье Викторию.

– Надеюсь, – сказала она, чем-то озабоченная, – Евгений, не забудь, завтра я тебя жду.

Только без опоздания, договорились?

Реальный мир

Коренастый остановился и с беспокойством оглянулся назад. Высокому пора бы

вернуться. Что нужно делать дальше, придя к этой крепости с черепами над входом, он и

63

понятия не имел. Сзади плелся Тощий. Он тонкий и вес у него намного меньше, чем у

тучного Коренастого, должен идти проворней, ему же легче. А получается наоборот.

Значит, ленивый. Это немало раздражало Коренастого. И вообще, напрасно он связался с

этой компанией за какие-то сто тысяч. В своем подвале, не сходя с места, он наклепал бы,

скромно говоря, «чуть-чуть побольше». Но дьявольское чутье надвигающейся беды

заставило слинять. Всем своим нутром он почувствовал опасность и ушел на дно,

отсидеться подальше от соблазна, пока первая партия баков приживется в обороте. Говоря

по правде, матрица желала быть получше, чем та, которой он пользовался. Но где ее

взять?! Был один старик, золотые руки, и умер от сердечного приступа, все боялся, что

вот-вот придут к нему с арестом. Коренастому теперь нужно быть очень осторожным и не

перегибать палку. А тут подвернулся Высокий, этот сексоманьяк с садистским уклоном

предложил ему сто тысяч за доставку оружия в особо трудных условиях. Высокий вначале

показался надежным, пообещал аванс и вот, пожалуйста – нашел причину, ушел, и нет его.

Что теперь делать, куда девать груз, кто заплатит за работу?

Подошел Тощий, тяжело опустил ношу, молча стал рассматривать строение, похожее на

крепость. Особенно пристально он рассматривал черепа над входом в усадьбу. Ярко-

красные глаза их горели, напоминая два огромных рубина. Тощий с усмешкой подумал,

что если бы это была реальность, да еще брильянты с оттенком красного вина? Что

тогда?.. Тогда обещанные сто тысяч показались бы в сравнении с таким камнем горькой

насмешкой. Улыбнувшись, Тощий с жалостью посмотрел в злое лицо Коренастого.

Приятель увидел усмешку на лице Тощего, не выдержал и взорвался, украшая свою

обвинительную речь, мягко выражаясь, многослойной матерщиной.

– У тебя, что все мозги прокисли?! Ты что, кроме этих веселых мужиков с красными от

перепоя глазами, ничего не видишь? – зло спросил он, ты-
ча трясущимся пальцем в черепа
над входом.

– А что? – не понял Тощий, сразу же обретая серьезный
вид.

– А то, отмороженный! Нас кинули. Понимаешь, идиот?!

– Как это?

– А так это. Высокий нас кинул.

– А груз?

– А груз?! – окончательно рассвирепев от своих же домыс-
лов, закричал Коренастый. –

А груз уже нами доставлен, как видишь, – он показал
пальцем в одного из черепов. –

Прибыл груз, понимаешь? Заходи, и у тебя его примут.
Тебе Высокий говорил куда нести,

кому отдавать? Нет? Просто удивительно, почему это он
тебе не сказал! – взмахнул он
руками со злой иронией.

– Так может быть там и заплатят, – равнодушно заметил
Тощий и снова пристально
окинул взглядом рубиновые глаза черепов.

Услышав оброненную Тощим трезвую фразу, Коренастый
вдруг затих, минуту думал,

опустив взгляд на свои ботинки, цветом уже не отличаю-
щиеся от гравия, затем

прицеливающим взглядом впился в Тощего. Но Тощий с

жадностью продолжал

рассматривать камни в глазницах черепов и чем больше он смотрел на них, тем все явственней перед ним прояснялись натуральные камни со староиндийской огранкой.

Коренастый снова вспылил и, свалив на себя все три баула – свой, его и Высокого, – решительно подошел к воротам и толкнул створку коленом. К великому удивлению она легко открылась.

Как только за спиной закрылись ворота, Коренастый вдруг обнаружил, что стоит в роскошной гостиной, обставленной на уровне самых богатых домов Филадельфии, как

сам же при случае выражался. Он с опаской обернулся и убедился, что ворота по-прежнему на месте. Успокоившись, он окинул беглым взглядом огромное помещение,

обставленное дорогой мебелью, баром, за стойкой которого озабочено крутился бармен, бильярдным столом, несколько смещенным от середины к огромной пальме. В левом

крыле располагался интимный уголок – спальный ансамбль из воздушной деревянной

ми тумбочками по обе стороны,
телефоном и богато обставленным едой и выпивкой сер-
вировочный столик на колесиках.

На полу лежал толстый персидский ковер. Стоял какой-то
механизм, похожий на

спортивный тренажер, но, обнаружив на нем абсолютно
раздетых мужчину и женщину,

Коренастый понял, что это было одно из незнакомых ему
приспособлений для

сексуальных развлечений. Женщина – юная блондинка с
тонкими чертами красивого лица

и великолепной фигурой ему напомнила собственную же-
ну. Присмотревшись как следует,

он вдруг действительно узнал в ней Сандру. Тяжелый груз
с грохотом свалился с плеч

Коренастого. На лбу выступила испарина.

– Мы тебя ждали, Коренастый, – знакомый голос исходил
от мужчины. Он стоял перед

разведенными ногами Сандры с необыкновенно длинным
и толстым пенисом, и кривыми

грязными пальцами поглаживал ее аккуратно подбритую
пушистую поросль. – Прежде

чем развлечься с твоей девочкой, Коренастый, я тебе хочу
предложить сделку, – он

приблизил свой сексуальный инструмент к поросли Сан-
дры.

Сандра страстно вскрикнула. Теперь Коренастый узнал в мужчине Высокого.

– Загляни в наши баулы, которые ты с перепугу бросил на пол. Давай, давай, – подгонял онемевшего Коренастого Высокий.

Коренастый расстегнул змейку, и его глазам открылась еще более ошеломляющая

картина. Огромный баул был буквально набит пачками долларов крупных купюр.

– В каждой пачке сто тысяч. Посчитай, сколько их там. Ну? Понял? Мои условия: либо

ты берешь эти деньги... Кстати, Коренастый, они ведь настоящие. Не то, что твое дерьмо,

которое ты клепаешь по мелочам. Так вот, либо ты берешь деньги, а я твою девочку, либо

получаешь сто обещанных Высоким, но девочка твоя уже тебя никогда не захочет. И

знаешь почему? Не догадываешься?

– Нет, – машинально признался Коренастый.

– Ну и тупой же ты, приятель! Да потому, что она уже попробовала меня. Хочешь

убедиться? Но учти – возврата не будет. И таких баков тебе уже не видать, как

собственных ушей. Понял?

– Понял, – как эхо, растерянно повторил Коренастый.

– Тогда соображай быстрее, – сказал он и показал на на-

тянутый, как струна, свой

сексуальный инструмент, – он уже весь слюной истек!

Учти!

Коренастый плюхнулся на баул и до сих пор не веря своим глазам, стал проверять пачки

на предмет обмана – не куклы ли это. Нет, все было настолько добросовестно, даже

банковский штамп, даже сумма, дата и число значились на пачках. Вытащив несколько

бумажек дрожащими пальцами, он с профессиональной придиричивостью стал исследовать

банкноту. Все было в порядке. Какой ужас!! Столько денег! И все его, Коренастого!

Он с опаской оглянулся – не подвох ли это. Но вокруг было все спокойно и мирно.

Бармен, мастерски жонглируя бутылкой, в широком бокале смешивал напитки, подбирая

какую-то «гремучую смесь». Ритмичные вздохи сексуальной парочки все сильнее звучали

в помещении, как в пустом огромной зале. Сандра вдруг перешла на крик. Такого с ней

никогда не было. Кажется, Высокий прав: после него она Коренастого уже не захочет.

Впрочем, теперь это ему не надо. Если происходящее не сон, то он стал одним из

богатейших людей города. И пока все заняты своим де-

лом, умнее всего поскорей
сматываться.

Он торопливо застегнул молнию и его взгляд упал на еще два, валявшихся рядом баула.

Первой попыткой Коренастого было раскрыть, посмотреть, что в них, а вдруг то же самое, что и в первом, но решил, что промедление смерти подобно, схватил все три баула, и едва переставляя от тяжести ноги, пошел к воротам.

После того, как Коренастый скрылся в воротах, Тощий почувствовал свободу действий,

подошел вплотную к массивным стойкам, на которых держались ворота, воткнул в выступ

носок туфли и без особых усилий дотянулся к глазницам черепа. Интуиция его не подвела:

едва он приложил небольшое усилие к краю камня, как тут же он отделился и выпал на

65

ладонь. Тощий пошарил во внутреннем кармане, вынул монокль и обомлел. Камнем

оказался алмаз со староиндийской огранкой, ограненный по самым твердым плоскостям.

Невероятно! Такого не может быть! Фантастика, но так и есть! Тощий почувствовал

головокружение, ощутив невероятно ценную тяжесть в сжатой ладони, и посмотрел на

череп. В пустой глазнице, которая только что образовалась на месте изъятого камня,
появился такой же по размеру. Тощий в растерянности разжал ладонь, но сомнений не
было – это уже второй на месте первого. Тогда он, не задумываясь, изъял и этот. Появился
третий. Дрожа от страха, Тощий осмелился взять не более десятка, что составляло
несметное состояние, завернул камни в носовой платок, сунул в карман брюк и,
оглянувшись вокруг, немедленно поспешил назад по краю пропасти, где недавно шел с
двумя баулами на плечах – один из них был Высокого.
Но не успел Тощий пройти и полмили, как неожиданно откуда-то сбоку перед ним
вырос Высокий. Он свирепо с явным недоумением рассматривал Тощего, словно это был
не он, длинный и тощий, а тучный и низкий Коренастый. После первого замешательства и
убедившись, наверное, что это таки он, Тощий, Высокий с нарастающим гневом на лице,
медленно собрал мертвой хваткой ворот рубахи Тощего и, притянув почти вплотную к
своему лицу, тихо прохрипел:
– Куда, сука, направился? От меня тебе не уйти. Здесь я хозяин, ты слышишь меня,

отмороженный?! Или тебе не нужны мои сто тысяч? Может ты, вдруг стал богатым?

Говори, скотина, – Высокий толкнул глушителем в горло Тощего.

Тощий от страха не мог произнести ни слова. Но, наконец, опомнившись, миролюбиво объяснил:

– Да я пошел искать тебя. Мы давно уже здесь. Коренастый очень расстроенный.

– Что ты говоришь! Они очень расстроены? Ничего, сейчас они будут расстроены еще

больше. Где груз? – внезапно, как выстрел в упор спросил Высокий.

– На месте.

– На каком месте?

– Он занес его во двор.

– Что?! – гневу Высокого не было предела. – Кто разрешил?

– А ты ничего не говорил. Да все в порядке. Чего ты нервничаешь! Живой твой груз.

Идем, он там.

Когда они подошли к Общине буддистов, и не успел Высокий, ища глазами груз,

открыть рот, чтобы возмутиться, как распахнулись ворота и возник Коренастый, сгибаясь

под тяжестью трех баулов.

Коренастый аккуратно положил два из них на гравий, третий оставил висеть на плече и

с удивлением уставился на Высокого:

– А ты как здесь оказался? – он, не оборачиваясь, показал искривленным большим

пальцем на ворота позади себя. – Ты же с моей бабой там... Ты чего это? Договор есть

договор. Назад возврата не будет, сам сказал.

Высокий, молча, пытаясь понять возникшие недоразумения, рассматривал Коренастого.

Потом он вдруг опомнился как от жуткого сна, развел руками, искренне выражая свое

недопонимание происходящего и, указывая Тощему на Коренастого, спросил с

беспокойством:

– Что это с ним?

Тощий пожал плечами:

– Было все в порядке.

– Какой в заднице порядок!

Тощий снова пожал плечами:

– Да, действительно, не может быть...

Коренастый с недоверием рассматривал обоих:

– Господа, проблемы?

66

Высокий настороженно осмотрел его с головы до ног, молча кивнул вперед, приказывая

продолжить путь, потянулся рукой к баулу, висящему на плече Коренастого. Коренастый дернулся, обеими руками защищая от него драгоценную свою ношу:

– Это мое. Как договорились.

Высокий озадачено остановился, молча взял с земли другой баул:

– Но идти ты хоть можешь? Давай, топай вперед, чтобы я тебя видел. А будешь

притворяться придурком – замочу. Мне с тобой возиться некогда. Нас ждут, – он кивнул

Тощему, – бери и пошли.

Шли молча еще минут пятнадцать. Наконец, лес кончился, неожиданно открылось

плато, покрытое высокими травами и полянами цветов самой разнообразной окраски.

Чистый легкий воздух охватывал мир. Над всем господствовало яркое солнце. Вдали, над

травой, развесил крылья большой стрекозы вертолет. Не доходя до вертолета несколько

шагов, Высокий остановился, жестом приказал положить груз.

– Мое слово закон. Здесь я с вами рассчитаюсь. Донесете все туда, – он кивнул головой

в сторону вертолета, – я вас буду ждать здесь. Отсюда уходим обратной дорогой, а дальше

скажу. Тебе, – обратился он к Тощему, поскольку твои мозги еще не скисли, следует

запомнить шифр-пароль, который должен назвать принимающий у вас оружие. Слушай

внимательно, – Высокий отдельно произнес кодовые цифры и заставил Тощего

повторить. Затем он достал из своего портупея аккуратно упакованные два свертка, один

кинул Тощему, другой – Коренастому. Коренастый отскочил в сторону. Предназначенный

ему расчет, по меньшей мере, представился ему коброй:

– Если ты думаешь меня надуть, не заботься, – выкрикнул он злобно и, выхватив из-за

пояса пистолет, наставил его на Высокого. – Этот баул мой, как договорились. Зачем ты

мне подбрасываешь свои вонючие сто тысяч? Чтобы забрать, что уже не твое?

На этот раз Высокий, как будто уже ожидал от большого соответствующей реакции,

спокойно сказал:

– Приятель, я разве сказал, что наш договор нарушается? Он в силе и я ничего у тебя не

отнимаю. Успокойся и помоги Тощему отнести груз к вертолету. О`кей?

Коренастый помолчал, медленно опустил пистолет, затем, повинуясь какому-то

логическому смыслу или спокойной уверенности Высокого, заткнул пистолет за пояс и, виновато улыбаясь, примирительно показал раскрытые ладони:

– Извини, Высокий. Я сблефовал. Извини.

– Нет проблем, Коренастый. Помоги Тощему.

– О`кей, – он радостно схватил баул Высокого, взвалил его на свободное плечо и,

наклонившись вперед под тяжестью двух баулов, не раздумывая, пошел к вертолету.

Тощий поплелся вслед.

Двери вертолета зафиксированные были открыты настежь. Поставщики оружия

подошли и сбросили груз на землю. Коренастый свой баул оставил на плече. Посмотрел в

темный проем дверей. На пороге появился человек в шлеме. Спрыгнул, приветливо

улыбаясь, посмотрел в ожидании на самого длинного и назвал первые четыре цифры. В

ответ Тощий произнес вверенные ему остальные.

– Ладно. Грузи, – сказал вертолетчик.

Тощий бросил во внутрь свой баул. Коренастый сунул по полу баул Высокого, свой

оставил на плече. Мужчина в шлеме потянулся к плечу Коренастого, чтобы помочь.

Коренастый нервно отскочил в сторону и побледнел:

– Это продано, это мое!

Мужчина в шлеме с интересом рассматривал поставщика.

– Кто тебе такое сказал? Сам выдумал?

– Нет! Это моя сделка с Высоким.

– С этим, что ли? – он кивнул в сторону.

Шагах в десяти к вертолету шел Высокий с сопровождающим под прицелом

собственного пистолета. Руки в наручниках он держал за спиной.

67

– Там деньги, законные деньги, – истерически выкрикнул Коренастый. Его ничуть не

смутила необычная сцена, – законные, и я их никому не отдам!

Мужчина откровенно рассмеялся:

– Да? Ты уверен?

– Вполне, потому что я сам их считал. Там оружия нет. Все в тех двух баулах. То ваше, а

это мое, – добавил он и направил на мужчину пистолет.

Мужчину это не рассердило, он улыбнулся и сказал кому-то громко:

– Смит, у нас тут обиженный. Может, ты сможешь его убедить, что в бауле наш груз, а

не личные деньги поставщика.

Смит оказался маленьким шустреньким человечком, лет тридцати, рыжеволосым, в

шортах и майке, на ремне под рукой пристегнута кобура, автоматический пистолет держал

он в руке. Смит подтолкнул Высокого к двери вертолета, остановился в двух шагах от

своего напарника и властно произнес:

– Ты на самом деле дурачок или роль у тебя такая?

– Что вы от меня хотите! – визгливым голосом выкрикнул Коренастый.

– Хорошо. Убери оружие и открой змейку. Если ты прав, оставим в живых. Если нет –

извини. Такова жизнь.

Пока Смит разбирался с Коренастым, мужчина в шлеме подошел к Тощему, показал

удостоверение ФБР и стал тщательно просматривать его карманы и потайные места брюк.

Он сразу же нашел платок с камнями, развязал узел, и перед глазами Тощего зашевелились

коричнево-черные жуки. Видение было настолько неожиданным, что Тощий некоторое

время не слышал вопроса, который несколько раз задал ему мужчина в шлеме. Наконец,

он ответил, что нашел в лесу это, но это, как выяснилось, совсем не то, что он хотел.

Оружия при нем не было, и мужчина спокойно показал ему на дверь в вертолет:

– Залезай, отдохни.

Тощий покорно забрался внутрь.

– Ну, что здесь? – спросил мужчина Смита.

– Стесняется.

– Почему?

Смит загадочно улыбаясь, пожал плечами:

– Не знаю. Мы вроде не девушки, а он не голубой.

Коренастый раздумывал, но, наконец, благоразумно открыл и, увидев чистенькие пачки

банкнотов, наклонил содержимое и показал его Смицу. В бауле, как и ожидалось, лежало

оружие, и Смит внимательно присмотрелся к Коренастому.

– Теперь вижу, – сказал Смит. – Ладно, забирай свой баул и брось оружие к моим ногам.

Как в школе, считаю до трех.

Коренастый без колебаний бросил пистолет к Смицу.

– Хороший мальчик, – сказал Смит. – Этого можно сразу в психушку, – добавил он,

поднимая пистолет и отходя к вертолету.

Смит закурил в сторонке, пока его напарник обыскивал Коренастого.

Еще через минуту вертолет взлетел над цветущим уютным плато. На борту его

находились три поставщика оружия, предназначенного для операции «Кобра». Один из

них нуждался в срочной помощи психиатрической боль-

ницы.

Расстановка сил

Не успел Джон со своими людьми выйти из здания Ассоциации и сесть в машину, как просигналил телефон. В эфире был Пол Бассетт.

68

– Джон, это я, Пол. Прошу извинить меня, сэр. Телефон ваш мне дал Майкл. Он просил

передать, что вам срочно нужно ехать ко мне в клуб. Вас встретит Арчер. Он вам поможет.

Сэр, прошу вас, сделайте все, чтобы сохранить мою девочку, мою Мону. О`кей?

– Пол, я вам обещаю это. Обещаю.

– Спасибо, Джон! – волнуясь, проговорил Бассетт и выключил связь.

Джон быстро набрал номер Форста, едущего следом.

– Форст, у меня проблемы. Я еду в Фан-клуб. Там напряженка. Так что езжай домой

сам. До завтра.

– Может помочь?

– Нет, дружище. Тобой не хочу рисковать. Ты мне завтра очень будешь нужен. Пока!

Джон резко развернул машину, включил полицейскую мигалку. Через пять минут он

проезжал мимо авто-кармана стоянки, где прошлый раз он видел Мерседес Тройда.

Присмотревшись, в сумерках он и сейчас заметил мрачную тень этой машины.

– Ладно, ребята, – сказал Джон вслух, будто ехал не один, – вам захотелось размяться?

Пожалуйста. Я вам это предоставлю, задницы. Предоставлю.

Завернув за угол, Джон оценил обстановку. Стоящая возле Фан-клуба машина рванула с

места и на полном ходу пронеслась мимо Джона в направлении, откуда ехал он. Джон

резко затормозил на пешеходной дорожке перед самыми дверьми Фан-клуба, выскочил из

машины, на ходу нащупывая пистолет. За стойкой стоял бледный, растрепанный бармен,

молча показывая трясущейся рукой на дверь в зал. На полу валялись осколки битого

стекла. На самой стойке блестели лужицы пролитых напитков. Запах чего-то пряного и спиртного стоял в воздухе.

Джон осторожно толкнул носком ноги дверь и первое, что в проеме щели в это

мгновение зафиксировал взгляд, оказался телохранитель Тройда с револьвером тридцать

восьмого калибра у виска танцовщицы. Он стоял на противоположной стороне зала

спиной к открытой двери служебного входа, держал де-

вушку сзади за волосы, а в двух

шагах за ним в готовности прыжка замер Арчер. В правой дальней части зала у разменной

кассы сбилась толпа посетителей. Слышались испуганные голоса и вздохи женщин. Слева

на полу возле столика рулетки лежал, постанывая, обхватив руками колено, полицейский.

Его пистолет валялся возле ног. По тому, куда было направлено внимание людей –

невольных участников криминальной сцены – можно предположить, что слева возле

стены, совсем близко от двери, за которой стоял Джон, находился второй телохранитель

Тройда.

Джон понял, что крутые события последних минут были остановлены неудачной

попыткой телохранителя похитить или убить танцовщицу. На секунду Джон пожалел, что

пообещал Полу сохранить жизнь его девочке. Однако эта мысль пришла и тут же исчезла,

стертая логикой. Ведь человек с оружием у виска танцовщицы в этот момент больше всего

заботился о себе, чем о своей пленнице. Только, кого он опасался? Видно, существовал

кто-то третий, может сам Арчер, хоть и без оружия, но чем-то остановивший

телохранителя. Джон внимательно всматривался в лицо телохранителя, глаза его таили эту тайну. Широко открытые, как в напряженной схватке, они застыли. Боевик, казалось, прислушивался к чему-то внутри себя. Даже мысль, что из бара в дверь зала мог зайти кто угодно, не волновала его.

*

После того, как Тройд с Джоном уехали в Ассоциацию Биоэнергетики, Арчер встретил прибывших полицейских, сообщил им решение своего босса привезти танцовщицу из ее тайника и обеспечить охраной во время ее выступления, которого давно ждали покровители и почитатели популярной танцовщицы. В зале воцарилась напряженная обстановка. Работники Фан-клуба, чувствуя серьезную ситуацию, выполняли свою работу четко и без лишних движений.

Арчер до приезда Моны несколько минут провел в офисе Пола Бассетта. Обсуждали подробности ожидаемых событий. Решено было Арчеру не брать в зал традиционного

69

оружия, а только подготовить кое-что из боевых средств, которыми он хорошо владел.

Например, кроме Восточного боевого искусства, использовать дистанционные радиоуправляемые шарики. Огнестрельным оружием пусть пользуются те, кому дано это по закону. Для этого инспектор полиции оставил двух своих людей, и теперь во многом все зависело от них. Жаль, что Питер еще не вышел из одержимого транса и сидит в своем номере, обретая духовное самоутверждение. Он очень уместен был бы со своим мастерством ближнего боя.

До прихода Моны на сцене работали попеременно две танцовщицы – девушка Арчера, Лиза, которую он очень любил, и ее подруга.

Лиза в своем номере готовилась к выходу на сцену. Арчер, как всегда, зашел, не постучав в дверь, подошел, осторожно обнял ее, рассказал о предстоящих событиях.

Сказал, что пробудет у себя несколько минут, подготовит боевые шарики, потом, наверное, уже не зайдет к ней до самого приезда Моны с охраной.

Уходя, он успокоил Лизу. Подошел сзади, когда она перед зеркалом примеряла бюстгальтер, обнял ее, ласково провел рукой по обнаженной груди, поцеловал возле уха...

– Когда ты, наконец, станешь женщиной? – сказал он, улы-

боясь в оправдание своей

выходке. – Тебе не надоело ходить в девушках?

– Опять? Хорошо. Скажу еще раз: когда ты станешь моим законным мужчиной. Вот

когда!

В ответ он нагло забрался в бикини, наблюдая за Лизеной реакцией. Ее лицо вспыхнуло

особым блеском, как во время выступлений на сцене. Она поспешно встала, пнула стул,

путающийся у нее под ногами, и страстно прижалась к Арчеру.

Прощаясь, он помахал ей двумя пальцами и закрыл за собой дверь.

На подготовку снаряжения у Арчера времени ушло немного. Все заранее было уже

предусмотрено и поэтому удобно разместилось по своим местам. Оставалось

сосредоточиться.

В позе Сукхасана* он начал медитацию на отпускание мыслей тревожащих ситуаций.

Вначале отпустил приходящие мысли, наблюдая за ними и не соединяя их с

посторонними. Дождался иссякания внутреннего диалога. Он их всегда прослеживал, не

вмешиваясь... Теперь здесь ничего нового не будет. Все неблагоприятное, что произошло,

уже произошло, и то, что будет, уже было, и он прекрасно осознал, как с этим удачно справится.

Теперь пора заканчивать.

Арчер поднялся в офис к Бассетту. Камеры, автоматически переключаясь,

транслировали основные участки помещения. Он щелкнул тумблером на щите управления

и установил наблюдение за входом в Фан-клуб.

– А ты уверен, что в помещении нет наших гостей? – спросил Бассетт.

– Я осмотрел. Один из полицейских за сценой, другой – в зале возле клиентов за

столиком Клода, – сказал Арчер.

«Столик Клода», как до сих пор называли его в зале, продолжал служить привычным

символом в работе. Здесь всегда больше людей, чем возле других игровых мест и

полицейский будет менее заметен.

– У входа пока нет наших машин... хотя нет, вот чья-то...

Плохое освещение, босс. Так, я

его узнал. Это мистер Майкл. Я встречу его, – сказал Арчер и быстро пошел к выходу.

*

Майкл торопился и первый, на кого он наткнулся в баре, был Арчер.

– Ваша танцовщица в опасности, Арчер. Скажите об этом Бассетту.

– Он знает, мистер Майкл. За ней послали. Мы ожидаем ее с минуты на минуту в

сопровождении охраны. Инспектор Конрад уехал с вице-президентом, мистером

Джеймсом Норрисом на место хищения каких-то документов в Ассоциации. Он оставил

двух полицейских для охраны Моны.

70

– Кого? – Майкл подумал, что ослышался.

– Извините, сэр. Моны – нашей танцовщицы, подруги погибшего Клода. Мы ее

называем Моной-Лизой, она всегда выступает в паре с моей Лизой.

Майкл был оглушен. Это многое объясняло. Значит, участь Моны зависит от Моны-

танцовщицы! А точнее от того, успеет ли она официально дать показания следствию,

прежде чем ее убьет тип, звонивший по телефону. Об этом он хотел сказать Арчеру, но в

этот момент входная дверь резко распахнулась и в вестибюль бара, задыхаясь, вбежала

женщина в длинном темном платье и наброшенной на голову легкой черной накидке.

– Скорей, Арчер! Они сейчас будут здесь, – крикнула

она, – их задержал твой человек.

Он, кажется ранен...

Арчер с трудом узнал в женщине Мону-Лизу, кинулся с ней в зал, на ходу нажав кнопку

тревоги на пульте в кармане. Бармен бросился закрывать входную дверь. В это время двое

мужчин в куртках подбежали к стеклянным входным дверям. Арчер узнал в них

телохранителей Джеймса Норриса. Боевики набросились на закрытую дверь, в бешенстве

принялись бить ногами по толстому стеклу. Один из них вытащил пистолет, выстрелил в

замок. Массивные стекла жалобно звякнули. Сообразив, что двери уже не спасут, бармен в

страхе опустился на пол за стойку. Тем временем, Майкл, Арчер и Мона проскочив через

игорный зал и служебный вход, вбежали в номер Лизы. Ожидая своего выхода на сцену,

Лиза испуганно схватила со спинки стула платье и прикрылась им. Арчер успокоил ее:

– Все в порядке, Лиза. Это Мона. Ты ее узнала?

Лиза расплылась в улыбке и принялась обнимать подругу.

Арчер запротестовал:

– Так. Все, все, девочки! Мистер Майкл, пусть Мона переоденется в костюм

танцовщицы с юбкой, и скорей уходите через пожарный

выход. Увозите ее отсюда к себе.

Сейчас я вам пришлю полицейского. Здесь теперь будет не скучно.

Арчер осторожно приоткрыл дверь, выглянул в коридор и бесшумно вышел. В глубине

здания глухо прозвучали подряд два выстрела.

Мона-Лиза сбросила накидку, и Майкл удивился необыкновенной схожести ее с Моной.

В первый момент мелькнула глупая мысль о мираже. Это была она, Мона, которую он

безнадежно любил, а точнее – девушка, ростом и фигурой копия Моны, отличающаяся

неуловимой мимикой и мягкими чертами лица.

Мона-Лиза не стесняясь, ловкими движениями сбросила с себя темное платье,

скрадывающее ее безупречную фигуру, виновато посмотрела на Майкла, сказала, смеясь:

– Это для маскировки, сэр.

– А что, это гениально, мисс. Майкл, к вашим услугам, – Майкл легонько пожал ее

узкую ладонь.

– Мона, – сказала она и торопливо застегнула змейку на юбке. Затем взяла из шкафа

легкий домашний халат, глянула на подругу, – ты не возражаешь?

– Что ты! – вскрикнула Лиза, – глупее чего-нибудь не мог-

ла спросить? И еще возьми вот

это, – она нагнулась над ящиком, один за другим бегло разворачивая и пересматривая,

побросала Моне в руки всякие нательные вещи – колготки, рубашку, юбку, блузку, что-то

скомканное и понятное только женщинам, – спрячь в сумку, пригодится.

Все это она проделала, не обращая внимания на Майкла.

Обе девушки были изящны и

красивы, будто родила их одна мать. Мона принимала дары своей подруги, как должное,

Майкл сказал бы даже, машинально. Она, казалось, была чем-то озабочена, что,

безусловно, не было связано с опасностью: изредка поглядывала куда-то в сторону, или

украдкой бросала быстрый взгляд на Майкла, не прерывая работу. Майклу казалось, что

между ним и ею происходил молчаливый диалог, слова их были интимны и не нуждались

в расшифровке. Бессловесная информация непонятных нежных чувств приходила в

сознание, самовольно занимала ей отведенное место и уже, казалось, теперь поступала,

как ей заблагорассудится. Майклу это не нравилось. То есть, что-то в этом неизвестном

привлекало, что-то, оберегало привычное и спокойное,

уводило в сторону. Он понимал –

71

это Мона. Не Мона-Лиза, раскованная и нагло женственная, и, наверное, не признающая

строгих манер субординаций в высшем обществе, а Мона, хорошо ему известная и понятная.

Наблюдая за движениями Моны-Лизы, Майкл отметил, что каким-то образом она

вместила в себе манеры и внешность обоих – свои и той, которую он любил.

Его мысли были прерваны негромким стуком в дверь. Следом за этим ее открыли, не

ожидая ответа. В комнату вошел полицейский. Мона осветила его дежурной улыбкой и,

расставив руки в стороны, весело сказала:

– Я готова, сэр!

Майкл с едва заметной ревностной улыбкой глянул на Мону-Лизу, взял саквояж с

вещами и жестом очень воспитанного джентльмена пригласил ее к выходу. Они

попрощались с Лизой, и вышли в коридор.

Мона-Лиза повела их в противоположный конец коридора. В его тупике через глухую

металлическую дверь, запертую на два внушительных размеров засова, они вышли на

хозяйственный двор. Было темно, и мужчины почти на ощупь шли за Мона-Лизой к воротам, пока огни улицы не раскрыли знакомую обстановку.

– Стойте здесь, – сказал Майкл, – я сейчас сюда подъеду машиной.

Действие – наработка новой кармы

Лиза собралась выйти на сцену, поглядывала на сигнальную лампочку-глазок,

вмонтированную в бутон цветка, свисающего на ножке с рамы зеркала. Иногда ее

вызывали просто – стуком в дверь. Чаше так поступали ведущий и Арчер. Арчер приходил

сам, чтобы еще раз повидать Лизу и провести с ней лишнюю минутку. Она с нетерпением

этого ждала. Всегда ждала, и тогда, и сейчас.

Наконец, дверь открыли, вошли и закрыли на ключ. Так нагло поступал только Арчер.

Не оборачиваясь, она отвела помаду от губ, посмотрела в глубину зеркала, как всегда это

делала, чтобы увидеть любимое отражение. На этот раз в нем оказалось совсем иное

неуместное лицо. За ее спиной стоял мужчина в темно-коричневой куртке. Она обмерла.

От неожиданности. На широком уродливом лице незнакомца застыла злорадная улыбка.

Мужчина молча поднес к губам палец. Лиза обернулась, пытаясь встать. Он остановил ее, приложив этот же свой палец к ее губам, флегматично вынул из-за пояса револьвер с глушителем, демонстративно покрутил, как игрушку перед ее лицом, поднял брови, выражая этим, что дальнейшее все будет зависеть только от нее, и снова сунул оружие за пояс.

– Что вам нужно? – негромко, как можно спокойней спросила Лиза.

– Ну, ты меня, Мона, удивляешь! Взрослая девушка, а спрашиваешь о таких глупостях.

Или ты притворяешься? – он говорил тихо украдкой. – Да взгляни ты на себя в зеркало

повнимательней. Какая шея, какая грудь! Что это значит? Не знаешь? Да не притворяйся

ты наивной! Окей, скажу. Это признак, что тебе нужен настоящий мужчина, например,

такой, как я, а не каким был хлюпик Клод, – он опустил свою руку на ее спину, расстегнул

бюстгальтер. Спружинив на резинке, он отскочил в сторону. Бандит повернул Лизу

вплотную к себе. Теперь в глазах насильника Лиза увидела жгучую страсть. Осознать это

было жутко. Цепкими холодными пальцами он поднял ее

за плечи и снова поставил на

ноги, принялся жадно осматривать и гладить шершавой ладонью ее грудь. Затем, оборвал

и сбросил бикини. Лиза хотела сказать, что она еще девушка и вовсе не Мона, но вместо

слов у нее только покатались слезы. Она молча безвольно ему подчинилась. Его рука

медленно заскользила снизу вверх между икр ее ног и Лиза поняла, что теперь ей никуда

не деться, наступил такой глупый, смешной финал. Бандит уже начал было расстегивать

брюки, но вдруг его что-то остановило.

72

Стук в дверь не сразу пришел в сознание и прежде, чем Лиза открыла рот, бандит

плотно стиснул его ладонью. Медленно вынул пистолет, приложил его к ее виску. Жесткая

сталь не показалась Лизе холодной. Стук в дверь повторился еще и еще. Лиза услышала

голос ведущего:

– Подруга, ты что, заснула? Давай, Мона, скорей, твой выход! А где Лиза?

«Какая Мона? Что значит, где Лиза? Вы что все съехали сегодня?!» – хотелось по

привычке возмутиться Лизе. Но высказаться как-то не получилось. Все слова, даже самые

простые, куда-то делись, дыхание ушло вниз живота, превратившись в невыносимо

громкие удары сердца. К тому же говорить не давала мерзкая ладонь бандита. После

молчаливой паузы слышались удаляющиеся шаги ведущего.

– Черт! Черт! Не повезло, сладкая моя. Не судьба! Ничего, это поправимо, – с досадой

незлобно проговорил насильник. – Ладно. Одень это, – он ткнул пистолетом в юбку,

аккуратно лежащую на тахте, – и давай, выволакивайся на сцену. Только не дергаться!

Минуту он прислушивался к звукам в коридоре, затем подошел к Лизе, собрал

хваткими пальцами волосы и повел ее к выходу. Возле двери в зал он снова приложил

глушитель к ее виску, сделал два шага и остановился, осматривая обстановку. На

противоположной стороне у двери в бар, облокотившись о стену, стоял с пистолетом

телохранитель. Возле кассы скучились посетители.

– Всем стоять, не шевелиться! Кто хоть зевнет, получит свинец на закуску, – сказал

телохранитель и кивнул напарнику в сторону выхода. Напарник толкнул глушителем Лизу

в затылок, сделал шаг, но в этот момент неожиданно за

спиной громко окликнул его

Арчер:

– Стой и не шевелись!

Телохранитель у выхода дернулся, направил свой пистолет в сторону Лизы. Напарнику

это не понравилось, он возмущено вскрикнул:

– Ты что, придурок? На меня наводишь пушку?!

– Иди, Ганс, у него ничего нет, – оправдываясь, сказал телохранитель, но оружия не

отвел. В то же время из-за игрового столика встал во весь рост полицейский. В одной руке

он держал пистолет, в другой над головой – полицейский значок.

– Пат, у тебя что, мозги не на месте? Ты же видишь, я ее держу. Опустит пушку! –

взвизгнул Ганс и, заметив краем глаза полицейского, слегка кивнул головой Пату в его сторону.

– Полиция! Бросай оружие! – крикнул полицейский.

Пат резко выбросил руку с пистолетом в сторону полицейского и выстрелил.

Полицейский осунулся, обхватил колено и опустился на пол. Револьвер упал к его ногам.

– Не оборачивайся, – спокойно предупредил Арчер Ганса, – единственное, на что у тебя осталось, это держать свой вонючий глушитель. Осталь-

ное ты еще успеешь. Теперь

слушай внимательно. Не поворачивай голову! – резко выкрикнул он, заметив невольное

движение Ганса. – Это не Мона. Это Лиза. Верно определил Пат – ты недоумок. Что

теперь будешь делать? Ладно. Помогу. Ты проверил свои карманы – что у тебя там? Не

знаешь? Правильно, не знаешь. Там игрушка. Похожая на ту, что ты мне подбросил

прошлый раз. Только моя превратит тебя в кучу дерьма, если я случайно нажму на кнопку

у себя в кармане. Не веришь? Хорошо. Разрешаю пощупать. Только осторожно, это тебе не

женщина! Я могу приревновать и случайно нажать кнопку. Лизе ничего не будет. Правда,

забросает твоим дерьмом... Ничего отмоется.

– Несчастный йог! За кого ты меня принимаешь? – возмутился Ганс и медленно

пощупал свой карман.

Его лицо вначале замерло, затем преобразилось в признательную грустную улыбку.

– Вот видишь, – отметил Арчер, – а своего шефа ты знаешь – за ошибку по головке не

погладит. Но Ганс! Ситуацию можно исправить, если все это прямо сейчас бросить и уйти.

Хотя твой друг, Пат, другого мнения. Он только что на

глазах у всех уже заработал себе

срок. А ты еще нет. Ему теперь все равно. Он и тебя пришьет. Не так ли? Вот и стой, пока

73

твой дружок не бросит оружие к моим ногам, а я не возьму твой ствол. Сообразил?

Попытайтесь кто-нибудь из вас выстрелить – нажму на кнопку. Устраивает?

– О'кей, о'кей, – рука Ганса с пистолетом изменила направление в сторону Пата.

– Сообразительный мальчик, – довольно произнес Арчер.

*

Бармен напряженно замер у стойки. Джон мысленно прокручивал сценарий ожидаемых

действий, внимательно прислушивался к голосам.

– Ну и тупой же ты, Ганс! – голос прозвучал близко за дверью у стены.

Джон оценивал расстояние.

– Да мне наплевать на него, – распинался Пат, – он блефует, твой йог. А тебе, идиоту,

напоследок вот что скажу. Я не разборчивый. Любому из нас шеф гарантировал баки,

какие нам не снились. Значит, шеф не дурак: выходит у нас с тобой намечен конкурс –

либо я, либо ты, – смеясь, злорадно подытожил Пат и в ту

же секунду Джон услышал
характерное движение и шорох одежды. Он увидел, как
рука Ганса с револьвером
дрогнула, повернула в сторону Пата, и понял, что цель те-
перь будет иной. В голове Джона
что-то сработало, и неожиданно для себя он толкнул
дверь. Падая и переворачиваясь на
полу, он уже открыл огонь.
Почти одновременно последовало два ответных выстрела.
Одна из пуль, дернула
штанину брюк Джона, прошила ткань. Человек у стены
замер и медленно, собирая в
складки куртку на спине, осел на пол. В то же мгновение
Арчер ударом ноги выбил из
руки Ганса оружие. Но револьвер все же выстрелил и по-
летел в сторону толпы. Лиза,
вскрикнув, опустилась на пол. Люди бросились к выходу,
толкая друг друга.
Джон поднялся, вызвал скорую помощь и оперативников.
Арчер сидел на полу, держал на руках Лизу и что-то шеп-
тал ей на ухо. По ее левому
предплечью и руке стекала, извиваясь, кровавая змейка.
Лиза пошевелила ослабевшей
рукой, обняла Арчера, молча, как ребенок, прижалась к
нему. Джон присел рядом,
осмотрел рану. Рана была сквозная. Он развязал поясок

на юбке девушки, перетянул им
руку выше раны.

– Арчер, все будет хорошо, – сказал он, заметив у парня
на глазах слезы.

И тут Джон понял:

– Кто она? – тихо спросил Джон.

– Я же говорил – это моя Лиза, мистер Конрад. Она будет
жить, сэр? Будет? – как-то

неосмысленно и не по-взрослому спрашивал Арчер.

– Арчер, я вызвал машину, не волнуйся, – сказал инспек-
тор, ободряющее пожав парню

плечо. «Ему, наверное, и восемнадцати нет», – подумал
он. – С Лизой все будет

благополучно. Даю тебе слово.

– Спасибо, мистер, – Арчер обвел окружающих пустым
взглядом.

Девушки укладывали Лизу на цветное покрывало. В сто-
роне, ни во что не вмешиваясь,

сложив руки на груди, стоял Бассетт.

– Арчер, где Мона? – наконец спросил Джон.

– Она с мистером Майклом. Он увез ее к себе. А что с
этим? – Арчер кивком головы

показал на полицейского, сидящего на полу. Ему оказы-
вали помощь двое мужчин из

команды Бассетта.

– Будет жить, – оптимистично ответил Джон, – что соби-

раешься делать, Арчер? –

спросил Джон, словно Арчер ему, по меньшей мере, коллега. – Ты можешь прямо сейчас, –

он кивнул в сторону Лизы, – поехать со мной к Майклу.

– Да, сэр, – ответил Арчер, растерянно глядя в сторону девушек, уносящих на покрывале Лизу.

Джон слегка подтолкнул Арчера в спину:

74

– Пойди к ней. Скоро прибудет машина. Все нормально, напарник. Ты мне должен верить.

– Я верю, сэр...

Арчер постепенно обретал бодрость и устойчивость на ногах.

Один из охранников принес подобранный в углу зала пистолет с глушителем. Владелец

его сидел на стуле в наручниках, опустив голову, тупо смотрел на свои нервно

вздрагивающие кеды. Джон осторожно двумя пальцами взял револьвер и положил в целлофановый пакет.

– Арчер, возьми другой, – он кивнул на пистолет, валявшийся у ног убитого

телохранителя, – и обоймы у него в карманах. Они тебе пригодятся. И пошли, дружище.

Пошли. Нас ждут неотложные дела с главным актером нашего спектакля по Майклу!

– О`кей, сэр. Я сейчас, – он бросился вслед девушкам, еще не успевшим зайти с Лизой в

ее номер, остановил их, опустил на колени, обнял, целуя Лизу. Она обвила его шею

слабой рукой. И потом, разняв руки, неотрывно смотрела ему вслед, когда он уходил.

Джон и Арчер вышли к машине.

Наступала отрезвляющая ночь. Легкий ветерок с океана надувал в лицо приятной прохладой.

Родственность душ

На скорости они пронеслись мимо машины Джона. Мона-Лиза придвинулась к

стеклу и схватила Майкла за руку:

– Это полиция!

– Хорошо. Сделаем вот что, – он обернулся к полицейскому на заднем сидении, – вы

лучше возвращайтесь в поддержку ребятам, мы справимся сами.

Майкл остановил машину и выпустил полицейского.

– И даже знаю, кто это, – добавил он к тому, что сказала Мона-Лиза.

Мона с любопытством посмотрела на Майкла.

– Это мой друг, Мона-Лиза. Это Джон, инспектор поли-

ции.

– Не называйте меня так, мистер Майкл, – обидчиво сказала Мона.

– Почему?

– Это моя кличка на работе.

– Прошу прощения, мисс.

– Вы такой обходительный...

– Зови меня просто Майкл. Договорились? И потом, я журналист. А журналисты народ дотошный и нахальный. Ты это знаешь?

– Знаю, Майкл. Но ты не такой.

Майкл возмущенно вскинул руку:

– Откуда ты знаешь, какой я!

– Знаю. Это мои проблемы. Куда мы едем, Майкл? – Мона явно за что-то рассердилась

и не очень церемонилась с собеседником. Это расстроило Майкла. Он подумал, что нужно

немедленно покарать свою профессиональную наглость.

– На Шестнадцатую Северо-западную. Как чувствуешь себя, Мона? – спросил он,

вложив в интонацию голоса сочувствующие нотки.

– Спасибо, сэр!

– А ты злопамятная!

– Нет, сэр. Я памятная. Меня, сколько себя помню, мужчины приучили к своему общению. Они всегда старались меня использовать.

– Ты хочешь сказать, что я не исключение?

Мона-Лиза не ответила. Некоторое время они ехали молча. Потом Майкл неожиданно

для себя осторожно положил свободную руку на плечо Моны и осторожно привлек ее к

себе. Он только коснулся ее нежной кожи на лице, как тут же ощутил тонкий запах желанной женщины.

– Нет, Мона, я не такой, как ты сказала. Я отвезу тебя к себе домой. Там ты будешь в

безопасности. У меня есть комната уединения для творческой работы. В нее войти может

только тот, кто знает, как это сделать. Там тебе будет уютно. Поживешь сама, пока все

уладится. Я почти не бываю дома. Кстати, ты умеешь печатать на машинке?

– Немного.

– Вот и хорошо. Дам работу.

Мона доверчиво прижалась к плечу Майкла, замерла. Минуту спустя Майкл украдкой

посмотрел на Мону. При слабом мерцании плывущих навстречу придорожных фонарей на

ее щеке блеснула мокрая дорожка. Он ободряюще потискал плечо Моны.

– Все обойдется!

Они приехали в полной темноте безлюдной освежающей ночи. Тихо поднялись по ступенькам на второй этаж.

Квартира состояла из прихожей, комнаты и кабинета. Майкл жестом пригласил пройти

Мону вперед, поставил ее саквояж на столик в прихожей и повел показывать кухню и туалетную комнату.

– Мона, мне будет обидно, если ты себя почувствуешь скованно. Задействуй кухню,

будь хозяйкой у холостяка. Договорились? Осмотри сама все здесь, хорошо? А твою

комнату я покажу сам, – он подвел Мону к стеклянной витрине, где на стеклянных же

полках стояли фигурки божков, куски морских кораллов, чучела птиц и несколько видов

чайных сервизов. Майкл открыл левую дверцу стеклянной витрины и переставил стоящих

под стенкой божков местами. Когда он закрыл дверцу, витрина мягко заскользила в

сторону и обнажила проем в рост человека.

Они вошли вовнутрь небольшой уютной комнаты, освещенной мягким светом. Справа

во всю стену блестело ночное окно. Майкл показал на дверь в противоположной стороне

стены:

– Там душ и туалет. Холодильник в углу, там, где бар.

Рабочий стол стоял возле окна, у торцевой стены комнаты

– тахта на двоих и два кресла

перед журнальным столиком. На гладкой его поверхности
одинокое скучал пустой

расписной кувшин.

– О, Майкл! У тебя, как в моем номере, – заметила Мона.

Майкл улыбнулся, вспомнив маленькую комнатку Лизы.

Там стоял шкаф, узкая лежанка

и туалетный столик с зеркалом. Были еще пара мягких
стульев.

Он скромно развел руками:

– Уж извини. Лучших апартаментов у меня пока нет.

– Ты что, шуток не понимаешь?! – возмутилась Мона-Ли-
за и, приблизившись к Майклу,

положила руки ему на плечи.

Он привлек Мону-Лизу к себе, снова ощутил манящий
аромат ее тела, поцеловал в губы, в

шею... Вскрикнув, она порывисто охватила руками его го-
лову, притянула к своей груди,

затем неточными движениями принялась расстегивать
пуговицы на его рубашке.

Наяву ли...

Джон ехал спокойно, хотя в голове у него творилось что-
то неладное. Незаметно

пришло состояние полусна. Он подумал, что так можно и

не вписаться при повороте в
свою колею, и залететь кому-нибудь в окошко на первом
этаже.

76

Но, все же, повинуюсь какой-то сторонней силе, машина
шла ровно. Он глянул на

Арчера – парень не спал, у него был ясный устремленный
взгляд. Пережив происшедшее,

он молчал, успокаивался, к нему вновь, наверное, возвра-
щалось его привычное

отработанное хладнокровие. Этого не мог в себе отметить
Джон. Наоборот, его все больше

захватывали видения, связанные с опасностью за жизнь
его Моны.

В его представлениях постоянно рядом находился Тройд,
то вдумчиво молчаливый, то

насмешливо посматривающий на Джона. Тройд говорил,
что во всем виновата Мона, эта

немыслимо красивая женщина, которую ему пришлось за-
действовать в своих гнусных

делах. Это она убила Клода, чтобы скрыть следы преступ-
ления и лживую связь с ним, с

Тройдом, от Джона. Конечно же, она любит Джона, даже
он, Тройд это утверждает, но так

уж получилось у них и от этого никуда не денешься.

Потом Джон сознательно направил машину не направо,

как нужно было, а налево, в

узкий переулок. Проехав ярдов тридцать, он затормозил возле двух полицейских машин с зажженными фарами, мигающими маячками напротив заброшенного двухэтажного дома.

Перед подъездом блестела натянутая желтая лента-ограждение.

Джон вышел из машины, его поприветствовали полицейские, узнав в нем инспектора, пропустили в дом. В темном коридоре ему навстречу вышел светловолосый высокого роста мужчина. Это был Тройд.

– Напрасно ты приехал, – сказал Тройд спокойно и властно, – здесь я и сам управляюсь.

Тебе бы лучше позаботиться о своей Моне. Она уже за решеткой, Джон. Вернешь мне мою девочку, я тебе помогу освободить твою.

Джон не ответил. Он не знал, как ответить Тройду потому, что не знал того, что знал

Тройд. Джон отмахнулся от него и пошел назад к своей машине.

Выйдя из подъезда, он удивился, что вокруг безлюдно и темно. Никаких полицейских машин не было. Возле его машины одиноко стоял Арчер и ожидал Джона.

– Сэр, что-нибудь не так?

Джон пожал плечами, выражая недоумение, и нехотя ответил, что все как будто бы в

порядке, хотя все-таки что-то не так.

– Мы еще не приехали?

– Скоро приедем, – скупое ответил Джон и сел в машину.

Минут через пять они припарковались в уютном кармане возле дома Майкла.

Поднялись на этаж. Джон позвонил. За дверью молчали. Тогда Джон вспомнил, что давно

у них с Майклом, еще до установки автоответчика, было условлено с целью отсеивания

нежелательных собеседников по телефону делать два сигнала по два звонка. Джон нажал

кнопку дважды, сделал паузу и повторил звонок. Теперь за дверью слышались шорохи,

и в глазке промелькнула тень.

Майкл открыл, не спрашивая, подставил руку с раскрытой ладонью, Джон хлопнул об

нее своей, и они обнялись. За спиной Майкла стояла поразительно красивая девушка,

придерживая у себя на груди наспех наброшенный халат.

– О, дружище! – воскликнул Джон, – я вижу, ты зря времени не терял. А это Арчер. Да,

впрочем, я совсем уже обалдел, ты же его знаешь. У меня от усталости крыша поехала.

Честно говоря, я смертельно себя чувствую, Майкл. И на-

деюсь, в твоём арсенале найдется

по паре глотков божественного напитка с ледяной водой!

Только это меня может спасти.

Можешь спросить у Арчера. Он знает!

– Да, мы куда-то заезжали. Но я никого не видел в этом заброшенном доме.

– Ты что, завел себе любовницу? – притворно спросил Майкл.

Джон хладнокровно принял шутку:

– А что, разве я женат? – но, опомнившись, потребовал, – Майкл, где Мона? Я перед

ней полный тупица и негодяй, дружище. Где она?

– Все в порядке, Джон. Она в безопасности.

– Ты уверен? – спросил Джон и потянулся к телефону.

Майкл накрыл его руку своей:

77

– Не звони. Ее там нет.

– Майкл, где она, черт возьми?! – Джон свирепо осмотрел лицо своего друга. Но Майкл стойко ответил:

– Чего ты на меня уставился, мерзавец! Я сказал, что все в порядке: ее арестовал Билли.

Джон положил трубку, отошел в сторону, закипая, проговорил сквозь зубы:

– Сволочь, Билли. Эта сволочь! Ну, постой, я тебя, дряхлая телега, достану. Я достану!

– Не горячись. Он тут не при чем. И ты это знаешь. Это даже лучше – она в безопасности. Он ей создал условия... даже холодильник поставил полный еды и выпивки.

Он же ее любит! – не без умысла заметил Майкл.

– Как и ты, – добавил Джон, успокаиваясь.

Майкл вместо ответа привлек к себе Мону-Лизу, демонстративно поцеловал в висок.

Джон секунду осмысливал сцену и сказал с усмешкой и облегчением:

– Наконец-то! Это меня больше устраивает. А я подумал, ты так и умрешь холостяком.

– Да нет, просто ты боялся за себя, – заметил Майкл скромно, ставя на стол бутылку

коньяка, маленькие граненые стаканчики и бокалы для ледяной воды, – ты правильно

понимал и опасался, что я у тебя ее мог увести.

– Как же, как же, – успокоил Джон, – кто б тебе ее отдал.

Майкл пропустил его слова мимо, кивнул Моне в сторону кухни:

– Милая, там, в холодильнике увидишь что надо. И сделай яичницу. Джон ее очень любит.

– Это верно, девочка. Только не яичницу-болтуню. Я в ней никогда не мог найти желток, – пожаловался Джон.

Майкл оптимистично заверил:

– Вот и ее, Мону нужно, чтобы никто не нашел, – он кивнул на Мону-Лизу, – прежде,

чем она даст показания. А потом она никого не будет интересовать, – он искоса глянул на

Джона, – кроме меня.

– Ну да. Только скажи мне, от кого ее нам нужно прятать?

Майкл обеспокоено промолчал.

– Если от Тройда, – продолжал Джон, – то он от нас уже не уйдет. За ним установлено

наблюдение.

– Тройду это все равно, что слону булочка, – заметил Арчер, – он владеет

сверхчеловеческими способностями Йогина, следующим Путем Тьмы. Его можно обойти

только хитростью, – он посмотрел на Джона, – сегодня я в этом убедился.

Джон с интересом посмотрел на Арчера.

– Ты имеешь в виду эту нашу сюда поездку?

– Да, сэр. Расскажите, что вы помните?

– Да это от усталости. Меня захватил сон или какой-то бред.

– Это не бред, сэр. Это земная реальность, которую может творить только Достигший.

Майкл с любопытством посматривал то на Арчера, то на Джона и, понятно, ждал от них

разъяснений и подробностей.

– Что вы на меня уставились все?! Ничего особенного! Я что, по-вашему, не человек?

Не могу расслабиться?! Ладно... Только потом не говорите, что у меня поворот, – он

фигурально показал растопыренными пальцами у своего виска.

– Не надейся. Этого не будет – ты уже и сам сказал, что у тебя крыша поехала, –
напомнил Майкл.

Джон затянулся сигарой, откинулся на спинку кресла.

– Я почему-то заехал не туда, куда надо. Остановился возле нежилого дома и внутри,

когда зашел, мне показалось, что увидел Тройда. Как будто бы он мне сказал, что

предлагает обмен девушек. Ты представляешь, какая скотина! Ну, да мне показалось это

бредом.

78

– Сама информация логична, Джон. Это нужно учесть. По характеру напоминает

телефонные звонки типа-осведомителя, который меня шантажирует. Не твой ли Вице-

президент? Но это потом.

– Он боится, – прервал его Джон, – если это Тройд, то есть Норрис, то он видит в

Моне... В твоей Моне, – уточнил он, – опасного свидетеля. Значит, моя Мона теряет или

уже потеряла для него главную ценность. Если это так, то когда же это произошло? –

Джон умолк, обдумывая свое предположение.

– Мы это еще узнаем, – сказал Майкл.

Джон усмехнулся.

– Когда то, что хотел сделать, будет уже сделано. Стоп-стоп, – он настороженно глянул

на Майкла, – так это из-за провала операции по хищению документации! Из-за них же

арестована Мона!

– Верно. А у тебя, оказывается, изредка проявляется способность сыщика. Я же тебе

говорил – поживем, посмотрим. Не посмотришь – не увидишь!

– Ты хочешь сказать, если бы не твоя притча...

– Ну, конечно же, друг-Джон. Ты такой недогадливый!

Они слегка посмеялись, но Джон все же серьезно заметил:

– Это нуждается в проверке.

Мона-Лиза принесла закуску. Все было со вкусом сервировано на мелких тарелках,

вода и лед в кувшине, обернутом бумагой и плотным холстом, яичница сделана так, как

хотел Джон – fried eggs, желток, который не пришлось бы искать.

Майкл со скрытым удивлением осмотрел стол. Однако Джон поймал его взгляд и с

издевкой насмешливо произнес:

– Ну, теперь ты пропал, протухлый холостяк. Куда ты теперь денешься, мерзавец? Как же! Заберет он у меня мою Мону!

Майкл признательно ухмыльнулся:

– Может быть, ты прав. Поживем, увидим.

– Посмотрим, – поправил его Джон.

– Нет, увидим, – Майкл помаячил пальцем перед своим лицом.

– Как всегда, со своими штучками, – уточнил Джон и указал Арчеру на своего друга. Но

Арчер не отреагировал. Похоже, взаимные подначки старых приятелей его не тронули. На

это у него были свои веские причины. И Джон ему сказал:

– Все будет в порядке, дружище. Завтра с ней встретишься. Верь мне, Арчер. И вскоре

мы здесь посидим за этим столом всей компанией. Вот увидишь. С нашими подругами,

милыми дамами. И в этом нам поможет... Тройд!

Они снова немного посмеялись.

– Сэр, это я вам обязан.

– Нет, дружище, ты не прав. Мы все друг с другом связаны. И нам нужно разобраться в

цепочке зависимости как можно скорей. Например, я

помню, когда я приехал с Моной к ее

родителям... Нет, я приехал к ее родителям, чтобы забрать Мону на работу после

выходных. Ее мать сказала, что Мона пошла к Клоду за какой-то вещью, которую тот взял

на время и не принес. Но Моны у него не оказалось. Когда я вернулся, она была уже дома.

Сказала, что ходила в магазин.

– Ладно, – перебил Майкл, – пусть Мона расскажет все, что мне говорила.

Мона-Лиза отложила вилку с долькой маринованного огурца, взяла салфетку, волнуясь, стала мять ее.

– Хорошо, Мона, – сказал Джон, – не бери в голову. Выкинь все ваши интимные отношения с Клодом, а иначе Майкл умрет от ревности.

– Хорошо, – она нервно сглотнула комок в горле, – он мне давал деньги так, чтобы не

знал мистер Бассетт. Это были левые деньги. Когда к нему привязался этот президент... то

есть Тройд... он забеспокоился и сказал, чтобы я к нему не подходила пока он не разрешит.

Я заподозрила в этом что-то нехорошее, связанное с воровством денег и сама отошла от

он сказал мне, что мы... это

значит, он и я, скоро заработаем кучу денег, которые ему даст Тройд. Нужно только

сделать маленькую безопасную работу, похожую на ту, что проделывал Клод с вращением

диска рулетки. Я наотрез отказалась. Тогда он сказал, что если я не соглашусь ему помочь,

он расскажет боссу, что будто бы делил со мной деньги, добытые нечестным путем от

клиентов. И что я ему помогала. А за такие вещи, всем известно, прямая дорога на улицу.

Пришлось согласиться, тем более, что это оказалось просто и не подозрительно.

– И что ты вначале сделала? – спросил Майкл.

– Я пошла с ним квартиру снимать. Так от него требовал Тройд. Он мне рассказал о

замысле Тройда. Конечно, Клод не все знал. Он должен был помочь Тройду открыть дверь

и получить от него вещи вашей Моны, – она с грустью посмотрела на Джона.

– Все в порядке, девочка. Рассказывай дальше.

– Он передал их мне в пакете и велел поехать к нему домой, а перед тем, как войти в

дом, одеть перчатки. Он сказал, что сам это сделать не сможет, он должен сразу же ехать

на квартиру, которую сняли. Клод дал мне ключи от своей

квартиры. Вещи я вытряхнула

прямо на разобранную постель. Она у него, видно, всегда была разбросана.

– Мона, а перчатки...

– Нет, это Клода. Он мне так и сказал: «ты не должна быть в этом замешана». Тем более

что Тройд меня не видел. Я стояла внизу возле пожарной лестницы и пришла одна к

назначенному времени.

– А Тройд...

– Он не знал о моей связи с Клодом. Я же вам уже говорила...

– Хорошо, хорошо, – успокоил ее Джон, – извини. Дальше.

– Ну вот, а что дальше? – Мона-Лиза задумалась.

– Ладно. Вспомни, пожалуйста, в чем ты была одета, когда приходила с Клодом снимать

квартиру.

– А мне нечего вспоминать. Я знаю – в куртке и брюках.

– Цвет?

– Цвет? Ну, это моя единственная выходная одежда для вечера – куртка фиолетово-

черная, брюки тоже темные под бархат, но они легкие.

– Спасибо, Мона. Точно такие же у моей Моны. Она в этом ходит только на работу.

Мона-Лиза пожала плечами:

– У меня другого пока нет.

Майкл обнял ее за плечи и поцеловал в щеку. Джон ухмыльнулся и сказал с издевкой:

– Ничего, потерпи. Я думаю, Майкл несколько расширит ассортимент твоего гардероба.

Ладно, господа, – вернулся он к основному разговору, – что нас интересует еще?

Например, зачем Клоду понадобилось снимать для самоубийства квартиру на манер уик-энд?

– Этого никто не знает, – сказал Майкл.

– Мне об этом говорил Клод, – сказала Мона, – он объяснил мне, что им с Тройдом для работы нужна отдельная квартира, в которую Тройд ночью будет проникать для

конспирации под видом любовницы Клода, переодевшись в женщину. Он имел в виду меня.

– Черт! – выругался Джон. – Так значит, управляющий не все мне сказал. Не может быть, чтобы он не заметил с ним женщину в последнюю ночь!

– Неудивительно, – возразил Арчер, – Джеймсу Норрису с его способностями ничего не составляет пройти незамеченным. А переодевание в женщину – неременный атрибут для

такого действия.

– Логично. Кроме того, это была подстраховка, где на не засвеченной площади можно

было без помех заняться убийством.

– А на самом деле, кто же убил Клода? – теперь и Мона вошла во вкус и невольно задала свой вопрос.

80

– Тройд. Или Джеймс Т. Норрис, – с язвинкой вставил Майкл, намекая Джону на их с

Тройдом дружбу.

– У меня пока что нет прямых доказательств против него, – оправдался Джон.

– И не будет, – добавил Арчер.

Джон предусмотрительно промолчал. Теперь он стал привыкать к необычным

высказываниям йога.

– Может быть, – задумчиво промолвил Майкл.

– Кто же тогда этот телефонный осведомитель? Так называемый самозванец-убийца?

Тройд? Ведь это он тебя предупреждал, что уберет свидетельницу, – он осторожно глянул

в сторону Моны-Лизы. – Или его сообщник? Или кто-то еще, не связанный с пропажей

документации? – спросил Джон, скептически улыбаясь.

– Связанный, – сказал Майкл, – но может быть не связан-

ный с убийством.

– Ты меня пытаешься запутать? – строго спросил Джон.

– Тебя, если не запутаешь, ты сам не разберешься. Все телефонные звонки у меня на

кассете. Когда их прослушаешь, может, поймешь. В общих чертах он требует, чтобы я

связался с моим племянником Робертом Корневым в СССР, который имеет прямое

отношение к феномену, изложенному в документации профессора Назарова. Он сказал,

что за ним, за Джеймсом Т. Норрисом стоят официальные лица, для которых полиция

всего лишь небольшая помеха. Что конкретно он хочет от меня, обещал сообщить при

встрече. При этом намекал, что если я не выполню его условий, то потеряю свою работу

навсегда. Так что, мне крышка, Джон, если это его обещание серьезное, я должен буду

сделать то, что он хочет. Естественно, это возможно только в том случае, если мой

племянник не будет возражать. Не возвращаться же мне обратно в Россию? – с наивной

усмешкой заметил Майкл.

Джон молча смотрел в пустую тарелку. Мона протянула руку, чтобы добавить еще еды,

но Джон остановил ее, показал ребром ладони у горла.

– Сделаем так, Майкл. Ты свою подружку спрячь в потайном кабинете. Прикажи не высовываться. А я завтра прижму Тройда. Настало время. Выкачаю из него все, что смогу.

Поможет Пол Бассетт, он обещал. У него остались видеозаписи. Тройд, наверное, планировал Клода на должность похитителя документации из сейфа хранилища, но Клода сразу же убили, скажем, моя Мона, подсыпав в бокал с выпивкой цианистый калий, как рассчитывал Тройд, а ценные бумаги забрал с помощью той же Моны. Однако, отказ

Назарова от первоначальных претензий в присутствии лиц следственных органов, – Джон вытащил из бокового кармана целлофановый пакет, а в ней – записку профессора

Назарова, – поставил его в тупик. И единственное, что его может утешить, это ценные бумаги, которые теперь у него в руках. Сейчас ему нужен следующий шаг, чтобы погасить

пожар. Вот какой – мы не знаем. И не узнаем, если сам он нам не подскажет. Выходит, что подозреваемого в похищении после заявления Назарова, кроме самого Джеймса Т.

Норриса, не существует. Каково? Остается только убийство Клода, оторванного от общего

сценария.

– Или самоубийство, – добавил Майкл.

– Или самоубийство, – подтвердил Джон, – однако, мне и моей Моне от этого не легче.

У меня теперь в голове только одно: вырвать Мону из лап Билли Гроунда.

– Что ж, поживем, посмотрим, – сказал Майкл. – А сейчас мы с Моной ушли в нашу

келью. Вы располагайтесь, как вам угодно. И правдивых вам сновидений, ребята.

Джон с подозрением глянул на друга, вспомнив приключения на пути к дому Майкла.

Тебя о, Господь, держащего

Божественный Скипетр

самого Шестого Дхйани Будду*,

я, твой сын, молю, удостой меня

81

полным осуществлением

на Пути Перенесения Сознания.

Пусть я достигну

Неизменного Состояния

изначального Дхарма-Кайа*.

"Достойный из достойнейших, мой ученик, чтобы стать Гуру в

апостологической преемственности своего Гуру, посвящая тебя в

божественную тайную науку Тибетских и Индийских святых – Тронг-

Джуг, которой дозволено пользоваться только после смерти своего

Гуру. Ибо велико искушение искусством избранных Святых может

стать злоупотреблением беспринципных верующих".

ПРИНЦ Властелина и сын первого министра, близкие друзья и адепты в тайной науке

Перенесения Сознания, хорошо знали эту древнюю традицию. Но однажды, прогуливаясь

в саду, обнаружили гнездо с только что вылупившимися птенцами и убитую ястребом их

мать.

Друзья были глубоко ранимы этой картиной, и тогда из сострадания к птенцам принц

предложил сыну министра применить эту тайную магию Тронг Джуг:

– Посторожи мое тело, пока меня там не будет, чтобы в него никто не вселился. Я войду

в тело птицы матери, одушевлею его и заставлю полететь и накормить птенцов.

Сын министра, близкий друг принца Властелина, с охотой согласился. Но, охраняя

безжизненное тело принца, будучи влюбленным в жену

своего друга, впал в искушение.

Владея искусством избранных, как и принц, он оставил свое тело и переселился в тело

принца. Принцу ничего не оставалось, как занять развоплощенное тело своего друга.

Конец этой йогической истории Тройд помнил хорошо, но всегда в уме, вспоминая притчу,

с усмешкой придумывал различные варианты концовок.

Еще до отъезда Джона из Фан-клуба Джеймсу Т. Норрису сообщили его агенты, что

один из его телохранителей убит, другой арестован. Эти дебилные существа, кандидаты в

мир животных в последующих своих жизнях, его телохранители, не сумели отличить

истинное от его тени. А теперь инспектор полиции, он же Джон Конрад, вместе со

свидетельницей следует по пути к надежному месту, где откроется его, Джеймса Т.

Норриса лицо. Свидетельница несколько обнажит его планы, что в учении Истины

считается растратой заслуг и засорением собственной кармы. Джеймс это твердо знал, но

ради цели, которая должна убережет непросветленных людей Земли от ужасных мучений,

ради этого он готов жертвовать своей сущностью, что само по себе является заслугой для

него в будущем.

В этом он ни на мгновение не сомневался. Теперь пришла пора удержать достигнутое.

Он приблизился к двери комнаты для медитации, взялся за ручку, остановился, подумал

и пошел в соседнюю комнату экспериментов пси-явлений.

За столом в неподвижной позе

сидел молодой мужчина. Он держал свои руки навесу над

полированной поверхностью,

кости их были раскрыты, пальцы охватывали простран-

ство в десять дюймов, в центре

которого парила коробочка из-под сигарет.

– Виктор, извини. Ты убрал свои предметы из комнаты медитации? Я ее займу на час.

Коробочка, висящая в пространстве, упала, словно что-то невидимое, державшее ее,

оборвалось, человек недовольно скривил лицо и сдержанно ответил:

– Да, сэр. Я все убрал, как вы приказали. Фотография готова и установлена на щите.

Можете работать.

Джеймс извинился еще раз и вышел.

82

В комнате для медитации он осмотрел обстановку, постелил на возвышении коврик, от

него в семи футах поставил щит с фотографией Джона

Конрада в реальную величину.

Джеймс щелкнул выключателем, освещение погасло, осталось мерцающее фиолетово-красное свечение от проекционного источника.

Разместившись на коврике в позе «лотос», Джеймс проверил, не отвлекает ли избыток света. Теперь можно начинать. Вначале убедился в чистоте поступающего от

кондиционера воздуха. Затем нажал кнопку программы. Через минуту отдаленно полилась

астральная мелодия. На экране выше фотографии возникло неяркое изображение Будды.

Джеймс сосредоточился на нем, как «О, всегда пребывающем перед ним», и произнес:

– «Мое сознание, являешься ли ты вещью, которая есть, или ты вещь, которой нет, как составленной из материи? Если ты материальна, то из какой субстанции, какой формы и цвета ты? Если ты – способность познания, не эфемерна ли ты, подобна мысли?»

Джеймс повторил эту мантру три раза и не увидел свое сознание, как нечто

субстанциионное. Значит, с позиции высшего разума, оно нечто, что нельзя назвать ничем,

как не являющейся составной из материи. Он еще раз убедился в этом и теперь с полной

уверенностью может воспользоваться методом Срединного Пути потому, что сознание не располагает ни в одном из двух крайних положений, предусматривающих крайности –

«это есть» и «это не есть». И поэтому он продолжил: «Благодаря состоянию сознания в покое, все внешние феномены и собственное сознание ясно осознаются и превращаются в

Единение. Преврати* же, о Покровитель, Три Области* в Сущность Одной Великой Страсти!»

После этого видение постепенно исчезло и в темноте, в отсвете фиолетово-красного

излучения Джеймс начал пресечение мыслей в самом корне их возникновения. В процессе

углубления медитации он не подпадал под их влияние. Они возникали все реже и, наконец,

совсем исчезли, сознание обрело спокойствие и однопавленность. Наконец, наступило

Среднее Состояние Покоя и начал выпадать «осадок». В нем он увидел неподвижные

образы, сменяющие друг друга, на мгновение появилось движение отрывочных картин.

Теперь он входил в Тронг-Джуге, следующим Путем Тьмы, в тело сидящего рядом с Джоном.

Они ехали вдвоем до заброшенного дома, и общались короткими мыслеформами.

Закончив, Джеймс сомкнул ладони и, глядя на освещающийся образ Будды, повторил

три раза завершающую молитву:

– «Передо мною, и позади меня, и в десяти направлениях, куда бы я ни глядел, я вижу

лишь самость. Сегодня, о Покровитель, иллюзия была развеяна. С этого времени я не буду спрашивать Тебя ни о чем!»

*

Разбуженный молитвой Тройда, Питер осознал себя. Медитация, в которой он провел

несколько часов с перерывами, произвела свое действие.

Ощущение после спокойного сна

благоприятно охватило мозг и все тело. Отрезвленным сознанием он прочитал молитву о

сне:

– «Все, что увидел во время сна, не есть чем-то отделенным от сознания – вы есть не

что иное, как содержание сновидений из Сна Помрачающего Неведения, иллюзорное

бытие».

Питер вышел из своего номера и бодрым шагом поднялся на этаж к боссу.

Мона

С утра на столе Билли Гроунда лежал отчет Джона, и он его прочитал уже дважды,
нервно перекатывал не зажженную сигару у себя во рту,
обдумывал самый щепетильный

83

вопрос – как теперь поступить с Моной? Видно, он погорячился. Всей своей шкурой он

все больше чувствовал надвигающуюся грозу Справедливого Джона Конрада, своего друга

и незаменимого полицейского. Но какой бы Джон ни был друг, а он, шеф полиции, пока

что отвечает за все дела в округе Дейд и не желает портить себе не только репутацию, но и

как следствие – карьеру. Испортить – это, значит, лишиться жизненных благ до конца

своих дней. В то же время моральный натиск ситуаций требовал (пока еще не поздно и

Разъяренный Джон только на подходе к кабинету) немедленного освобождения Моны.

Но Мона, как он заметил, ничуть не сердилась на него, когда он приходил к ней в

«комнату отдыха», которую отвел под ее арест. Он говорил ей ласковые слова и

полицейские анекдоты, она отвечала «да успокойтесь вы, шеф», и надеялся, что она

действительно не сердится на него, ведь закон требует

этих мер, и от этого никуда не денешься. Выпустить ни с чем он ее не мог. Обычного письменного объяснения или поручительства было недостаточно, тем более что для подозреваемых в убийстве или в соучастии нужны безупречные доказательства, опровергающие криминальную связь с потерпевшим. Но Мона наотрез отвергала свою причастность не только к факту убийства, но даже и к любовным связям с Клодом. А это уже прямые основания для задержания по подозрению.

Его мысли были прерваны звуком раскрываемой двери. Без стука к нему в кабинет входил только один человек. Внутри у Билли чуть-чуть что-то оборвалось. В этот момент он подумал о том, что это «что-то», наверное, знает свой грех.

Перед ним стоял Джон. Он молчал. На него это было не похоже – молча созерцать реакцию своего начальника! Потом Джон сел в кресло и полез в карман за сигарой. Билли поспешно схватил со стола и подсунул ему коробку. Джон взял сигару, кивнул, сосредоточился на сигарете.

– Я прочитал твой отчет, – первый начал Гроунд, – знаю,

что ты скажешь. Но считаю,

это предварительно проделанная работа. И все нормально. Все же отпустить ее, Джон-

дружище, я не могу. Ты войди в мое положение...

– И не нужно, – перебил его Джон.

Билли осекся, недоуменно посмотрел на Джона.

– Что «не нужно»? Отпускать?

– Не нужно. Иначе все оборвется.

– Что оборвется?

– Мы многого не знаем. Нужно потерпеть. Приблизительно через полчаса мои люди

приедут с Джеймсом Норрисом, Вице-президентом Международной Ассоциации

Биоэнергетики сюда для объяснений и дачи показаний, – сказал Джон.

– Ты что, с ума спятил?! Такого человека попусту тревожить!

– Не попусту, – спокойно ответил Джон.

– Тогда объясни.

– Мое объяснение у тебя на столе. Все остальное услышишь на допросе.

– С адвокатом?

– Нет.

– Почему? – в недоумении рассматривал его Билли.

– Он счел это за неуважение к его способностям.

– Прекрати, Джон! Немедленно отмени, – Билли нервно

придвинул к Джону

радиотелефон, лежащий на столе.

Джон свирепо встал во весь свой двухметровый рост.

– Ладно, ладно, только ты не нервничай, – примирительно заговорил Билли, – я же хочу

как лучше для нас обоих, Джон!

– А я не нервничаю, – проговорил Джон, закипая. – Но я... я, Билли, если бы не

ситуация, которая помогла, убил бы тебя. Не посмотрел бы, что ты мне друг. Убил бы за

Мону, за эту святую женщину. Свинья ты! – у него на глазах появилась едва заметная

84

влага. – А теперь, как мне смотреть ей в глаза? Как, скажи.

Билли?! Сукин ты сын, – он

стал ходить, успокаиваясь, по кабинету.

Билли поднялся, подошел ближе к Джону, чтобы его успокоить, не решаясь дотронуться

до него, искренне признаться в каком идиотском положении он оказался.

Документация в папке оказалась неполной, то есть, если разобраться, ее там просто не

было. Остались титульный лист, аннотация и предисловие автора. Все остальное

отсутствовало или просто было изъято еще до обнаружения папки.

– Джон, я говорил о тебе Моне. Все взял на себя. Она тебя любит и скучает. Ты бы

зашел к ней, дружище. Зайди, она тебя не выгонит. И потом, когда все будет готово, – он

показал на дверь, имея в виду допрос Джеймса Норриса, – позови меня сразу же, чтобы я ничего не пропустил. Хорошо?

Джон одобрительно кивнул, торопливо вышел. Через минуту он шел по коридору отдела расследований.

Подойдя к двери, он поздоровался с полицейским, приставленным к «комнате отдыха»,

взялся за ручку, замер на секунду, наконец, распахнул дверь.

Мона смотрела в окно, сжимая в замке пальцы у подбородка. Это многое значило для

Джона – такое ее состояние. Она так всегда сводила руки, когда, едва сдерживаясь, чтобы

не расплакаться, с любовью смотрела на него и слабым неуверенным голосом произносила

слова, постоянно теперь звучащие у него в голове: «Джон, ты меня слышишь? Джон! Я

больше так не могу. Я не могу быть твоей любовницей и не могу покинуть тебя. Что же ты

мне оставляешь, милый? Душевное одиночество или неформальное сожительство? Что из

этих двух положений?» Джон шутил, целовал ее влажное лицо, долго ласкал, отвлекая

Мону на другие темы и, когда это не помогало, принимался убеждать, что со временем она

об этом пожалеет, а он не вынесет, застрелится: ему пятьдесят, ей – двадцать пять. Но она

не хотела слушать никакие его трезвые и логические доводы, ее эти знакомые слова

раздражали, она снова расстраивалась, и тогда Джон вынужден был признать бессилие

своего искусства по уходу за женщинами. В результате Мона жалела его, говорила,

что он не прав, что он любому молодому даст фору на много миль вперед, а заканчивалось

все, как и всегда – ничем.

Джон стоял у открытой двери и смотрел на безумно дорогой силуэт до мелочей. И она

почувствовала его взгляд, и он это понял. Медленно поворачиваясь, Мона уже улыбалась,

на глаза наплывали слезы. Вообще, она такая плаксивая! Когда речь шла о любви... Даже

по телевизору, глядя на что-то сентиментальное, еле сдерживалась. И сейчас Мона не

выдержала, бросилась ему на шею. И он сгреб ее в охапку. – Я хотела на тебя обидеться, – шептала она ему на ухо

она, – но не смогла. Ты

проходимец. Не смогла. Мне казалось, что наше прошлое теперь никогда не вернется,

Джон. Ты представляешь, дорогой, какая я дура! Такое подумать! Правда, я дура?

Джон легонько отстранил ее от себя и сказал с грустью:

– Милая, ты права. Прошлое теперь никогда не вернется.

Мона вдруг опомнилась, отпустила Джона. Помолчав, сказала растерянно:

– Я так и знала, что это произойдет.

– Ну да, это и должно было произойти, Мона. Разве непонятно?

Мона посмотрела в сторону окна пустыми глазами и проговорила отрешенно:

– Но я все равно тебя люблю, Джон. И всегда буду любить...

Джон развел руками и сказал с сожалением:

– В том-то и проблема, что и я тебя люблю. Так что ты уж извини, но придется нам это узаконить, дорогая.

Мона молча соображала. А Джон сдержанно ухмылялся и ждал. Тогда она сжала свои

маленькие кулачки, подняла их над головой и закричала:

– Джон! Свинья ты такая! Ты опять со своими шуточками!

– Какие могут быть шуточки? Хорошие шуточки! Завтра же завершим это грязное дело.

Завтра же!

Мона завизжала, как девочка, и снова повисла у него на шее. Эти его несерьезные игры в серьезных делах она тайно любила и легко поддавалась им, наивно веря в их реальность.

На этот раз она знала – реальность была настоящей!

На шум к ним спешили по коридору работники отдела. Сообразив, что будет, застигнут на горячем, Джон освободился от объятий Моны и, покаяваясь на нее прибежавшим коллегам, с возмущением жаловался:

– Ну, представляете, господа! Не хочет выходить за меня.

Какая наглость, господа! Это за меня, за такого парня!

Иллюзия явления

Когда Джеймс Норрис в сопровождении двух полицейских входил в комнату опроса полицейского управления, Майкл в редакции дописывал на машинке последние строчки своего романа «Уникальное убийство». Что-то заставило его обернуться к входной двери, и он увидел направляющегося к нему высокого худощавого светловолосого мужчину.

Первое, что пришло в голову, это – к нему в гости в редакцию пожаловал сам Джеймс Т.

Норрис – осведомитель, самозванец, убийца.

В это же самое время Джеймсу-Тройду предложили сесть в удобное кресло перед столом, на котором, кроме напитков, минеральной воды и бокала, лежало несколько чистых стандартных листков бумаги и ручка. Вошли Джон Конрад и шеф полиции, Билли

Гроунд. Гроунд сел в стороне у двери, Джон – напротив Тройда за стол.

Светловолосый человек подошел к Майклу, вежливо поклонился, сложив ладони, произнес:

– Мистер Майкл, к вашим услугам тот, кто вам звонил по телефону и обещал с вами встретиться.

Майкл приподнялся, протянул руку, пожал ее крепкий захват, жестом показал гостю на стул рядом. Человек сел и положил на стол перед Майклом визитку. На ней крупным

полиграфическим шрифтом значилось: «Джеймс Т. Норрис, Вице-президент

Международной Ассоциации Биоэнергетики». Ниже указан адрес и телефон фирмы.

Майкл оторвал взгляд от визитки и вопросительно посмотрел на пришельца.

– Мы с вами договаривались, мистер Майкл, что вы во время обеспечите меня вашим

сюжетом. Иначе я использую свой, не так ли? – сказал гость.

Майкл утвердительно кивнул.

– Тогда, – гость протянул руку с раскрытой ладонью.

Майкл взял со стола лежащую рядом стопку машинописного текста, вынул из машинки последнюю страницу и отдал светловолосому.

– Пожалуйста. Извините только, что даю второй экземпляр. Первый мне нужен для верстки.

– Ради бога! Все правильно! – любезно воскликнул пришелец.

– Давайте договоримся, мистер Джеймс, о порядке нашей работы, – предложил Билли

Гроунд. – Сначала мы вам зададим несколько вопросов, а затем вы, если сочтете нужным, дополните логической связью ваши объяснения.

– Не возражаю, – с охотой ответил Тройд, – пожалуй, это сэкономит нам немного времени.

– Очень хорошо, – согласился Джон, – начнем с Фан-клуба. О чем вы договорились с

Клодом возле игрового столика, упоминая его способности?

– Я ему предлагал бросить рулетку и полностью отдать себя науке у нас в Ассоциации.

Заняться практикой телекинеза. Обещал ему хороший заработок.

86

– Пожалуйста, – легко ответил Майкл, отдавая рукопись, – но только с условием. Вы

мне в двух словах сейчас сделаете поправку в моем сюжете, иначе это будет

неравноправно по отношению друг к другу.

– Безусловно. Отчасти и для этого я к вам пришел. Начнем с Фан-клуба. Клода я

встретил совершенно случайно. Мне нетрудно было заметить его жульничество и

гениальную способность останавливать диск рулетки в выгодном месте. Я понял, что это у

Клода природный дар и подумал, неплохо бы использовать его в нашей научной работе.

Понятно, что с рулеткой у него получалось спонтанно. Точнее, он не профессионал, а

скорей посредственный невежественный ремесленник, как и все в нашем иллюзорном

мире. Поэтому, испытывая необходимость самым безопасным путем получить инициации

и практическое пособие по развитию у человека сверхспособностей, я решил попробовать

Клода на практике с отбрасыванием дверной цепочки. Это было необходимо, чтобы

создать иллюзию не только самоубийства свидетеля-Клода на почве любовно-сексуальных отношений с подругой Джона Конрада, но и в случае провала, использовать Мону, как подозреваемую в убийстве Клода.

– Но вы не знали о существовании любовницы Клода.

– Совершенно верно. И в этом не моя вина. В сюжете ее не было. Был Арчер, точнее, я сам допустил ошибку, отпустив Клоду свободный выбор женщин, и посоветовал ему

использовать свою соседку Мону. Но он меня не послушал и молча воспользовался услугами своей любовницы.

– Свидетельница Мона говорила несколько иные вещи по этому поводу, – возразил Джон.

Тройд развел руками и с усмешкой спокойно заметил:

– Только голос вашего свидетеля в этой комнате что-то плохо слышен. Не так ли, мистер Конрад?

– Может быть. Тогда какое задание вы дали Клоду с участием Моны? Нам понятно, что

вы хотели избавиться от свидетельницы, – Джон старался, как можно мягче задавать

вопросы, понимая щекотливость положения полиции по отношению к такой личности, как

Вице-президент Международной Ассоциации.

– Мои телохранители в свободное время занимаются своими проблемами.

– Для этого вы, кроме подставной Моны в виде вещественных лжедоказательств

пустили в ход папку, где была документация господина Владимира Назарова? – дополнил

Джон.

– И не только, Майкл. Эти бумаги... Я потом расскажу, зачем они мне. И не только мне,

они нужны вам, Джону, президенту Америки, всему человечеству. Об этом я уже говорил

Джону, когда мы с ним мило посидели в Фан-клубе. Из сейфа хранилища действительно

было похищено только «Практическое пособие». Ведь для ознакомления с теорией учения

Владимир Назаров давал лишь научные выкладки, а «Практическое пособие» держал в

секрете. Теперь я его владелец. Кстати, сегодня он выступит с докладом о своем открытии

у нас на кафедре и по телевидению. И увидите, о пропаже он не скажет ни слова.

– Но почему господин Назаров отказался возбудить дело о хищении?

– Видите ли, мистер Майкл, в том случае, если хищение столь важного документа

получит огласку, его страна ему эту оплошность не простит. Коммунисты, не задумываясь

над ценностью феномена, объявят его сумасшедшим или в лучшем случае запрячут

навечно в тайгу. Правда, есть у них и более дешевые варианты. Словом, уничтожили бы,

как элемент, предавший свою Советскую родину. Такова политика и идеология

коммунистического общества. Кому, как не вам, Майкл, это лучше знать.

– Хорошо, – нетерпеливо прервал Майкл, – что же дальше?

– Вы правы. Я увлекся. Я хотел сказать, что пусть Джон не тешится тем, что в папке не

оказалось самого главного – методики обучения. Это никак не снимает подозрения с его

Моны в убийстве Клода. Просто Мона хитро перепрятала текст. Вот и все. Значит, так и

решим для заинтересованных лиц. Согласен?

87

– Придется, – сдержанно ответил Майкл.

– Тем более что отпечатки пальцев есть на папке. Выход виден только в двух случаях –

либо меня обвинят в убийстве, которого я не совершал, либо...

– А как же ваше заявление по телефону? – перебил его

Майкл.

– Это был способ для знакомства с вами. Так вот, либо меня обвинят в убийстве, что

окажется опрометчивым актом законопослушных властей против гуманности. Либо в

жертву счастливого будущего людей Земли нужно принести одну из Мон, чем я сейчас и

занимаюсь. Хотя есть еще один выход. Он в кармане у Джона и на совести у шефа

полиции. Но об этом не сейчас. Чтобы спасти положение, я использовал своих людей и

технику.

– Несколькими часами позже, – допытывался Джон, – в рабочее время, как вы заметили,

ваши люди с помощью радиомикрофона пытались выяснить личность свидетеля.

Подробности мы установили от Арчера.

– Вы хотите сказать, – уточнил Тройд, – что Арчер вам сообщил нечто, проясняющее

мое отношение к свидетельнице?

– Пока нет, но это не представляет сложности, – осторожно отметил Билли Гроунд.

– Он вам не скажет, – заверил Джеймс.

– Почему? – быстро спросил Джон.

– Потому, что не помнит, – лукаво улыбнулся Тройд.

– Ладно, – успокоился Джон, – тогда может вы объясните

нам наличие отпечатков

ваших пальцев на предметах в доме Клода? И такие же отпечатки на одной вещице, –

Джон взял со стола листок бумаги и потер его пальцами, – на месте убийства Клода, на

столе рядом с разбитым бокалом, в котором нашли следы цианистого калия?

Тройд нахмурился и грубо ответил:

– Отпечатки Моны? Может быть. А что касается Клода, то он выпил яд сознательно, как

сообщала пресса. И очень просто: первые отпечатки из названных не свидетельствуют о

том, что я убил Клода. А только о том, что я бывал у него дома. И не раз. Вторые – их вам

еще нужно предъявить в доказательство обвинения. Но у вас их пока что нет, не так ли,

мистер Конрад?

Джон промолчал и подумал: «А что, если они там и на самом деле окажутся?»

– А если они там не окажутся, – Тройд словно прочитал мысли Джона, – то у вас будет

прекрасная возможность закрыть это дело во имя человечества и удовлетворить желания

всех сторон, включая и вашу прекрасную даму.

В комнате опроса воцарилось молчание.

Все были заняты своими мыслями.

Майкл тоже думал.

Светловолосый деликатно не торопил с предложением.

– Видите ли, – наконец, начал Майкл, – для моего сюжета совсем не понятна ситуация в

квартире Моны после того, как Клод с помощью телекинеза снял цепочку.

– Это совсем просто. Пожалуйста. Когда человек отмычкой открыл дверь, первое, что

он должен был сделать, это усыпить Мону. Спящего человека погрузить в бессознательное

состояние проще не бывает. Вот так приблизительно я бы строил свой сюжет на вашем месте.

– Мне хотелось подтверждения своих мыслей, – оправдываясь, заметил Майкл.

Билли Гроунд прервал паузу и нервно спросил:

– Что вы имеете в виду, мистер Джеймс Норрис? – и не без удивления добавил, – какие отпечатки окажутся и где?

Тройд притворно ухмыльнулся:

– А это вы спросите у Джона Конрада, сэр. Он наверняка что-то имеет в виду.

Джон жестом руки остановил Гроунда и заключил:

88

– Что ж, мистер Джеймс Т. Норрис, пока на некоторые вопросы следствию вы ответили.

С появлением новых мы вам сообщим. Пару минут вам придется подождать, пока

машинистка напечатает ваши показания, и вы их подпишете.

– Джон, – сказал Гроунд, – я требую, чтобы вы сюда немедленно привезли свидетельницу.

– Есть, шеф, – подчеркнуто ответил Джон, – сейчас привезу.

– Мне кажется, мистеру Конраду не стоит торопиться и зря тратить время, – заметил

Тройд. – Из всего сказанного следует, что полезных объектов для свидетельств остается только один – одна Мона, а не две.

Джон дернулся, он понял, что Тройд имел в виду. Тяжелой поступью он приблизился к

Тройду. Двое полицейских сделали попытку остановить его, предупреждая коснувшись его плеча. Он спокойно отстранил их рукой, наклонился к Тройду и негромко, словно по секрету, сообщил:

– Я убью любого, не раздумывая, кто дотронется до Моны-Лизы.

– Джон, успокойся, – предупредил Билли, – вези ее сюда, здесь разберемся.

Джон не отреагировал, взял телефон, набрал номер Майк-

ла.

– Майкл? У меня проблемы, Майкл. Мне срочно нужны твои ключи от квартиры, а

лучше ты сам... Что? Какой еще Джеймс Норрис? Ты, наверное, спятил, дружище! Джеймс

Норрис в настоящий момент мирно сидит передо мной за столом. С кем ты его попутал? Я

к тебе еду, жди!

– Я думаю, он не попутал, – с усмешкой заметил Тройд, – я же тебе говорил, Джон, что

у меня два лица, а не одно, как у тебя, – но, изменив интонацию, слабым голосом добавил,

– поспешите, мистер Конрад. Только будьте осторожны, сэр. Не стреляйте в голограмму

своего воображения!

– Не волнуйтесь, Джеймс-Тройд! Имея в виду вас, я этого не стану делать, – на ходу

ответил Джон, выбегая из комнаты.

– Что, какие-нибудь проблемы? – спросил светловолосый. Майкл в это время внимательно рассматривал пришельца.

– А! Догадываюсь, – вскинул он руку, – вам, наверное, сообщили, Майкл, что я

самозванец. Что ж, – он полез во внутренний карман, на секунду замер, словно сомневался

в своих намерениях, но все же извлек, открыл и поднес к глазам Майкла удостоверение.

На нем все было по форме: цветная фотокарточка, напечатаны имя и должность, адрес и телефон. Стоял вполне законный номер и весьма авторитетная печать.

Майкл осматривал со всех сторон документ, боясь, что-либо пропустить, и не верил своим глазам – все было на месте. Светловолосый посоветовал:

– Не торопитесь, Майкл. Хорошенько проверьте, чтобы не было сомнений. Не

стесняйтесь, в этом нет ничего плохого. Но я вам должен сказать, что личность в нашем с

вами деле совершенно не имеет значения, согласитесь. Что она изменит в нашей

безнравственной жизни, эта личность? Если сам о себе не побеспокоишься – ничего.

– Возможно, – бессмысленно проговорил Майкл.

– Ну, что же, мне пора. Благодарю за рукопись. Жаль, что вторую часть нашего

разговора мы не обсудили. Но ничего, я вам позвоню, о`кей?

– Может быть, – ответил Майкл без особого энтузиазма.

Ведьма

Двое некоторое время наблюдали за домом. Потом один из них – тот, что выше ростом,

темнокожий, в шортах и ветровке, с пристегнутым ре-

вольвером под полой, поднялся на

второй этаж. Напарник еще некоторое время должен проследить за обстановкой на улице,

потом подняться следом. К этому времени, как было сказано их покровителем, Черным

89

Магом, которого они называли боссом, творящим ужасные картины, наводящие тихое

оцепенение на своих боевиков, из квартиры должны были выйти трое мужчин. И они

действительно вышли. Еще полчаса назад. Теперь тому, что в шортах, было приказано

войти в квартиру, а его напарнику остаться на площадке для охраны. Задача состояла в

том, чтобы женщину из этой маленькой квартиры любым способом вывезти в условленное

место или, в крайнем случае – умертвить. Цена вполне устраивала обоих боевиков, после

чего им было предписано убраться из Miami и больше никогда не попадаться на глаза

боссу, иначе... Ну, они понимали, что значит это «иначе». Короче, им светила участь этой

женщины.

Замок поддался сразу. Ничего сложного. Видно, хозяин ничуть не дорожил своим

барахлом, если, конечно оно у него было. Но, войдя в ком-

нату и втянув аромат жареного,

идущего из кухни, боевик выяснил, что ничего ценного в квартире не было. Вокруг царила

какая-то канцелярская обстановка, везде лежали книги, журналы, кипы бумаг на полках.

Из кухни доносился женский голос, он тонко напевал знакомую мелодию.

Темнокожий, закрыл за собой на внутренний замок входную дверь, подошел к бару,

открыл его. Стояли на полочках две бутылки коньяка и бокалы. Он обернулся, вспомнив,

что с первого взгляда взору запомнился еще один шкаф – стеклянный, тонкий и высокий.

Но в нем была одна экзотика, всякие штучки, финтифлюшки. Он открыл холодильник под

баром, достал нарезанный на блюде big mac, из бара – бутылку коньяка и бокал. Все это

поставил на стол. Сел, открыл бутылку, налил в бокал и сказал вслух:

– А тебе не повезло, напарничек. Тут у меня все. И женщина и выпивка. И это все для одного!

Женский голос на кухне притих, и осторожные шаги приблизились к двери в комнату.

На пороге стояла сумасшедше красивая женщина и почти голая! Босс, наверное, заранее

решил сыграть с ними шутку. А может быть это его чары? Что, на эту красотку понадобилось два таких непереборчивых боевика? Тут что-то не так! Все, видно, не просто. Может быть, она ведьма, вот почему ею занялись такие профессионалы, как он и его партнер по бизнесу. Но, присмотревшись к ее лицу, он не увидел ничего сверхъестественного. Обычное, испуганное, человеческое лицо. Такую голыми руками нечего брать. И даже приятней – она тоже голая. Он поманил ее пальцем, показал на стул возле стола.

– Садись, сладкая, выпьем. Иначе я заскучаю тут в одиночестве.

– Давно? – спросила Мона-Лиза, приученная к нахальным мужчинам.

– Чего давно? – не понял он, осторожно кладя на стол револьвер.

– Ну, давно вы здесь? – повторила она, понимая, что нужно оттянуть время на сообразительность.

– А! Да нет. Вот только что. Там у меня помощничек под дверью стоит, тоже голодный.

Так ты уж сообрази нам чего-нибудь там на кухне. Время у нас еще есть. Ладно? Мы поедем, потом поиграем втроем, а потом пойдем, погуля-

ем. Согласна?

– Ладно, – сказала она машинально, лихорадочно соображая, что еще можно придумать для собственного спасения.

Она направилась на кухню. Темнокожий последовал за ней, рассматривая ее со спины.

Она была в лифчике и плавках. Он погладил ее талию, опустился ниже и обнял.

– Ну, хорошо, может, сперва дашь мне приготовить, а потом уж...

– Верно, верно, – торопливо проговорил он, выставляя раскрытые ладони напоказ, – у

тебя зажигалка есть? – и достал сигарету, – как тебя звать для начала?

– Мона, – она показала на шкафчик, где на полке лежала зажигалка.

Он закурил, посмотрел на шипящую сковородку, на окно, пробежал глазами по полкам,

вышел в ванную комнату, в туалет. Осмотрев все вокруг, он недовольно заметил:

– У тебя тут, как в Бункере Фюрера. Даже окно не открывается. Только попросторней

будет и со всеми удобствами. Балкона нет... Но красиво. Твой, наверное, журналист?

Угадал? Нет? Понял. Тогда кто тебе босс?

– Начальник.

– Начальник?! Значит, я правильно определил. Ну, он скотина!

– Не угадал, а знал, – поправила она, стараясь держаться непринужденно.

– Мона! Обижаешь. Что же я, по-твоему, совсем тупой?

– Не совсем. Но босс вам рассказывал обо мне немного. Верно?

Темнокожий неожиданно замер и серьезно посмотрел на Мону. Все-таки, его чутье

никогда не подводило. На этот раз тоже. Так и есть, она из тех, кто и сам босс. Очевидно,

что-то не поделили. А теперь, он решил свести с ней счеты. Значит – ведьма.

– Так ты ведьма? Ну, скажи, я не испугаюсь, девочка.

– А зачем тебе это? – спросила Мона, входя во вкус общения с бандитом.

– Так и знал, – с досадой проговорил он, сел снова за стол и налил себе коньяку, – нет,

лучше я выпью. Иначе скоро будет не скучно. А где там мой напарник? Еще не скис? –

найдя легкую причину, он встал и пошел к двери. Ему вдруг стало не по себе. Посмотрел в

глазок, приоткрыл дверь, негромко спросил:

– Ты как там? А тут бар с голыми бабами. Сейчас я тебя сменю.

Он вернулся в комнату и тишина, какая встретила, напугала его до смерти. Больше всего он боялся тишины. Если вокруг тишина, то обязательно нужно ждать громких неожиданностей.

Он вынул из-за пояса револьвер и кинулся на кухню, затем в туалет, из туалета бросился в ванную комнату. Растерянный и ослабевший, он снова вернулся в комнату.

В голове что-то перевернулось. У него всегда в голове что-нибудь переворачивается, когда он видит неуправляемые явления. Немного успокоившись, он осмотрел окна, они

были наглухо закрыты, кондиционер работал, в кухне шумел вентилятор. «Ведьма, это ведьма, – пронеслось в голове, – подставил он нас, этот иллюзионист проклятый,

подставил» – и принялся лихорадочно раскрывать в квартире все наличествующие двери и дверцы. Приподнял софу, глянул под крышку стола, но, сообразив, что это глупо, плюнул,

крупно выругался, подумал, что до сих пор он имел дело с нормальными людьми, а тут –

ведьма! От нее можно ожидать всего, что хочешь и даже чего не придумашь. Нет, господа, это не его специфика. С ведьмами пускай зани-

маются колдуны.

Так он рассуждал, машинально пятясь к прихожей, к двери на выход.

Посмотрев в глазок, он открыл дверь. От неожиданности его напарник резко

повернулся и, наставив оружие, оценивающе рассматривал темнокожего. Лицо его ему

показалось искаженным и даже незнакомым.

– Ты что? – визгливым от крайнего возмущения голосом произнес напарник.

– Она не выходила? – очень серьезно спросил темнокожий.

– Кто? – напарник так и не отвел оружия.

Темнокожий это заметил и еще больше возмутился:

– Ты зачем пушку на меня наставил? Ты что, шизофреник? Не видишь, это я!

– Теперь вижу, что это ты. Наклюкался, да? Свинья! Я тут стою, а он с бабами в прятки

играет. Мы через час с ней должны быть у босса. Стой здесь, я сам разберусь с этой бабой,

– он схватил темнокожего за отворот ветровки и поставил его на свое место. Войдя в

комнату, он увидел молодую женщину в одном купальнике, сидящую в кресле перед

телевизором. Женщина, не оборачиваясь, спросила:

– А я думала, что вы ушли, не попрощавшись.

Напарник не ответил, молча прикрыл дверь, подошел к выходу:

– Иди сюда, шизик. Мне не даром про тебя говорили, а я не поверил. Она сидит в

кресле возле телевизора. Забирай ее и пошли. У меня в желудке пусто! – он снова взял

темнокожего за отворот и втолкнул в проем двери. Темнокожий послушно закрыл за собой

дверь и вошел в комнату. Кресло было пустое. Телевизор действительно работал, хотя до

этого он не был включен. Темнокожий медленно подошел к креслу, крепко сжал в руках

револьвер, выставил его вперед и напряженно принялся водить им в пространстве над

спинкой кресла, где предположительно должна была находиться голова человека. Не

91

наткнувшись глушителем ни на что материальное, он растерянно опустил оружие,

положил пистолет на крышку стола, как бесполезную вещь, ощупью сел на стул, обхватил

голову руками и замер, стараясь прийти в себя, как после безумного сна. В ту же минуту

дверь в комнату резко распахнулась, и на пороге возник с виду накачанный огромного

роста боевик с наставленным ему в лицо оружием. Тем-

нокожий равнодушно посмотрел на

пришельца, узнал в нем босса, показал на пустое место в кресле:

– Она здесь, босс. Она здесь, эта ведьма, – он еще что-то хотел сказать, но резкий голос

его прервал:

– Полиция! Руки за голову. И спокойно, без фокусов.

Джон подошел к столу, двумя пальцами взял револьвер темнокожего, отошел на шаг. В

комнату следом за ним вошел Майкл. Джон протянул ему револьвер и целлофановый

пакет:

– Осмотри его, Майкл. Только осторожно. Я психам не доверю. Что-то он мне не

нравится. Слишком артистичен. Талантлив и самоуверен, паразит.

Майкл тщательно прощупал тощее тело темнокожего.

– Да нет, Джон, – Майкл показал на лужицу под ногами темнокожего – он весь твой. Ты

перестарался, Джон. Какая там самоуверенность! Теперь это – дрова. К тому же –

невозгораемые.

Джон поднял боевика за шиворот, надел наручники, повел к выходу. Тот шел покорно,

как слепой с поводырем.

Вскоре прибыла машина, вызванная Джоном, забрала аре-

стованных.

Майкл внимательно рассмотрел все, что было на столе, удивленно молча показал на

бутылку коньяка, два прибора, две тарелки с жареной картошкой и маринованными

огурчиками. Джон, следуя примеру приятеля, тоже оценил обстановку, проглотил слюну,

удовлетворенно заметил:

– Мне нужно только позавидовать. Она тебе жена что надо, Майкл. Смотри, все

горячее. Да ведь она знала или чувствовала, что мы с тобой завалимся. Ну и женщина!

Открывай свою келью, дружище.

Майкл подошел к стеклянной витрине, переставил бошков, закрыл дверцу, витрина

поехала в сторону. На пороге стояла Мона-Лиза. Она улыбалась.

– А я тут ваших клиентов встречала, – с гордостью произнесла она.

– Вижу, дорогая. Спасибо за завтрак. Мы пришли. Давай на стол свою тарелку и еще

один прибор, – сказал Майкл. Он обнял и поцеловал Мону-Лизу.

Времени до отъезда оставалось мало и поэтому, обо всем договорившись, они быстро

позавтракали.

Джон набрал номер оперативной группы.

– Я жду здесь. Что у вас там? Арестованных определили?

Хорошо. Можно ожидать

проблем в пути. Возьмите дополнительно все, что нужно.

У меня очень важный свидетель.

Все, жду.

И не успел он положить в карман телефон, как в дверь неожиданно позвонили. Джон

вынул револьвер. Кинул Майклу женский пистолет, который на всякий случай всегда

держал в боковом кармане. Молча показал глазами на место сбоку двери.

– Кто? – спросил он.

– Убери оружие, Джон. Это я, твой Тройд. Я один. Все в порядке.

– Тебе открыть? – удивленно и глупо переспросил Джон.

– Ну да. Иначе, как же мне с тобой вести переговоры?

Джон показал Майклу знак готовности и осторожно открыл дверь.

В прихожую непринужденно, как к себе домой, вошел Тройд.

– А я тебя не ждал, – заметил Джон.

– Я знаю, – ответил Тройд.

– Но мы уже выпили, – пошутил Джон.

– А что, разве нельзя повторить?

– Ну... – Джон даже растерялся, – почему же? – он показал Моне-Лизе кивком головы в сторону кухни.

Вскоре на столе появились закуска и выпивка.

– Наш традиционный напиток, Джон?

– О, да. И Майкла тоже.

Они сидели за столом, одни мужчины, как в обычной нормальной обстановке. Мона-

Лиза тихо стояла в сторонке, как истинная хозяйка дома, готовая в любую минуту обслужить гостей.

– Можно мне сказать? – Тройд поднял бокал, отхлебнул глоток.

– Скажи, – согласился Джон.

– Я вижу, здесь собрались все. Те, кто нужен, и даже те... – он улыбнулся мягкой улыбкой, приподнял брови, исподлобья посмотрел на Мону-Лизу. – И это прекрасно.

Меньше будет суеты. Теперь мы можем, господа, в достаточно спокойной обстановке

разобраться что к чему. Может, есть возражения? – Тройд перевел свой взгляд с Джона на

Майкла, – тогда прекрасно. Мне кажется, все разгадки уже налицо.

– Кроме одной, – вставил Джон, – вот этой, – он вытащил из кармана посмертное

письмо Клода, упакованное в целлофановый пакет и поднял его над столом.

– Верно, Джон. На котором есть отпечатки.

– Ты уверен, Тройд?

– На все сто. Потому, что сам их сделал.

Минуту заняла неожиданная пауза. Все пили и ели. Понятно, о чем каждый думал.

Майкл, например, считал, что посмертное письмо освобождает всех от создавшегося

затруднительного положения. Джон, наоборот, с тайной усмешкой рассуждал, что

отпечатки пальцев на посмертном письме самого Клода – его собственный приговор.

Мона-Лиза с неприятным предчувствием ставила себя в положение ужасной

неопределенности – то ли ей будет хорошо, то ли плохо.

Молчание нарушил Джон:

– Можно уточнить?

– Безусловно! – великодушно согласился Тройд.

– Кто написал текст на записке?

– Ну, конечно, он. Кто же мог написать? Клод был в таком состоянии... Ну, сами

понимаете, когда им владеет разум другого человека, что он мог сделать не так, как нужно?

– Значит и отпечатки пальцев на записке его? – уточнил

Джон, хотя было и так понятно.

– Ну да. И не только его...

Джон вдруг все понял. Он неожиданно представил себе, как Тройд берет руку спящей

Моны и ставит отпечатки ее пальцев на посмертном письме Клода.

Майкл глянул на притихшего Джона, ожидая объяснений. Но вместо разумной реакции

на лице Джона отобразилась ему очень знакомая, лавинно нарастающая ярость. Он уже

видел, как рука Джона дрогнула, чтобы в одно мгновение выхватить оружие и, не

раздумывая, уничтожить ненавистного врага.

Майкл тронул его за руку:

– Джон, это естественно. Так сделал бы любой, выполняющий эту миссию.

– Ну да, господа. Тем более что я это сделал с нежным прилежанием к женщине. К

женщине, которая мне понравилась сразу же, когда наши взгляды встретились на

приусадебном участке у Клода. Извини, Джон, но в том, что кому-то нравится твоя

любимая женщина, заслуга не только ее, не правда ли? Красивая обаятельная женщина

мужчины – вкус ее мужчины.

– Я понял. Извини. Чуть не потерял голову.

– Нет проблем! Нормальная здоровая реакция. Значит, по моему понятию есть единственный самый разумный выход. Версия – самоубийство, как оно и есть на самом деле.

93

– А что делать с отпечатками Моны? – в растерянности спросил Майкл.

Тройд с иронией взглянул на него, как это он со вкусом умел делать.

– Об этом лучше спросить у Джона – как избавиться от лишних ненужных улик.

Джон ухмыльнулся, глядя куда-то в сторону.

– Ладно, – наконец, решил Джон, – раз мы пришли к взаимному пониманию, расскажи нам, пожалуйста, Тройд. У нас тут нет ни радиожучков, ни потайных записывающих

устройств. Мы не рассчитывали на твое очень скорое появление и откровенное высказывание. Нам с Майклом просто интересно узнать...

– Как я умертвил Клода? – спросил Тройд. – Прежде всего, нужно сказать, что наш

мертвец заслуживал своей участи. Я ему сделал большую услугу, заставил его

добровольно уйти из этого мира иллюзий и страстей, где предназначено людям

зарабатывать заслуги, чтобы в следующей жизни попасть в лучшие миры, а не растрачивать их попусту. Его смерть не есть духовная смерть, какая постигает людей совершающих преступления в массовом масштабе. Я имею в виду правителей государств, в чьих руках судьбы людей. Эти больные, зараженные административным восторгом, заслуживают перерождения в низших мирах. А Клод, сам того не ожидая, с моей помощью принял на себя тяжесть жертвы ради счастливой будущей жизни на Земле. Я, в сущности, помог ему выпить этот божественный напиток искупления. И уверяю вас, он теперь определился в лучшем мире, чем в том, когда если бы он этого не сделал и до конца своей жизни совершил бы не одно злодеяние. Вспомните, чем он обладал! И еще скажу – хорошо, что этой миссией выпало заниматься мне. В этом смысле нам всем повезло.

– Ну, хорошо. Что же дальше? – спросил Майкл.

– Теперь посмотрим, что у нас есть и чем мы располагаем.

Первое – это я, затеявший сценарий с помощью сюжета Майкла для достижения цели. Я добился и получил, что от меня требует мое Учение и мои покровители, с которыми

я безмерно согласен. Уличить

меня в убийстве Клода нет никакой возможности ни у кого. Я его не убивал. В другом

случае, как бы я пострадал? Потерял бы доверие, репутацию, связь или контакты с

величайшими людьми. Не станешь же каждому объяснять, что все содеянное есть жертва

моей сущности на Пути к Освобождению от Неведения людей. Далее, второе – это Мона.

Прекрасная женщина, морально пострадавшая, как и Клод, во благо святой цели, хотя и не по своей воле. Затем, Мона-Лиза...

– Я прошу меня так не называть, – вклинилась Мона-Лиза.

– Прошу прощения. Мона-свидетельница. Майкл в свой сюжет не включил ее, как

действующее лицо. И я на этом попался. Хотя, в другом случае было бы гораздо проще, но

трагичнее. Что же касается Майкла, то у него передо мной и перед миром некоторые

обязательства. Но это у нас с ним отдельный разговор. Теперь, как мы поступим, чтобы

ущерб был минимальным? Подумайте, господа. Как скажете, так и будет.

Тройд умолк.

Сказал Майкл:

– По-моему, Тройд прав, – он посмотрел на Джона.

Джон окинул всех жестким взглядом, молча помял в пальцах сигару, перевел дыхание –

выпустил природное самолюбие – и, наконец, словно решив распрощаться с привычной вещью, сказал сухо:

– Тройд, я согласен. Почему я раньше не отдал эту проклятую записку Клода на экспертизу? Не знаю. Убей меня, не знаю!

– Тогда у тебя были бы проблемы. Считай, тебе крупно повезло, – отметил Тройд.

– Нам крупно повезло, – с иронией добавил Майкл.

Джон согласно качнул головой. На лице медленно нарастала усмешка и, наконец, не

сдержавшись, он сказал:

– Тройд, а ты сообразительный!

– О, да! – с напускной признательностью воскликнул Тройд.

94

Харьков, Роберт

Жизнь на Земле – жестокая субстанция. Она дарит и отнимает. Вчера утром стук колес

поезда в Москву радовал... теперь в таком же поезде в Харьков, их звук отдавался в

утомленном мозгу, вызывал тяжелую тупую боль... Роберт пытался заснуть, но вместо

полной отключки, в которую обычно удавалось проваливаться без проблем, наползали сумбурные фрагменты прожитого дня. Бледные квадраты больничного халата поднимались на методичнодвигающемся отвороте вверх к сухопарой руке Сабурова, жестикулирующей в такт слову, болтались на рукавах. На бледном лице ученого светились глядящие поверх голов присутствующих в зале, глаза с тревожным блеском, торопились, помогали мысли. Но вот они сузились, ушли в глубину орбит. Лицо застыло, медленно сплющилось в плоскую одномерную картинку, упало под ноги зрителей, розовая пеннистая дорожка поползла из-под виска на серый асфальт, опрокинулась с бордюра в решетчатый сток... Роберт инстинктивно отвернулся, видение исчезло. Отбросил себя навстречу красивой женщине, жене Назарова, Нине, ее сексуальной улыбке, необыкновенно складной фигуре, подумал мимолетно, как все-таки повезло коллеге с подругой жизни!

Встретила, будто родного, приобняла под ревнивым взглядом Назарова, потом пошли разговоры за скороспелым столом, вначале для приличия перед женщиной – на семейные

темы, – затем, вскользь о формальном собрании, о Научном Совете в лектории и, как тень обрывочными фразами, словно о запретном, – о Сабурове. Было обидно – боялись открыто высказаться о гении, вспыхнувшем и в одночасье, сгоревшем, не показав себя свету. Не может быть, чтобы так вечно было, как есть. Кто-то или что-то должен же все это изменить, должен сделать свободной мысль, уберечь слово. Запечатлеть священные события, не дать им исчезнуть в темном трусливом сознании. Написать, сберечь память... еще один роман, еще один шаг к истине.

От этой мысли Роберту стало душно, поправил очки, сползшие по переносице. Уже летел в сознании сюжет, рука потянулась и легла на бумагу. Слова торопливой россыпью побежали в беспорядочной строке. Куда-то ушел стук колес. Сабуров не шел из головы.

Довлел над рассудительным сознанием. Чего-то требовал, что и так было ясно. Но видно каких-то мелочей не хватало, и еще... Может быть, не хватало самого процесса, удовлетворенности событиями, нужен был мотив. К тому же, как Сабуров попал на Ученый Совет? Может быть, он и сам не помнил, как там

оказался. Помнил, с чего все

началось. А потом... Конечно же, его звали не Сабуров. Допустим, Демин. У него была семья, ребенок, может быть девочка... но почему девочка? Ладно, ладно, мальчик.

Последователь отца. Ему, Сабурову-Демину, например, научному сотруднику, кандидату

наук надлежало по очереди для всех установленной администрацией, отработать на какой-

нибудь городской стройке во благо коммунистического строительства Страны. Ну,

например, потрудиться на отделочных работах самой нетребовательной в архитектурном

отношении двухэтажной пристройки, допустим, прачечной какого-нибудь уважаемого

учреждения для заключенных. Это ничего, что Демин не строитель, а наукообразный

специалист. Председателя парткома это не смущает. На ходу научится. Дело не сложное,

главное сделать отметку о выполнении ответственного мероприятия. Сейчас вся страна

так живет!

– Вы же мне говорили, товарищ Демин, что сам поменял стекло на своей двери в

кухню. Оно ведь большое, как-никак. И требование повыше, все-таки свое, не чужое –

хочется сделать как можно качественнее. А тут!..

– Да, но у меня тема другая – «Наследственные сверхстан-
новки в обществе». И работа,

как вам известно, очень важная, можно сказать, государ-
ственная...

– Ну! А это, по-вашему, что? Тоже установки. Стеколь-
ные. И тоже в обществе. Да еще в

каком – почти в коммунистическом! Вот увидите!

– Но вдруг прорабу не понравится? У них должен быть
стекольщик.

95

– Дурья голова. Стекольщику нужно платить по высшей
квалификации, а вы на

стандартной зарплате института. Сообразили? Так что да-
вайте, завтра туда к восьми утра.

Отсюда все и началось. Было ласковое июньское утро.
Можно сказать, начало лета. И

не верилось, что придется войти в сырое свежестроен-
ное здание, в подвальную сырость

и приступить к непривычной работе. Помнил, как при-
шел, и прораб, хитрый мужичок

низенького роста, услышав о прибытии стекольщика, не
глядя на него, повел в просторное

помещение на первом этаже с не застекленными окнами.

На полу валялись кучи

штукатурки, обрезки плинтусов и битые кирпичи, возле

ближнего от двери окна лежало

огромное корыто с серой омерзительной цементной жижей... Стояла табуретка и шаткий

серый от налипшего цемента деревянный «козел», стол с набросанными осколками стекла,

два стеклореза и метровая линейка. У стены в деревянной стойке – огромные листы

стекла. Демин отметил себе, что тут о нем уже, наверное, позаботились и грех будет не оценить это своим старанием.

Первые два дня он действительно постарался поработать без большого ущерба для

производства. Странно только, что его не очень квалифицированный, но честный труд

никто не оценил. Хитрый мужичок после посвящения Демина в требуемый объем работы

как в воду канул. Не пришел он и на второй день, и на третий. А на четвертый, вставляя

последнее стекло во фрамугу, Демин замер от неприятного холодного страха. Со стороны

улицы двое мужчин в полосатых пижамах для заключенных и таких же тюбетейках

торопливо навешивали на окно добротные металлические решетки. Присмотревшись,

Демин обнаружил, что поодаль за ними в таких же пижамах перемещались такие же на

вид заключенные. Встряхнув головой, Демин-стекольщик стал фиксировать в своем мозгу каждую деталь увиденной картины. Улица жила обычной своей жизнью – троллейбусы ездили, останавливались на остановках в обе стороны, машины разных моделей проносились с дозволенной скоростью, регулировщик профессионально дирижировал жезлом, пешеходы спешили, прогуливались, скапливались у киосков, словом все было как обычно, кроме людей... Люди показались ему облаченными в одежду одного цвета, одного покроя, как и эти двое заключенных, заколачивающих в стену металлические решетки прямо у него на глазах. Глянув на другие окна, он с ужасом обнаружил, что на них уже были установлены такие же решетки. В сознание ударила мысль, что его, Демина напрочь здесь запечатали, и теперь выбраться отсюда ему не представится никакой возможности.

От волнения он неловко повернулся и во весь рост свалился в корыто с жидкой массой.

Что было потом, он не помнил. Сколько прошло времени – тоже. Выпачканный в застывший цемент Демин обнаружил себя сидящим на стуле в белом медицинском халате.

Окончательно придя в себя, он подошел к двери, двинул ее в обе стороны – дверь была плотно закрыта. Бросился к окнам. За решетками стояло не молодое июньское солнце, а раннее холодное осеннее утро...

Между тем, напротив сел еще один пассажир, поставил термос на столик, голос

негромко извинительно сказал «Не помешаю?» Роберт кивнул, не поднимая головы от

рукописи. Казалось, человек молча созерцал то ли в окне мелькающие телеграфные

столбы и деревья лесополосы, то ли его, Роберта. При мысли об этом стала ломаться

последовательность сюжета. Требовалось отложить, иначе потом не соберешь. Так и

сделал...

Человек оказался сорокалетним мужчиной холеной наружности, в очень импортных

очках, с выточенными чертами лица, при галстук в светлой рубашке, пиджак уже висел

на крюке над головой. В ногах покоился узкий «дипломат».

– Очередной роман?

Роберт, пряча удивление, спросил:

– Мы знакомы?

Мужчина улыбнулся:

– Роберт Корнев?

– Да. А в чем дело? – Роберту не удалось скрыть настороженность.

96

Мужчина заулыбался еще откровенней и протянул руку:

– Леонид Ерёменко. Ваш читатель и почитатель.

– Очень приятно.

– Неординарный случай заставил взяться за новый роман?

– Почему вы это решили? – Роберту стало не по себе, отметив точность формулировки.

Неожиданно ощутил себя нагим.

– Вы хотите сказать, что это не так? – поддерживая глазами добрую улыбку, Леонид
провел пальцем по периметру своего скальпа.

– Так, но почему вы это решили? – все же не принимая шутливового тона нового
знакомо, настоял Роберт.

– Очень просто. Я часто задумывался, читая ваши книги, откуда вами берутся сюжеты...

точнее, что наталкивает вас на новую вещь? Вы знаете, я уверен, что просто так, ради
какой-то идеи, такой, как вы автор, новый сюжет не начнет.

Роберт понял, в чем дело и одарил собеседника ответной улыбкой.

– Это свойственно всем авторам, уважаемый Леонид...

Можно?..

– Безусловно. Я не люблю официальностей.

– Что-то или кто-то наталкивает на уже наболевшую мысль и заставляет взяться за новую работу.

– Не скажите, Роберт... Можно?..

– Безусловно... – Роберт откровенно засмеялся.

Леонид дружески его поддержал:

– Не любите официальности. Но вы себя выдаете не наболевшей темой, а неожиданным

случаем, не так ли? – в голосе собеседника почувствовался оттенок язвительной иронии. –

Именно такой случай... я имею в виду особый случай... вас побуждает к новому сюжету.

Верно?

– Честно говоря...

– Да! Конечно да.

– Но это с другими тоже бывает.

– Но не всех захватывает социально-политическая тема, – с тонкой подковыркой

отметил Ерёменко. – И что удивительно, вам эти темы прощают и печатают советские издательства.

Роберт вздохнул с усмешкой:

– Если б вы знали чего это мне стоит!

– Не знаю, не знаю. Меня бы давно уже посадили.

Они дружно посмеялись над черной шуткой.

– Как вам это удается? Не исключаю элитную партийную крышу заинтересованных органов.

– Да нет. Что я такое из себя представляю? Ничего. Простой инженер-исследователь.

На это собеседник скромно загадочно хихикнул.

– А вы, Леонид, чем занимаетесь, если не секрет?

– Нет, какой же секрет – я агент по реализации оптики одного очень крупного завода...

Кстати, ваши очки, извините, не выдерживают никакой критики. Разрешите? – он

протянул руку к очкам Роберта. Роберт покорно снял очки и без колебаний отдал их в

тонкие пальцы специалиста. Он и сам был не лучшего мнения о конструкции своих очков,

верней, оправы, с трудом выбранной в центральной оптике Харькова. То дужки

расходились, и их нужно было изредка подгибать до тех пор, пока пластмассовая

конструкция не лопалась, и тогда очки приходилось нести в мастерскую ближайшей

оптики, то терялся винтик, и если эта микроскопическая деталь не обнаруживалась где-

нибудь в углу шва кармана или кожаном футляре, дужку приходилось скреплять

проволокой. Эта мышьяная возня ему порядком попортила нервы и заставляла относиться к лицевому предмету своей наружности с недопустимым пренебрежением.

97

– Ой-ой-ой! – покачал головой специалист. – Роберт Иванович, позвольте мне поучаствовать в выборе атрибутов вашей внешности. Можно?

Роберт признательно улыбнулся:

– Ну, если возможно. Я на них, признаться очень зол. И очень давно...

– Великолепно! – воскликнул Леонид. С этими словами он поднял свой небольшой

«дипломатик», положил на столик, осторожно сдвинув бумаги Роберта, открыл крышку и

взору Корнева неожиданно предстал великолепный арсенал аккуратно расставленных в

бархатных ячейках образцов очков самых лучших импортных моделей. В одно мгновение

в руке Леонида откуда-то появился окуляр и, приблизив его к очкам Корнева, специалист

несколько секунд рассматривал стекла.

– Ясно. Минус два. Сейчас найдем... – он повел пальцем по рядам очков, найдя, вынул

из ячейки необыкновенно комфортные очки и протянул

их Роберту, – это они, извольте.

Даже расстояние межцентровое ваше!

Роберт растерялся:

– Это мне?..

– Роберт Иванович, не откажите мне сделать вам мой скромный подарок. Так сказать,

память о нашем знакомстве. Пожалуйста!

– Но это же ценная вещь, Леонид!

– Вот поэтому и хочется запечатлеть в памяти. Не откажите, пожалуйста. Чтобы потом,

когда-нибудь... а я в этом не сомневаюсь... при следующей встрече я с гордостью увидел

бы мой подарок на вашем лице.

Роберт расчувствовался. Надел новые очки. Несколько секунд с полуулыбкой

рассматривал лицо своего неожиданно свалившегося откуда-то благодетеля.

– Спасибо... – качнул головой. – Здорово. Как удобно!

Просто удивительно! Я и не

догадывался, что такое может быть... – потом посмотрел на свои кривые на проволочной

подвязке очки. Покрутил их в пальцах, словно подыскивая, куда бы теперь деть

мучительницу-оправу, отнявшую у него столько творческой энергии. Леонид, наверное,

понял наступивший «момент истины» и осторожно взяв

из рук Роберта теперь уже жалкие
на вид его старые очки двумя пальцами, словно боялся
обжечься о раскаленные кривые их
дужки и приподнял над столом:

– Можно мне конфисковать их у вас, Роберт? Чтобы никогда они не попадались вам на глаза и не портили настроение?

Роберт усмехнулся:

– Удивительно, как вы точно определяете мое отношение к вещам. Это у вас природная особенность, я бы сказал.

Леонид скромно опустил глаза.

– Может быть. У каждого своя особенность... Так я возьму?..

– Да, конечно! – великодушно отозвался Роберт, с удовольствием нащупывая дужки

новых очков. – Леонид, вы, как и я – на Южном вокзале?..

– Нет, уважаемый Роберт, меня кое-какие встречи ждут в Белгороде. Так что... – Леонид

глянул на часы, – мы с вами разлетаемся, – он скромно улыбнулся. – Но я уверен, что еще

встретимся. Во всяком случае, я вас уверяю, что напомню о себе в нужную минуту. Я вас

уверяю, дорогой Роберт, – добавил специалист, протянув руку Роберту.

– Как, уже? – недоуменно подал руку Корнев.

– Увы! – Леонид посмотрел в окно. – Подъезжаем. Всего вам. И мои вам

напутствующие пожелания: не поддавайтесь, мой любимый автор, неординарному случаю

для решения наболевшего. Это опасно, – сказал он на прощание, приподняв руку. С этими

словами он испарился, исчез, как и появился, словно на минуту вышел проветриться...

Роберт не помнил минуту или момент когда и как он вернулся к сюжету. Казалось,

просто прервался на минутную паузу, во время которой, как правило, после завершения

логического фрагмента потребовалась передышка для сосредоточения в новый образ.

Нужно было ощутить телом и осмыслить мозгами тот ужас, какой настиг Сабурова-

98

Демина, когда он обнаружил себя запертым в замкнутом пространстве по чужой воле.

Видно кому-то нужно было за какие-то грехи дать ему почувствовать, что такое тюремное

заключение, а еще эффективнее – ощутить момент лишения свободы непосвященному

пионеру. Демин ломал голову и не мог найти хоть какую-нибудь зацепку. Он

последовательно осмотрел всю стену. Левее входной две-

ри зиял бункер для сбрасывания

сверху грязного белья, небольшая куча которого сгрудилась у его подножья. Здесь же

рядом на металлическом столе лежали аккуратные стопы проглаженного чистого белья.

Были они трех сортов по цвету и фасону: полосатые брюки и пижамы, белое нательное и

серые и белые медицинские халаты, перед которыми пижамы не выглядели

преимущественно в эстетическом отношении. У Демина сразу же невольно возникло

желание сбросить с себя задубевшую, вызывающую жгучий зуд одежду. Не раздумывая,

он переоделся во все сухое и белое, приятно шадящее тело, и с облегчением вздохнул.

Появился стимул спокойно разобраться в ситуации. Проследовав внимательным взглядом

дальше до торцевой стены, он отметил, что она состояла сверху донизу из сплошного

металла, напоминающая скрытые ворота. У ворот не было дверной ручки или чего-нибудь

такого, за что можно было бы ухватиться и попробовать их открыть. Понятно, ворота вели

наружу, на свободу. Опустившись на колени, он прильнул к цементному полу и в узкой

щели увидел знакомый проспект, по которому совсем

недавно... Впрочем, когда?.. ехал в троллейбусе и вон на той остановке вышел. Люди, обычные нормальные люди, одетые в свои различные одежды передвигались в нужных для них направлениях. Их никто не удерживал, им никто не указывал куда идти, они казались счастливыми и беззаботными.

Впрочем, подумал Демин, может это только кажется. Со всем недавно и в окнах, пока не появились решетки, такие же люди точно так же шли в разных направлениях. Он вскочил и бросился к ближайшему окну. То, что он увидел по ту сторону решеток, шокировало. Тут снова, как на всеобъемлющем экране, протекал надуманный сценарий с участниками в однообразных одеяниях преступного мира! Демин судорожно потер вспотевшее лицо ладонями, словно только что проснулся и никак не мог прийти в себя: те же люди, тот же транспорт, тот же регулировщик, те же лотки с продавцами и покупателями, но люди были одеты в полосатые одежды зеков! В безумном трансе он кинулся к входной двери, по пути прихватил увесистую трубу – обрезок после монтажных работ слесарей – с разбегу торцом ударил по стыкующимся деревянным створкам. Удар был

настолько сильным, что
облицовочный наличник раскололся пополам. Невольно
это взбудрило и придало
уверенности. Второй удар оказался не менее эффектив-
ным: появилась шаткость
половинок дверей и щель. Демин отошел на шаг, чтобы
нанести еще один, может быть
решающий удар, но в этот момент дверь распахнулась, и
в помещение вошли двое мужчин
в белых халатах. Под руки они вели чем-то расстроенную
женщину в сером халате, очень
напоминающую ему собственную жену. Один из них –
мужчина интеллигентного вида –
благодарно посмотрел на Демина и сказал:
– Спасибо, коллега. Завхоз куда-то делся с ключами...
Кстати, профессор, это ваша
пациентка. Узнаете? Она тут сделает небольшую уборку,
посмотрит сюжет под
наблюдением Сорина, примет душ, и придет к вам в ка-
бинет.
Демин вопросительно окинул все вокруг, выискивая
предполагаемый экран для
демонстрации фильма.
– Да. Вы правы. Сегодня рабочие занесут кресла, благо-
родят по-настоящему
смотровой зал. Она подготовит шторы и... в общем, на-

ведет порядок.

Демин не сразу нашел что сказать. Застыл на месте, наблюдая за мужчиной, названным

Сориным и копией своей жены. На его месте другой либо постарался выбраться из

тяжелого сна, в котором сами попытки снятся реальным миром и составляют замкнутый

круг, не имеющий выхода. Либо, будучи помешанным на фантастике, наивно решил, что и

в самом деле каким-то образом оказался в другом времени и принимал бы все как

есть. Но тогда сюжет не отвечал бы задуманному, Демин был бы не Сабуровым, был бы

жив и здоров, что не входило в коварные замыслы автора. И стук обрезком трубы о

99

закрытую дверь не ударил бы по ушам громом, а стучал бы колесами методично на стыках

рельс, как стук маятника мирно текущего времени. И молодая симпатичная проводница не

сказала бы отработанным штатным голосом «Подъезжаем, Харьков!»

За окном мелькали знакомые товарные платформы, складские постройки, стрелами

разъездные пути, зебровые тупики, семафоры...

Через полчаса Роберт спустился в подземный переход

Южного вокзала в метро, а через

двадцать минут с волнующим сердцебиением подходил на улице Полевой к кирпичному

дому своей жены Евгении, тестя Георгия Ефимовича, тещи и дворового пса Гранита. У

Роберта здесь своего ничего не было. Он всегда отмечал это с усмешкой, словно издевался

над большинством своих соотечественников людского мира, сгорающих в меркантильном

бесконечном соревновании обогащения. Все его богатство было при нем, а точнее – в его

подсознании и памяти, – втайне даже от него самого хранящие немислимое наслаждение

творчеством. Сердце усиливало звук только от одной мысли, что сейчас он, наконец,

обнимет любимую, за вкусным домашним обедом поделится впечатлениями хорошего и

плохого и взвесит выражение на ее милом личике...

Так и получилось, как должно было.

После обеда, они развалились на диване в гостиной, он вытащил из дипломата

растрепанные листки рукописи и, улыбаясь, протянул Женечке:

– Новый... Только начал. Первая глава. Прочитай. Еще лучше – перепечатай, если

найдешь время. Меня интересует твое мнение в отноше-

нии цензуры. Не слишком ли?..

Евгения сменила радостное выражение на хмурое и бес-
покойное. Ее милое нежное

личико вдруг стало жестким, замкнутым.

– Да не волнуйся ты. Я же не призываю читателя к госу-
дарственному перевороту, –

пошутил он явно неудачно.

– Роберт, ты забываешь...

– Что, дорогая?

– Что и у ветра есть уши.

– И у моря...

– Да.

– И у пустыни Сахара, – смеясь, набирал ассортимент Ро-
берт.

Женечка сморщилась, как от кислого.

– Роберт, прекрати. Мне не смешно. Ладно, но лучше, ты
мне прочитай. Мне твоих

каракуль не разобрать. Случайно не на тему, которую ты
мне рассказал за обедом? –

осторожно спросила она.

Роберт кивнул.

– Ты с ума сошел! Зачем тебе это? Тебе что, жить надое-
ло?! Или больше всех нужно?

– Ты знаешь, я почувствовал, словно Сабуров это я. Мне
трудно тебе это передать. В

общем, что будет, то и пускай. Давай сейчас. Пойдем в сад

под нашу яблоню. Прихвати коврик.

– Здесь немного, – начал он, упав на сухую траву и протянув руку Женечке... – на десять минут. – Падай, я поймаю! – добавил он, подставляя руки.

Она расположилась на коврике, с наслаждением втянув свежий пахнувший травой

воздух. Он тоже вдохнул. Странно! Почему эта великолепная свежесть не ощущается в

обычной рабочей обстановке на ходу или за каким-нибудь делом во дворе? В чем

причина? В расслабленности души? Может быть...

Когда предположительное время чтения истекло, и Роберт прочитал последнюю фразу

главы, в прихожей, какая была общей в этом большом доме, прозвонил телефон. Теща,

копия Женечка, только шире и короче телом, торопливо переваливаясь с ноги на ногу,

прошла полпути по дорожке, остановилась и приложила «трубку» к уху:

– Какой-то мужчина вас, Роберт.

Голос в трубке показался очень знакомым, только что где-то прозвучавшим.

– Как доехали, Роберт?

100

– Спасибо. Но можно узнать...

– Кто звонит? – голос загадочно усмехнулся. – Ничего, сейчас вспомните: как ваша

новая вещь сидит на вашем лице, уважаемый автор нового романа?

– О! – воскликнул Роберт. – Леонид! Вас слышно с искажениями. Спасибо вам,

прекрасно сидят, – радостно сообщил, приятно вспомнив нового знакомого.

– Я хотел вам сказать, что лучше всего героя направить по пути фантазии. Например,

попал в другое измерение. Это безопаснее для вас, дорогой, – произнес он очень невнятно

и затих. И никаких гудков. Мертвая тишина.

Роберт в замешательстве еще некоторое время держал трубку у уха. Никак не мог

сообразить, откуда Леонид узнал о содержании сюжета? Потом пошел в сад. Георгий

Ефимович сидел на низеньком стульчике, опустив голову к ногам перед развалившимся

возле собачьей будки Гранитом. Его застывшая фигура не внушала радостный оптимизм

Роберту, каким обычно отличался зам главного конструктора филиала Тагильского

танкового завода сороковых годов, и вызывал невольное любопытство неожиданным

резким изменением настроения. Женечка собирала мали-

ну в тряпичных перчатках,
защищающих руки от колючек. Это занятие у нее, считал Роберт, было предметом развлечения, и ни сколько не чувством необходимости внесения своего труда в хозяйство семьи. Такая версия вызывала у него доброжелательную улыбку, и такое отношение ее к своему занятию, если бы оно действительно имело место, им прощалось любимой женщине, как несознательному ребенку.

– Что-то мне не нравится мой тесть, дорогая. Ты не знаешь, что бы это могло значить? – спросил он, приблизившись сзади и кладя на ее узкие загорелые плечи свои ладони.

Она повернулась к нему, и Роберт тут же отметил скрытую грусть в ее глазах.

Поставила банку с малиной на траву, как ненужную вещь, пошла к коврику, где они сидели, читая рукопись. Присев на корточки, и потупив взгляд, нервно сорвала стебель травы.

– Роберт, нас отсюда выгоняют.

– Не понял. Кто откуда выгоняет?

– Мне жалко отца. Он сильно переживает. Для него сад – единственное что осталось, – от волнения у нее покраснели виски, глаза не моргая, сле-

дили за руками, срывающими траву.

– Неужели сносят? – изумленно догадался Роберт.

Она качнула головой.

– Так это же прекрасно! Особенно для твоих стариков. Им в их возрасте нужна

изолированная квартира со всеми удобствами. А ему, как человеку известному в нашей

стране, тем более давно должны были дать самую комфортабельную квартиру в лучшем

районе города Харькова! Сколько дают жилплощади?

– Трехкомнатную.

– На всех?! – с крайним удивлением воскликнул Роберт.

– На всех, – удрученно вымолвила она.

– Ничего не понимаю. Так ведь положено две квартиры.

– Говорят, если б был у нас с тобой ребенок, тогда отдельные.

Евгения подняла лицо в сторону отца, за деревьями слив, груш и яблонь, едва

просматривающего полинявшего на солнце розового фартука, вяло покивала головой.

Помолчали.

– Ты же понимаешь, как им теперь трудно справиться с хозяйством, – выдвинул в

поддержку своих аргументов Роберт.

– А ты понимаешь, как отцу невыносимо тяжело расстать-

ся с любимым занятием?

Роберт не ответил. Слишком тяжелый был аргумент для решения не своих проблем. И

главное – она права. Ее правда была в том, что ей жалко было отца. Как ему теперь

расстаться не только с нестарыми фруктовыми деревьями, которых насчитывалось более

двадцати, с прививками, поражающими своим видовым разнообразием, какие он

101

постоянно проводил. Что теперь будет с псом Гранитом, его любимцем. Куда его девать? В

авто-будку на убой? Предать друга?..

Эта мысль внезапно показалась настолько жестокой, что Роберт ничем не смог утешить

Женечку и долго приходил в себя, прежде чем снова смог вернуться к сюжету.

Наконец, он взял рукопись, отыскал нужное место, осмотрелся удивленными глазами

Демина, отыскивая экран, на котором можно было бы продемонстрировать фильм. Его не

оказалось. Между тем, интеллигентный мужчина, остановившийся возле Демина, глядя

вслед своему помощнику, продолжал:

– Уникальный экземпляр, профессор. Беременность на четвертом месяце. У нее задание

– выгладить белье, навести здесь порядок, и посмотреть сюжет, – он кивнул в сторону окон.

– Какой сюжет? – в растерянности глупо спросил Демин, неожиданно получивший титул профессора.

– Выборочные фрагменты.

– Какие фрагменты? – совершенно сбитый с толку, переспросил Демин.

– Расчленение живой проститутки. Изнасилование невесты на глазах у ее жениха.

– Зачем? – глупо невпопад осведомился Демин.

– Не знаю. Главный приказал. Скорей всего, по вашей программе. Кассету я уже отдал оператору.

– А мне куда? – боясь напрямую спросить, где выход, с трудом вымолвил Демин.

– Идемте. Мне по пути, – сказал мужчина-интеллигент, – Сорин тут сам справится, –

кивнул в сторону помощника и направился к двери. Демин последовал за ним. Хотелось

спросить, где выход наружу. Но длинный коридор и больничная обстановка, вместо

лестничной площадки, по которой недавно он зашел в помещение, остановила его. По

коридору, неожиданно перед ним открывшимся, проха-

живались двое больных в полосатых

пижамах и тапочках. Тогда он спросил:

– Извините, как вас зовут?

Мужчина, не глядя на Демина, отреагировал легкой улыбкой и сказал:

– Коллега, что с вами? Меня зовут, как вам известно, Вениамином Семеновичем. А вас

как? – уже откровенней улыбнувшись, по-прежнему не глядя на Демина, спросил в свою очередь мужчина.

– Демин, к вашим услугам. Но я не тот, за кого вы меня принимаете.

– Вы думаете? – ничуть не удивившись и жестом пропуская вперед к лифту Демина,

заметил Вениамин Семенович. – За кого же?

– Я не профессор. То есть, еще не... Я стекольщик.

– Стекольщик, – монотонно повторил мужчина. – Значит, уже стекольщик?

– Что значит «уже»? – возмутился Демин, желая утвердить неожиданно приобретенную

специальность в ее непричастности к происходящему.

Вениамин Семенович неопределенно пожал плечами:

– Как вам угодно, профессор, – согласился он, первым выходя из лифта и жестом

приглашая следовать за ним.

Пропустив несколько дверей с табличками, Вениамин Се-

менович со сдержанной

улыбкой показал ладонью на дверь с надписью «Профессор Демин», откланялся и пошел дальше вглубь коридора.

Демин стоял в растерянности. Что-то здесь было не так. Что-то не клеивалось. Сюжет,

похоже, зашел в тупик. Причина этому было дрянное настроение из-за нерешенных

проблем, угнетающих основную мысль развивающихся событий с Деминым. Роберт

напрасно боролся с бессонницей, лежа в обнимку с Женечкой, прислушиваясь к ее

вздохам уже далеко за полночь. Что в действительности теперь делать Георгию

Ефимовичу и как теперь сложится его дальнейшая судьба в новой обстановке и условиях

жизни. Уйдет его супруга, если не он сам, в мир иной, будет взрослеть ребенок их

совместный с Женечкой, потом не хватит места и для подростка, потом не хватит времени

102

на уход за стариком, потом... Хорошо, если пришедший сон уведет глупую нелепость в

другую реальность с иными взглядами и с другими участниками событий, а если нет... Он

спускался в лифте. Выходя из подъезда, глубоко вдыхал

пахнувший травой воздух.

Осторожно переходил на противоположную сторону трассы. Шел в тени невысоких

фруктовых деревьев старого поселка вдоль домиков. Останавливался возле дома своего

приятеля, переступал через высокий уступ у калитки...

Делал он это напряженно. Медленно поднимал ногу, сгибая ее в колене, и вступал в

чужой двор. Год от года это ему давалось с нарастающей трудностью. Он не болел –

просто старость сковывала все больше. Незаметно приходило одиночество. И еще... в

последние годы он все больше ощущал на себе то прошлое, за которое приходилось расплачиваться сейчас.

Солнце медленно поднималось к полудню. Во время максимальной людской занятости

тоскливые мысли лезли в голову, заставляя искать встречи не с людьми, а с предметами,

прожившими одну с ним жизнь. Ведь ничто так не изменяется, как изменяется человек, и

поэтому он приходил сюда, когда не было дома хозяина, и на пороге встречал его не

школьный товарищ, а старый пес Гранит.

Войдя во двор, он подумал, что каждый раз повторяется одно и то же. Пес

гостеприимно ведет его в сад, останавливается возле столика, приглашает сесть на скамейку. Подобрав под себя хвост, приседает у ног и устремляет на бывшего своего хозяина долгий ожидающий взгляд. Кусочек колбасы он проглатывает мгновенно, клацнув два-три раза зубами, и снова смотрит в ожидании разговора.

– Ты все живешь? – на этот раз спросил он Гранита, словно давно ждал собачьей смерти. – А я вот, брат, того... надумал сегодня ночью одну мысль. Допустим, идет человек своей дорогой, идет и оставляет на ней чего захочет. И хорошее и плохое. Да не знает он, что к старости придется возвращаться по той же дороге назад, – он положил неуклюжую руку на темень пса, помолчал, продолжил мысль, – хорошо, если встретишь хорошее...

Гранит прилег, положив на передние лапы острую морду, поморгал, приготовившись слушать.

– Вот пришел посоветоваться с тобой. У тебя, брат, опыт. У тебя другой хозяин. Дом другой...

Гранит прерывисто вздохнул, глянул на него. И стало понятно – пес ответил «Да».

Тогда он сказал:

– Ты меня, конечно, извини. Но я хотел, как лучше. Как бы тебе это объяснить? – он

поискал вокруг себя, поднял бумажку, в которую была завернута колбаса. – Вот! –

обрадовался он. – Тебе здесь еще колбасу дают? Так, как и раньше?

Гранит насторожил уши, слегка округлив глаза, и снова ответил ему.

– И мне дают, – сказал он, пожевав губами, – а чего бы не давать, если заслужили,

правда?

«Но мне было вкуснее, когда я жил у тебя», – коротко облизнувшись, словно поправил его Гранит.

– Еще бы! Я тогда занимал хорошее место, много денег получал. Хватало на всех, даже

на внуков. Дочь одевал... во все импортное, да экспортное. С самых пеленок берег от забот-волнений.

«Это людей портит, особенно смалу, – пес глянул на голую бумажку, покосился

недовольно, – они становятся жадными. Вот и она тоже. Никогда даже кусочка от своего

вкусного большого куска мне не давала. Думал – так надо, так принято у людей».

– Да, – сказал он, – теперь я это и сам понял. С тех пор, как ты здесь... нас «снесли» и дали нам государственную...

«Знаю», – вскользь, словно заметил Гранит, медленно повернув голову в сторону.

– Помнишь, я приходил к тебе с внуком? Знакомил. Так вот, вначале я жил в маленькой

комнате. Дочь с мужем располагалась в другой. Потом Димка родился. Стало тесновато.

Ребенку нужна отдельная комната, детская. Я решил... перебрался на кухню. Мне там, в

103

общем, неплохо. На ночь я ставлю раскладушку... Ты же знаешь, моей Ульяны уже нету.

Вспомни, как она тебя любила, когда жили в своем доме!

«Да, время было! – зевнул Гранит, сладко вытягивая задние лапы. – Но мы отвлеклись.

Ты же пришел посоветоваться. Что там у тебя, выкладывай!» – Гранит поднялся, опустил

морду, обнюхал рядом новое место и завалился там на бок.

– Время, говоришь? – подхватил взволнованно. – Да возьми ты Сеньку-пьяницу.

Который не раз колотил тебя по бокам за то, что лазил к нему в огород... Сколько знаю его

– всю жизнь истязал семью свою попойками и мордобоем.

Теперь он живет в тепле и уюте. Нашла его старшая дочь, Настасья, где-то в другом городе на задворках. Привезла домой. Вот ведь в чем фокус! И хочу я после этого тебя спросить: почему не я то был, а он? А? Молчи, не знаешь, – махнул он рукой на Гранита, на его равнодушный взгляд. – Э-э! Да что там говорить! Заболтался я, – сказал он, озабоченно посмотрев себе под ноги. – Пора возвращаться. Надо и на завтра что-то оставить, – сказал он, привстал, выравнивая спину.

Гранит предупредительно вскочил и пошел рядом спокойной походкой, как бывало в прежние годы, когда оба они были моложе. – И еще я хотел тебя спросить вот о чем, – он нагнулся к собачьей будке, установленной возле крыльца под навесом, пощупал дощатую ее крышу – не протекает ли? Корявыми пальцами постучал по боку будки, прислушиваясь к звукам, идущими из теплого лаза.

Минуту осматривал ее, словно арбуз выбирал на базаре: – Как твой дом? Не холодно ли? – сказал, заглядывая во внутрь.

Гранит, воспользовавшись близостью лица своего бывшего хозяина, лизнул в дряблую

щеку его, ревниво сунул морду в окно будки.

– Да, вижу. Сделано капитально. Парового отопления даже не нужно. Молодец твой

хозяин. И у меня будет свой угол. На всем готовом буду, брат, жить. Ну, как бы тебе,

подходчивей, по-человечески объяснить? Словом, мои хозяева где-то там, – он поднял на

уровне глаз сморщенную ладонь, – выхлопотали для меня путевку на постоянный курорт

до конца моих дней. Ни тебе магазин. Ни тебе – плита с кастрюлями. Пришел, как барин,

поел и иди себе гуляй, отдыхай. Как вот ты, например. А что, разве мы с тобой не

заслужили? Старость, она знаешь какая? Она капризная, надоедливая. И главное – все

правильно, пожил свое – не мешай детям. Они – твое продолжение, – произнес он,

выставив палец и тыча им в нос Гранита.

– Теперь у тебя другой хозяин. Ведь трудно с непривычки-то было? И жизнь у тебя

похуже, чем была раньше. Это я виноват. Считаю – измена. А ты помалкиваешь. Значит,

прощаешь меня. Ведь простил?

Он пошел к калитке и остановился. Гранит присел рядом, задрал голову, осклабясь,

вывалил язык, часто задышал.

Коричневые глаза смотрели в самую душу и что-то хотели сказать. Он опередил пса,

боясь услышать упрек:

– Но ты не обижайся. Ведь сам посуди – кто я был тогда? Хозяин. А теперь? Ну, скажи,

как бы ты жил, если б остался у меня? – он открыл калитку, тяжело переставил ногу через

уступ, и уже отходя от дома своего приятеля, сказал сам себе:

– Все же неприятная мысль мне ночью в голову пришла!..

От мучительной бессонницы голова не сразу просыпалась. Роберт вспоминал утреннее

забытье и, копаясь в подробностях покинувшего его сноведения, с возмущением осуждал

себя за подлую роль, какую придумал для него в нем фантастический чудотворец. Такого

просто ему бы не пришло в голову, если не считать это фрагментом еще одной истории,

ничего общего, не имеющего с сюжетом Демина. Сам же Демин в замешательстве стоял,

раздумывая, заходить ему или нет в дверь с собственной фамилией. Наконец, решил, что

ничего не потеряет, если зайдет, и может быть, что-то прояснится в новой обстановке.

Взявшись за дверную ручку, заметил торчащий в замочной скважине ключ. Ключ ему

вдруг напомнил только что пережитый стресс. Опасаясь повторения, Демин инстинктивно вынул его и, войдя в кабинет, тут же вставил с внутренней стороны.

Осмотрелся. Все со вкусом было обставлено офисной мебелью. У стены шикарная тахта с туалетной тумбочкой, платяной шкаф, письменный двухтумбовый стол и вращающееся мягкое кресло соблазнительно приглашали к творческой работе. Надежды на прояснение происходящего рухнули. Вместо объяснения главного, добавилось еще более непонятное, сложное и нелогичное. Было ощущение, будто он все больше запутывался в путях гигантского паука, который до времени оставался в тени, выжидая предсмертного конца своей жертвы. Но странно, при виде располагающих к отдыху атрибутов вместо паники у него появилось безразличие. Он устало плюхнулся на тахту, ощутив ласковый комфорт, и впал в забытие. Его больше ничего не интересовало – ни странное превращение окружающего мира, ни причина, по которой изменилось все, ни он лично в новом своем перевоплощении. Вначале он вооб-

разил себя в объятиях своей

милой, необыкновенно красивой жены, какой она на самом деле была, потом, осмыслив

сиюминутную нереальность, впал в переживание до слез, что, возможно, им больше не

встретится. Ребенок, которому не было и года, еще осмысленно не научился чисто

произносить слово «папа», останется без Демина-отца, который обязан дать ему начальное

направление в жизни. От этой мысли ему стало невыносимо тоскливо, но в эту минуту его

насторожил посторонний звук. Он оглянулся и не поверил своим глазам: она вошла,

посмотрела на торчащий ключ, повернула его и остановилась у порога. Его любимая Лиля, его жена...

Он вскочил на шаткие ноги. Замер, боясь ошибиться в настоящем, начиная привыкать к

предательской фантазмагории. Слова застыли, ими можно было спугнуть явление. Демин

молчал, ждал продолжения. Но Лиля подошла просто, словно всего лишь вчера они

виделись и пробыли весь день вместе, подняла и положила на его плечи теплые нежные

руки, обвила ими шею и прильнула к его губам. Он ответил, как всегда, ярким затяжным

поцелуем.

– Как ты себя чувствуешь? Ты сегодня меня порадовал.

Наконец ты пришел в себя.

– В себя? – машинально повторил Демин.

– Да. Только на долго ли? В прошлый раз это продлилось всего два дня. Потом ты снова

был чужой... Но Главный сказал, что у тебя все пошло на поправку. Я рада за тебя.

– Что со мной, любимая?

– Ты упал с двухметровой высоты, когда вставлял стекло во фрамугу. Помнишь?

– Помню...

– Ну вот. Главный разрешил мне ухаживать за тобой, – она усадила Демина на тахту и

принялась не спеша расстегивать пуговицы сперва на его, затем на своем халате.

– А потом? После того, как упал... помнишь?

– Потом оказался на грязной табуретке в этом халате, – он оттянул ворот. Где моя одежда?

– Но это было сегодня. А перед этим ты просыпался и бежал из палаты, тебя не могли

остановить, ты врвался в зал, где стеклил и первый раз упал, снова забирался на

стремянку и снова падал. Я докладывала Главному, просила его убрать все, но он сказал,

что ни в коем случае нельзя изменять обстановку, при которой ты потерял сознание. Эта обстановка тебя должна вылечить. И, кажется он прав.

Демин задумчиво качнул головой:

– Да. Он прав. Но только он одно не учел: я не мог отключиться надолго от падения с такой высоты. Меня чем-то накачали.

Лиля настороженно осмотрела лицо Демина.

– Может быть. Ты где обедал, неужели в нашей столовой?

– В вашей. А где мне обедать? Не идти же в город за несколько километров!

Лиля сокрушенно покачала головой:

105

– Тогда ты прав. Что-то тебе могли подсыпать. Теперь мне становится ясно. Ну же,

любимый, давай. Я тебя хочу. Снимай все, я дверь закрыла, – с этими словами Лиля

стянула с онемевшего Демина брюки и повалила на тахту.

Демин втянул знакомый,

безумно возбуждающий запах любимой женщины, обнял ее ноги и вдруг провалился в

бесконечное безумство от непонятных страстных движений, ранее неизведанных, какие

Лиля проделывала на нем. Откуда это у нее, у неопытной?

Он этим «искусством» не

владел ни до, ни после женитьбы на ней. Он и она были

друг у друга первыми. Откуда?!

От этой мысли он деградировал и, сбросив с себя Лилю, подавлено сел на край тахты.

– Что с тобой, дорогой?

– Ты мне не сказала, как наш сын. Здоров? – чтобы скрыть неловкую заминку, спросил он неожиданно.

Лиля медленно поднялась, заторможено надела халат и только теперь Демин заметил,

что кроме халата на ней ничего не было. Это поразило.

– Сколько я провалялся?

– С июня месяца, – глухим голосом ответила она.

– А сейчас?

– Сейчас июль.

– И все это время мы... ты ухаживала за мной?

– Странный вопрос! Ну а за кем же?!

– Где твоя одежда, Лиля? – спросил он, пристально посмотрев ей в глаза. – Ну-ка, иди

сюда, – он провел ладонью по простыне возле себя.

Она покорно села рядом.

Он расстегнул пуговицы ее халата. Охватил ладонью грудь, слегка прижал, поцеловал,

как он всегда это делал, и обнаружил сбоку небольшое родимое пятно. Это была грудь не его жены!

– Ты мне не ответила, как наш сын?

Лиля помрачнела и медленно стала застегивать пуговицы.
Встала, с опаской
посматривая на Демина.

– Что скажешь?

– Я не твоя жена.

Демин даже не среагировал. Он как будто это знал.

– Теперь понял. Если бы не твой секс и родимое пятно...

Надо было не признаваться.

Забрала у меня такой праздник! У тебя даже голос ее. Такое бывает только у сестер от одной матери.

– А ты не знал?

– Что не знал?

– Что у твоей жены есть родная сестра.

Демин отрицательно покачал головой. И снова принял это равнодушно. Теперь

подробности, какими бы они не оказались, уже не трогали его. Что-то значительнее их, еще не осмысленное встревожило его.

– Не трудись, Сабуров. Здесь тебя так называют по указанию Главного. Не пытайся

узнать правду, дорогой. Потому что и она тоже этого не знает. Нас разлучила судьба еще

при рождении. Подкинули меня, двойняшку, бесплодной матери. Впрочем, это тебя не

касается, Демин, – она всхлипнула, упала на колени и

уткнулась в ноги Демину. Она тихо
рыдала.

Демин растерянно гладил безумно родные волосы, целовал ее в висок, вдыхал чудесный запах ее тела, тела любимой жены, успокаивал, нашептывая:

– Все будет в порядке, девочка. Все будет в порядке. Выпутаемся.

– Демин, нет. Не выпутаемся. Ты ничего не знаешь.

Он осторожно поднял ее голову, вытер простыней мокрое лицо.

– Хорошо. Рассказывай, дорогая. И ничего не бойся. Что за тип тебя сопровождал, и какой просмотр тебе приписали?

106

Она замерла, глаза ушли вовнутрь. Она колебалась, боясь вымолвить ужасное слово.

– Меня каждый день принуждают смотреть страшные фильмы. Там за решетками, за стеклами, которые ты вставлял.

– Там улица.

– Не всегда.

– Что там?

– Там в натуральную величину расчленяют, по локоть вымазываясь кровью несчастных.

Насилуют. .

Она сорвалась, опустила голову, судорожно обняла ноги Демина.

– Фильмы ужасов? Успокойся. Не бери в голову. Всего лишь фильмы со

спецэффектами. Эту мерзость сейчас протаскивают в Союз, не смотря на запрет. Статьи не

хватает в законе. Но ты можешь не смотреть, делать вид.

– А уши заткнуть? – Лиля подняла лицо, тоскливо усмехнулась, – пробовала. Этот, как

ты назвал, тип садится напротив меня и следит за моими глазами. Если замечает, что я их

отвожу, делает отметку в своем блокноте, а потом меня наказывают. Раздевают догола и

запирают в темную кладовку, где крысы.

– Не может быть, – прошептал Демин. – Ничего не понимаю! Ты жаловалась

Администрации? В качестве кого ты здесь? – недоуменно спросил, взяв в ладони, и

внимательно обвел взглядом ее лицо. – Как я понял, ты здесь работаешь?

– Работаю, – опустила она глаза, – я работаю уже лет десять санитаркой. А после того,

как сменили Главного, мне предложили сотрудничество по договору. У меня мама больная,

денег не хватает. Я вынуждена была... Я не думала чем это все обернется.

– Но зачем это им?

– Что?

– Показывать тебе фильмы ужасов.

– Ты не понял. Это не фильмы ужасов. Один из них мне показали не как в кино. В натуре.

– В натуре? То есть?

Лиля помолчала, собираясь с духом.

– Однажды... это было месяц назад. Сорин отвел меня в этот смотровой зал, посадил и

пристегнул ремнями к тяжелому креслу, которое специально для меня притащили. Сказал

с улыбочкой, что мне предстоит посмотреть не очень радостный эпизод, который был

запланирован профессором Сабуровым, как эксперимент для беременных женщин,

предусмотренный моим договором... – Лиля с ужасом посмотрела на Демина, как будто

молча спрашивала готов ли он к тому, что сейчас услышит.

– Ничего, девочка. Говори, не бойся. Я уже понял, о чем пойдет речь.

– Впустили девочку лет семи. Красивую, нарядную такую. Веселую. Потом вошел

совершенно голый парень и стал помогать, гоняться за ней, притворяясь, что не может

ее догнать... – Лиля со страхом посмотрела в лицо Демину.

– Успокойся, Лиля. Все в порядке, говори.

– Он гонялся за ней, увеличивая темп, на ходу раздевал ее, пока изнеможенный

оголенный ребенок не упал и тут он ее изнасиловал самым зверским способом. Я кричала,

звала на помощь и ничего не могла сделать. Кажется, девочка погибла. Она так и осталась

лежать окровавленная и недвижимая на цементном полу.

Меня забрали, я была

невменяема, пролежала двое суток. Меня чем-то кололи и вывели в нормальное состояние.

Когда я поднялась, подала заявление на увольнение, мне Главный сказал, что я работаю в

психиатрической лечебнице и тут, извините, приходится мириться с методами и

методиками лечения психически больных.

– Шоковая терапия?

– Да. Оказывается, они это зверство с изнасилованием девочки засняли на пленку и

показывали потом группе больных детей из детского отделения. Он ясно намекнул, что

большие деньги, которые мне платят, нужно отрабатывать. А если нет... То, пожалуйста –

вольному воля. Меня задерживать не станут, но за мою безопасность с этого момента он

не отвечает. Поскольку всегда есть заинтересованные лица, которые не захотят выпускать

на волю свидетелей своих нескромных дел. Так что...

– Ясно, – Демин молча в раздумье выдерживал паузу. Он давно уже понял, куда попал,

и зачем его тут держат. Не понятно главное – каков масштаб этой преступной организации

и цели ее. Кто за этим стоит? Во всяком случае, нужно пока притворяться – допустим, ему

не понятно все, что с ним происходит.

– Это правда, что они действовали по твоей методике воспитания будущего ребенка? Я

ведь на четвертом месяце...

– Тебе вредно смотреть эти фильмы, Лиля.

– Я знаю, – она в порыве отчаянья обняла Демина и зашептала на ухо, – я тебя люблю,

дорогой. Люблю. Я не смогу без тебя, что бы ни случилось.

Я ношу твоего ребенка,

милый. Твоего!

– Это правда? – Демин не спросил, а скорей утвердил сказанное. – Но ты ошибаешься.

Моя методика изменения генетического кода совсем иная. Они извратили ее. Они

перевернули все с ног на голову! И вряд ли добьются ка-

ких-либо успехов, каких хотят.

Они самого главного не знают. Дилетанты. Кроме нервного слабого потомства им ничего

другого не видать, как собственных ушей. Дилетанты!

Лиля со страхом смотрела на Демина, ее губы вздрагивали как у обиженного ребенка.

– Так значит... Наш ребенок родится психически неполноценный? Да?..

Демин видел, как Лиля вот-вот разревется, ее медленно настигает истерика и тогда,

казалось, ее ничем не остановить. Он привлек Лилю к себе, тесно прижал ее голову, зашептал на ухо:

– Успокойся. Я все изменю. Не бойся и не принимай близко к сердцу. Это важно. Ты меня понимаешь? Вообрази, что это тебя не касается, как в кино. Мысленно отключись на что-нибудь другое.

Лиля крепко обняла Демина за шею и взвизгнула:

– Ага! Ты думаешь, это так просто?!

– Попробуй. Другого выхода нет. А я тем временем что-нибудь придумаю. И о нашем разговоре никому, – шепотом проговорил он.

Лиля молча кивнула и притихла.

Как раз в этот момент постучали в дверь.

Демин тотчас громко ответил:

– Минуту!

Спешно приводя себя в порядок, он жестом показал Лиле на свое лицо, затем пошел

открывать дверь. Лиля тут же вытащила из кармана своего халата косметичку и принялась за макияж.

В кабинет вошел Вениамин Семенович. У него было неопределенно радушное лицо,

если не сказать приветливое. Под мышкой он держал кожаную папку. Он коротко, но

внимательно окинул взглядом вначале Демина, затем, мельком, – Лилю.

– Профессор, вас просит к себе Главный. И вас, любезная, – он кивнул в сторону Лили.

В сопровождении Вениамина Семеновича, пройдя в конец коридора, они вошли в

кабинет, очень напоминающий тот, что предоставлен Демину.

Спиной к вошедшим в глубоком кресле сидел человек. Верхняя часть головы с черными

волосами с проседью виднелась на гребне высокой спинки. Сразу же у двери стояли три

мягких стула, на них Вениамин Семенович указал Демину и Лиле.

– Добрый день, коллеги. Вениамин Семенович! – голос принадлежал человеку

преклонных лет, усталый и грубый.

– Добрый день, Геннадий Федотович, – ответил за всех Вениамин Семенович.

– Уважаемый профессор, я должен вас поздравить с выходом из комы. Как вы себя

чувствуете сейчас? Мы можем продолжить обговаривать наши с вами проблемы?

Надеюсь, вы еще не забыли, на чем мы остановились в прошлый раз?

108

Демин напряг память, но так и не припомнил хотя бы проблеск предполагаемого

разговора или ситуацию встречи с этим человеком.

– Извините, что-то не припоминаю. Последнее что я помню...

– Геннадий Федотович, у нас изменения, – вмешался Вениамин Семенович.

– И какие же?

– Наш уважаемый профессор дисквалифицировался.

– Профессор Сабуров?

– Да.

– И кто же он теперь?

– Теперь он стекольщик.

– Это правда, уважаемый профессор? Это не шутка? Вы теперь стекольщик?

Лиля с беспокойством посмотрела на Демина.

– Мне кажется, уважаемый Геннадий Федотович, что из всех присутствующих здесь

шутит один Вениамин Семенович. Не так ли, коллега? – обратился он к сидящему у

противоположной стены Вениамину Семеновичу, словно его связывал с ним не один год

работы над проблемой. При этом Демин не преминул слегка саркастически улыбнуться, на

что коллега абсолютно не отреагировал.

– Ну, тогда прекрасно. Сохранившееся у вас чувство юмора чудесным образом

подтверждает, что с вами все в порядке, и мы можем начать наше обсуждение. Кстати,

профессор, вы теперь называетесь Сабуровым. Вам об этом сообщили? Это ваш

псевдоним. И это приказ. Он вам нужен как воздух для конспирации в нашем совместном

деле по договору и вашей безопасности. Надеюсь, вы еще не забыли о нашем договоре,

который подписали в один из дней вашего просветления во время болезни?

– Договор? – переспросил Демин без малейшего оттенка удивления. И посмотрел на

Лилю.

Лиля взволнованно заморгала ресницами.

– Надеюсь, – продолжал Главный, – милая Лиля посвяти-

ла вас в подробности

последних событий? Сообщила вам о результатах эксперимента? Мы старались выполнить

все инструкции первого этапа работы, составленного вами плана, пока вы находились по

другую сторону сознания. Что скажет по этому поводу милая Лиля и что скажет

уважаемый профессор?

– Во-первых, Геннадий Федотович, я бы хотел освежить в памяти договор, который

якобы я подписал.

– Ну конечно, конечно. Я вас прекрасно понимаю, профессор Сабуров, что после

болезни, возможно, не все возвратилось к памяти. Что-то еще брезжит в тумане. И

Вениамин Семенович вам его покажет после нашего обсуждения, если свой экземпляр вы

где-то загубили.

– Хорошо. В таком случае, о Лиле. Ей пришлось пережить значительные потрясения в

результате выдуманной вами шоковой терапии отрицательных эмоций. Женщину на

четвертом месяце беременности опасно подвергать столь жестокому испытанию.

– Позвольте, коллега, не вы ли изложили в ваших инструкциях, какие эмоции

необходимо использовать в период созревания плода для формирования желаемого генетического типа?

– Безусловно, я. Но я никак не предполагал, что ваши помощники так грубо извратят

мои указания. Не буду вдаваться сейчас в детали, но теперь, когда я, наконец, смогу лично

контролировать дальнейшие эксперименты, мы сможем избежать фатальных ошибок, –

при этом Демин кинул взгляд в сторону Вениамина Семеновича. Верный подданный

Главного лишь нервно повел зрачками, что-то выискивая у себя в голове.

– О каких ошибках вы говорите, профессор? – в голосе Главного появилась

раздражительная обеспокоенность.

– Не вам ли, уважаемый Геннадий Федотович, как ученому, должно быть известно, что

неподготовленные и ничем не поддерживаемые отрицательные эмоции во время

109

беременности матери обязательно приведут к тому, что ребенок родится с комплексом

неустойчивой психики и поэтому вырастет слабым и ранимым. Вы такой генотип хотели

создать? Или психически устойчивый?

Наступила тяжелая пауза. Трудно представить выражение лица собеседника, но Демин, как психолог, все же попытался это сделать в силу своих способностей.

– Это все инициатива Сорина, этого безумца... – нарушил паузу Вениамин Семенович.

– В связи с этим я сомневаюсь, что результаты с Лилей будут безупречно чистыми.

Сомневаюсь, Геннадий Федотович.

– М да... – протянул Главный. – Жаль. И что же вы предлагаете в отношении нее?

– Попробую исправить установками противоположного характера. Но не гарантирую.

Она одна была задействована в работе эксперимента?

– В палате есть еще одна женщина. Она на втором месяце и с ней еще не начата работа.

Мы выбрали ей партнера с подходящим ДНК. Верно, Вениамин Семенович?

– Вот как! – Демин вопросительно посмотрел на Вениамина Семеновича. Верный

подданный не смог скрыть своего беспокойства. Он неуютно поерзал на стуле, усаживаясь

поудобней. – И какое потомство вы надеетесь получить, если не секрет? – добавил Демин,

обращаясь уже к Вениамину Семеновичу.

– Секрет, но не для вас, – ответил Главный за своего по-

мощника. – Иначе, вы

понимаете, что не сможете выполнить нашу задачу и заказ вышестоящей организации.

Впрочем, эти подробности вам осветит мой заместитель, Вениамин Семенович. С этой

минуты, он обязан будет выполнять все ваши указания по работе, какие бы они не

показались ему странными. Я не желаю более рисковать ни временем, ни материалом. Все очень дефицитно.

Вениамин Семенович окончательно вышел из равновесия. Его глаза проснулись и выстрелили в затылок Главного:

– Но Геннадий Федотович! Она не готова к работе...

– Прекратите, Вениамин Семенович. Все, что необходимо я сказал. Извольте

выполнять! С кем и как нужно заниматься, теперь решает товарищ Сабуров. Он, как и мы

с вами, связан договором и отвечает головой за выполнение программы. Кстати, сумма

оплаты заказчика, как профессора Сабурова, так и нас с вами, коллега, не может не

устраивать. Так что срочно принимайтесь за работу. На этом все, господа товарищи! –

закончил язвительной шуткой Главный.

Поднялись и пошли из кабинета молча, молча вместе вер-

нулись в кабинет Демина. На

двери уже была приколочена другая табличка. На ней значилось: «Профессор Сабуров».

– Присаживайтесь, Вениамин Семенович. Может быть, вы будете так любезны,

осветить мой пробел за время моей болезни, – первый нарушил общую замкнутость

Демин. – Может быть, ответите на некоторые вопросы и покажете пресловутый договор?

– Ну почему же пресловутый? Нормальный договор, сейчас сами в этом убедитесь – с

этими словами помощник Главного открыл кожаную папку и немедленно извлек лежащий

сверху стандартный лист. Демин пробежал глазами текст, отметил для себя в грамотности

и точности изложения. Стояли штамп и печать Министерства Академии Наук СССР и

какого-то военного ведомства. Присмотрелся повнимательней к своей подписи. Она

оказалась личной без малейшего сомнения!

– Хорошо, хотя странно, когда это я его подписал, – проговорил он, возвращая листок

Вениамину Семеновичу.

– Это копия для вас, профессор.

– Хорошо. Тогда давайте поговорим о главном.

– Я готов вам все, что знаю, объяснить, – при этом он

неопределенно посмотрел на

Лилию. Уловив его взгляд, Демин отрицательно помахал кистью руки:

– Лиля моя жена.

– Я бы на вашем месте не подвергал жену осведомленности, которая может, не дай Бог, оказаться для нее роковой, уважаемый профессор.

110

Не скрывая своего удивления, Демин признательно приложил руку к своей груди:

– Вениамин Семенович... вы меня приятно удивляете. А ведь вы правы. И благодарен

вам за это, – он обернулся к Лиле, сидящей на тахте, где до встречи с Главным она с

искренней любовью отдавалась Демину. – Любимая...

– Я поняла, дорогой. Пойду, поболтаю со своей подружкой Леной.

– Только не о том, что касается нас с тобой и работы, хорошо?

– Об этом ты мог бы и не говорить. Сама знаю, – сказала она, скрываясь в дверях.

– Ну вот, – показал Демин в сторону покинувшей их Лили.

– Я знаю, что вас в первую очередь будет интересовать, – начал Вениамин Семенович. –

Военное ведомство. Да, это наш заказчик, которого нам навязали приказом Академии

Наук. К сожалению, профессор, навязали. Потому, что после ознакомления с задачей, где ссылались на вашу диссертацию, исследовательскую работу, не известную не только общественной прессе, но даже узкому кругу ученого мира, нам с Геннадием Федотовичем стало не по себе. Речь шла о секретном задании спецотдела Вооруженных сил СССР о создании с помощью генной инженерии подразделения, а в дальнейшем и армии, неуязвимых монстров, не останавливающихся ни перед чем, не испытывающих неудобств и боли. Иначе говоря, людей с отобранным и развитым геном агрессии и жестокости. Само ознакомление с поставленной задачей ставило нас в неотвратимое безвыходное положение. Поэтому, первым шагом было направить вас в официальную психиатрическую лечебницу в качестве стекольщика, как принято у нас в стране, для отработки на благо социалистического строительства.

– И вы меня хотите убедить, что вследствие моего падения я пролежал без памяти несколько дней? – усмехнулся Демин.

Вениамин Семенович ответил откровенной улыбкой:

– Конечно, нет. Я вас накормил соответствующим зельем

в нашей столовой, – спокойно

пояснил он. – А договор вы подписали в неменяемом состоянии. Иначе, вы бы не

согласились и поставили бы нас под смертельную опасность.

– Но ведь я занимался разработкой совершенно противоположного направления! –

возмутился профессор.

– Это мы учли. Геннадий Федотович меня убедил, что все то же самое, как он

выразился, только методы диаметрально противоположные.

– Боже! Какая глупость!

– Теперь я и сам в этом убедился, уважаемый коллега, – уныло парировал Вениамин

Семенович.

– И наломали дров...

– К сожалению. А тут еще Сорин, методист, он же начальник охраны. Он прислан к нам

со стороны. Явный фашист с сексуальным уклоном. Когда он совершал свои де Садовские

деяния, у него глаза горели, как у волка в темноте! Вот, пожалуй, все, что вам надлежало

знать.

– Спасибо, Вениамин Семенович за вашу откровенность. Теперь нам с вами, коллега,

нужно решить, как действовать...

– Профессор, – прервал его Вениамин Семенович и молча поставил поперек своих губ

палец. – Мне бы хотелось иметь в письменном виде, – он провел рукой в пространстве и

потом приложил палец к уху, – подробный план работы. Давайте прямо сейчас наметим на первые двое-трое суток.

С этими словами он достал из папки чистый лист бумаги и написал: «Нас слушают. Сам

устанавливал. У меня к вам слезная просьба. Умоляю вас, коллега, не задействуйте в

работу мою женщину. Прошу вас, не трогайте ее. Она на втором месяце, как вам сказал

Главный, у нее мой ребенок. Я ее жутко люблю и не вынесу, если с ней что-нибудь

случится. Если вам нужен свежий объект, я вам его представлю из других источников.

Хорошо?

111

Демин был оглушен. Взял из рук коллеги карандаш и написал: «Как ее зовут и в какой она палате?»

Вениамин Семенович ответил: «Ее зовут Лена, ваша супруга сейчас с ней болтает».

Демин написал: «Это серьезно. Нужно обсудить не здесь».

Вслух же произнес:

– Хорошо, я тут все изложил, прочитайте.

Вениамин Семенович вздохнул, с теплящейся надеждой пожал руку Демину:

– Если я вам более не нужен, то... – и приписал внизу листа: «Жду вас в смотровом зале через пару часов».

– Конечно, конечно, любезнейший. Если не затруднит, скажите Лиле, что я жду ее у себя.

– Обязательно, – подхватил Вениамин Семенович, взял исписанный листок, аккуратно сложил вчетверо и сунул во внутренний карман.

– Нет, это... – Демин разорвал в воздухе на мелкие клочки воображаемую бумагу, на что коллега согласно кивнул головой и вышел.

Вскоре пришла Лиля. И снова, как и в прошлый раз неожиданной встречи, у него

оборвалось все внутри – перед ним явилась его любимая жена Лиля. Сознание не хотело

мириться с милой искусной бутафорией, решительно выбрасывало подлог, принимая

желаемое за действительное. Она кинулась ему навстречу, он обнял ее, целуя, словно всего

лишь час назад не расстались они здесь же. И Демин невольно ощутил душевную боль

человека, у которого отнимают самое дорогое создание на свете – любимую женщину

беременную его ребенком. Эта мысль испортила настроение, руки опустились.

– Лиля, как ты думаешь, в ванной есть горячая вода?

Она насторожилась и не сразу ответила упавшим голосом:

– Она здесь всегда горячая. Ее регулярно нагревают тут, особенно днем. А что?

– Пойдем, потрем друг другу спинки, – заискивающе подмигнул он.

Лиля удивленно расширила глаза и расплылась в улыбке:

– Дорогой! Неужели ты вспомнил свою раннюю молодость и решил со мной развлечься в ванне.

– Ты почти угадала. Только забыла, что мы с тобой до женитьбы ни с кем не занимались сексом.

– Да? А я и не знала! Тогда пошли, – сказала она, доставая из гардероба свежее полотенце.

Войдя после Лили, он застал ее раздетой и невероятно сексуальной. Ее тело выглядело

моложе обычного, к какому привык, стремительно побуждало к близости, но Демин сдержал себя.

– Что же ты? Раздевайся. А! Понятно, ты хочешь, чтобы

это сделала я.

Она скинула с него халат, тесно припала к нему горячим телом, руки с

профессиональным мастерством заскользили сверху вниз. Бархатистое их прикосновение

безумно возбуждало, и Демину стоило немалых усилий, чтобы не поддаться искушению.

Он легонько отстранил Лилю, повернул кран на смесителе. Вода с шумом ударила в дно ванны.

– Мы забыли открыть кран с водой...

Лиля засмеялась и, наклонившись, чтобы вставить пробку, словно неосторожно

коснулась упругими полусферами ягодиц его чувствительного места. Это вызвало у него веселость.

– Милая, мы не для этого сюда зашли.

– Не для этого?... – разочарованно пискнула она.

– Нет... и для этого тоже. Понимаешь, там, в кабинете установлены подслушивающие

датчики. А нам нужно очень серьезно обсудить, как быть дальше, – он взял ее за талию и

осторожно поставил в ванну. Затем, перешагнув и стал рядом. Лиля залилась смехом:

112

– Демин! Ты забыл снять! – и ловко стянула с него при-

липшие к телу тусы. – Ого! –

изумилась она, увидев то, что до поры было скрыто материей. – И ты еще терпишь?

Демин, а ты гигант!

– Я тебя жалею. Ты же беременна. А тебя не узнать. Ты повеселела.

– Это благодаря тебе.

– Понятно. Сексотерапия.

– И это тоже. Мне после этого сразу стало спокойнее и хорошо.

– Знаю. Теперь слушай. Вениамин Семенович просил не задействовать его женщину.

– Она на втором месяце.

– Да. И пока ты с ней общалась, мне пришла вот такая мысль. Мне кажется, он сможет

помочь нам выбраться отсюда. Если, допустим, не хочет, чтобы я включил в работу его

подругу. Это, конечно, не чисто плотно с моей стороны. Но что делать! Нам здесь, в этом

фашистском гнезде так просто не выжить... Еще неизвестно, кто тут в тени контролирует.

Они хотят, чтобы я вывел генетически агрессивный тип потомства. А ты знаешь, что это

такое. На своей шкуре испытала. Потом, я догадываюсь, будут клонировать в миллионы

бездушных головорезов. Жутко представить последствия.

Я на это не пойду.

– Ой! – вспомнила Лиля. – Я забыла. Я же принесла тебе три газеты об этом. Там какие-то ученые открыли метод борьбы с террором. Они будут выступать на Ученом Совете в

Главном лектории и поедут для внедрения в Miami на конференцию.

– Неужели?! Я так и думал! – Демин вдруг помрачнел, задумался. Лиля терпеливо выжидала паузу.

– Может, скажешь, в чем дело? Ты их знаешь? – наконец нетерпеливо спросила.

Демин кивнул.

– Ну и что же! Пускай себе, они же у тебя не списали.

– Не в этом дело, дорогая. Все это очень опасно. Нужно уходить. Любым способом.

Который час? Вениамин Семенович назначил мне встречу в смотровом зале. Пошли.

Только не забывай, – он приложил палец к сомкнутым своим губам.

Они вошли. Во всех почти с пола до потолка широких окнах, которые Демин стеклил,

сквозь решетки шел фильм о животных. Объемное изображение создавало иллюзию

реального пространства и перспективы. Было впечатление, будто за решетками на улице

существовал другой живой мир. Вениамин Семенович сиротливо сидел в крайнем к входу

кресле последнего ряда и напоминал обычного зрителя, пришедшего на дневной сеанс.

– Присаживайтесь, – сказал он, и в его голосе не прослушивалось оптимистических нот.

Демин сел, Лиля подальше от мужчин, не желая смущать их своим присутствием.

– Вениамин Семенович, я обдумал вашу просьбу. Я согласен... – произнес он и ощутил

необыкновенную радостную реакцию коллеги, он весь как-то придвинулся к Демину, – но

с условием. Мою жену вы любым способом вывезете отсюда в безопасное место.

– Вот как, – не сразу произнес коллега, – давайте обдумаем, возможно ли это. Во-

первых, после ее исчезновения следует ожидать реакции Главного. Взвесьте, чем это

может закончиться для вас и для меня. Во-вторых, ее тут же начнут искать. И поверьте

мне, если она останется в пределах страны, ее скоро найдет банда Сорина. Буквально

полчаса назад знаете, что мне сказал на ушко этот тип? «Никому не советую играть со

мною в кошки-мышки». Я попытался его поставить на место, но он молча ушел, буквально

испарился.

– Я постараюсь убедить Главного. Наконец, выставлю ультиматум в виде бойкота к

работе. Ему это не выгодно. В конце концов, дело ему важнее какой-то женщины, притом, в положении.

– Слабая, но надежда, – согласился Вениамин Семенович.

– И еще. Нет уверенности, что Главный не будет настаивать на Лене.

– С вашей помощью можно приписать ей осложнение...

Положить на сохранение, пока я не раздобуду новый объект.

113

– Вы же прекрасно понимаете, что подобрать соответствующую кандидатуру не так просто. Потребуется немало времени.

– Другого выхода у меня нет, – уныло произнес Вениамин Семенович. И не успел он

это произнести, как в проеме двери уверенной походкой явился Сорин. За ним вошли два

рослых «под бритву» охранника. Все трое остановились, проницательно осмотрев

Вениамина Семеновича и Демина. Сорин бросил короткий взгляд в сторону Лили.

Заместитель Главного вспылил:

– В чем дело, Сорин?! Вы врываетесь в зал, не спросив,

уместно ли!

Сорин помедлил, молча повернулся и вышел. За ним неотступно последовали охранники.

Мрачный и озабоченный Вениамин Семенович поднялся. – Завтра в час дня встретимся тут же, – сказал он и вышел. Время тянулось тягостно. Теперь Лиля ни на минуту не покидала кабинет Демина. В

столовую ходили вместе, главную и единственную тему не затрагивали, боялись спугнуть приснившийся спасительный сон до его завершения, а в кабинете говорить запрещалось.

Говорить о будущем казалось кощунственно, все равно, что праздновать незаслуженную,

не наступившую радость. Ночь прошла в бессоннице, утро и завтрак – в замкнутости. Чем

ближе назначенное время, тем медленней оно шло. Потом как-то неожиданно, словно

проснулись, не говоря ни слова, они пошли на встречу. Вениамин Семенович ждал их на

том же месте. Но теперь с ним была Лена.

– Времени в обрез, – без предисловий начал он. – Мы с Леной все взвесили, она права.

Вы, коллега, не сможете отстоять свое решение взять в работу вместо Лены кого-нибудь

другого. Геннадий Федотович поймет. Он знает мое отно-

шение к Лене. Поэтому я решил...

И что бы мне это не стоило, я готов... В общем, я успел сделать, что задумал. Вот... –

Вениамин Семенович вынул из папки два плоских конверта. На одном карандашом

написано «Лена», на другом – «Лиля». – Завтра воскресенье, здесь будет затишье, в охране

останется один человек. Утром за два часа до отлета в Штаты я открою ворота, – он

показал на металлическую торцевую стену зала, – заедет мой водитель на «Жигулях». Вы

должны оперативно сесть и успеть в аэропорт. Билеты и паспорта в конвертах. Будьте

осторожны, девочки, – волнуясь, он все время, пока говорил, неотрывно смотрел на Лену.

Она судорожно сжимала пальцы, из открытых глаз по щекам катились едва различимые

слезы. Лиля, онемев, молчала и, казалось, оставалась безразличной. Для Демина

происшедшее оказалось настолько неожиданным, что некоторое время он гипнотически

рассматривал заместителя Главного, словно пытался в нем увидеть что-то ранее не

узнанное, и не мог.

– Вениамин, – впервые он назвал его невольно неофициально, как самого близкого

человека. – Я в полной растерянности, коллега. Мне трудно вам сказать то... в общем...

что должен сказать.

– Не стоит, Сабуров, – с иронией подхватил он, усмехнувшись. Будьте осторожны.

Спрячьте документы. За вами и за мною следят люди Сорина. Эти конверты вручите в

самый последний момент, когда приедет машина. Учтите это, дружище! Сорин хитер, у

него в этом деле опыт огромный. Все, девочки. Мы здесь больше не увидимся. Надеюсь, в

будущем... – бросил он уже на ходу и скрылся за дверью.

Запрятав конверты в карман, Демин медленно приходил в себя. Женщины о чем-то тихо

перешептывались. По коридору слышались шаги. Демин слушал их приближение и всем

своим существом старался приглушить их звук. Но шаги неумолимо нарастали и

остановились возле двери. Потом последовал стук фалангами пальцев, и дверь

бесцеремонно распахнули. Стояли Сорин и один из охранников.

– Товарищ Сабуров, – произнес начальник охраны голосом хозяина, – вас требует к себе

Главный.

Демин внутренне собрался и сдержанно ответил:

– Разве не видите, что я занят с пациентами?

114

Сорин не ответил, продолжал стоять, и это означало, что главный охранник настаивает.

Демин внимательно посмотрел в его лицо и, не встретив на нем никаких признаков на уступки, сказал:

– Ну, хорошо. Женщины, я вас жду у себя... скажем, через час.

Они шли по длинному коридору, он показался Демину еще длиннее, чем в первый раз,

думал, что судьба так предательски к нему и несправедлива к несчастным женщинам, что

даже сам Дьявол, породивший эту Страну, позавидовал бы.

Но когда зашел в кабинет, успокоился, услышав приглашение сесть. Охрана вышла и

Главный, сидя так же к нему спиной, сказал:

– Уважаемый профессор, хочу вам сообщить интересную вещь. Завтра в Главном

лектории состоится Ученый совет. Вы даже не догадываетесь, на какую тему, коллега!

– Теперь догадываюсь, Геннадий Федотович. По пустякам вы бы меня не вызывали.

– О! Вы проницательны! Да, вы правы. На вашу тему или точнее – на предмет вашей

диссертации. Как вы на это смотрите?

– Досадно, Геннадий Федотович.

– Понимаю, товарищ Сабуров. Понимаю, – сказал он, улыбнувшись с демонстративной

ехидцей. – Но это ничего. У вас гораздо выгоднее положение: вы экспериментатор!

Чувствуете? И ваша работа пойдет гораздо быстрее и плодотворнее.

– Может быть...

– Что значит, «может быть»?!

– Есть некоторые мне не известные подводные камни.

Главный на секунду призадумался и вдруг воскликнул:

– Так в чем же дело, Сабуров?! Кто вам мешает поехать и поучаствовать в дискуссии, а?

У Демина сердце оборвалось, он с трудом, еще не веря своим ушам, сдержанно

ответил:

– Пожалуй, вы правы. Было бы не плохо. И к тому же, узнать их методику.

– Вот именно. Отправляйтесь завтра к одиннадцати. С вами будут два охранника.

Творческих успехов. У меня все.

Дочитав последние строки, Евгения разочаровано спросила:

– Это все?..

– Может быть, – неопределенно ответил Роберт.

– Что значит, «может быть»? – расстроено возмутилась Женечка, – что с Лилей и

Леной? Доехали они до аэропорта? Улетели?

Роберт улыбнулся, ему было приятно, что его читатель так искренне выразил свои

чувства, к тому же – словами героя. Значит, не зря старался, значит придуманное похожее

на правду! И он ответил тоже искренне:

– Конечно, улетели, и теперь они в безопасности, дорогая моя! Не волнуйся, все в

порядке, – заверил он, надеясь на убедительность своих слов. Но не тут-то было! Женечка

взвилась всерьез:

– Да как ты смеешь так утверждать?! Ты спрашивал у Вениамина Семеновича, все ли в

порядке с ними?

– Конечно, спрашивал, – тоже вполне серьезно ответил Роберт. – Ты мне лучше вот что

скажи: можно в таком виде нести в издательство эту вещь?

Евгения задумалась, наклонила голову, словно прислушивалась к внутреннему зову,

сказала волнуясь:

– Роберт, это серьезно. Я за тебя боюсь. Посоветуйся еще с кем-нибудь. Чтобы, дай Бог,

твоя выдумка осталась выдумкой. Во всяком случае, попытаться можно.

– Так и сделаю, – сказал он улыбаясь.

После вычитки и перепечатки текста, поглотившего более двух недель, он сидел в

кабинете главного редактора отдела прозы, Галины Васильевны, фамилию которой потом

он не хотел даже вспоминать, как всегда имеющую привычку в присутствии автора

поверхностно знакомиться с первой главой произведения, наблюдая за выражением ее

115

лица. Но когда она растерянно оторвалось от печатного листа, он услышал то, что и

должен был услышать от главного редактора:

– Вы сами-то понимаете что написали?

– В общем-то да.

– Вот именно, что «в общем»! Это что же, по-вашему, получается? Разгуливающие на

свободе «зэки» сажают за решетку светлые умы Советского народа?! Да возможно ли

такое в нашей стране?! В демократической стране развитого социализма?!

Эпилог

Главным требованием, чуть ли не основным, в режиме проведения дня и ночи, для

Виктории был глубокий своевременный сон. Он зависел, прежде всего, от душевного

спокойствия. Но то, как прошла эта ночь, трудно было объяснить какими-либо логическими формулами, поверхностно с лету не определить причин, тем более была какая-то тяжесть в голове не проснувшегося сознания. Такое состояние Виктория пережила пять лет назад. Долго, очень долго не могла одна засыпать в осиротевшей квартире после гибели родителей и спас ее от психиатрической больницы близкий единственный друг, тогда только случайный знакомый, ее милый Тэд, ее ангел-хранитель.

Он ей сказал: «Хочешь увидеть своих родных – займись собой. У тебя есть дар и он тебе поможет увидеть их, когда захочешь. Я об этом немало читал и совершенно уверен, что это правда.» Вот что спасло ее от падения в пропасть! Что же теперь случилось с ней? Что или кто вывел ее из равновесия? Половину ночи она провалялась на своей полужесткой постели, даже захотелось на мягкую тахту, где не помнит когда и заснула. Весь распорядок нарушился сразу. Это теперь похоже на скорую помощь, где нужно было выполнить несколько восстановительных действий, главное из них – немедленно уйти в медитацию,

чтобы обрести более просветленный ум, а потом осветиться под прохладным душем. Вот и все. Все утреннее системное отпадает: зарядка Праной, сосредоточение над целью, а цель – Евгений, его работа. Виктория подумала, как можно было бы хоть частично спасти создавшееся положение, но, усмехнувшись самой себе, заметила, что события у Евгения не будут ждать ее, пока она обретет свою форму, как спортсмен перед состязанием. Кроме того, напоминание о Евгении неожиданно поселило неприятный ранимый осадок в груди – напоминание о каких-то переживаниях во сне, которые проходят утром не сразу. Но сна не было, а была реальность, сам Евгений, его непосредственный характер, симпатичный акцент русского, скромность, которая редко встречается в ее жизни, особый мужской запах сильного волевого человека, еще не знающего себя в себе, в своей жизни. Он был на год старше Виктории. Он постоянно, не только по работе, присутствовал рядом, буквально «сидел в ней», но не как отвлеченное лицо, за которым она установила слежку, а соучастник ее ежеминутной жизни, спрашивал и отвечал на вопросы, ходил

рядом, смеялся вместе с ней и помогал ей по мелким домашним проблемам. Какая тут может быть работа независимого невидимого наблюдателя в лице Виктории, если он не там, а здесь, она в полной изоляции от окружающего его мира, словно в принудительной клетке, откуда не дают, не только выйти, но даже мысленно представить себе другую обстановку! Что это с ней?! Не она им интересуется в его контактах с субъектами, а он ее интересуется как необходимый человек в ее жизни. Это личное, это собственное ее, требующее активного действия, а не пассивного наблюдения. А это то, что у всех людей, не имеющих ее способностей. Это то, от чего она уходила все дальше, что мешало работе, чувство эгоистичных желаний, чувство собственности на любовь! Любовь только к одному человеку – это, прежде всего эгоизм удовлетворения собственных чувств и привязанность. Да, это хорошо, но не для нее. Неужели она влюбилась? Если это так, то ей

116

конец, конец Прорицательнице, конец необыкновенному ее Астральному телу в мире, без которого она уже не может, в мире, где нет места лжи,

насилию, бедности, пороку. Теперь

Виктория узнала в себе двух людей – одаренного новым счастьем и глубоко несчастного, лишенного прежнего своего состояния.

Закончив медитацию на восстановление спокойствия, и целомудрия она почувствовала,

что сможет продолжать работу. После короткой подготовки она ушла в Астрал и собрала

сведения о текущих событиях своего клиента Евгения. Она определила пособника его дел,

затеявшего преступную акцию ради выполнения задачи, поставленной Евгением. Самому

Евгению это не может понравиться. Он не сможет с этим смириться. Поэтому нужно

Евгения подготовить, чтобы он в силу своих убеждений не сорвал задание, отчего ему не

поздоровится на своей работе. Кто этот пособник, еще предстоит узнать. Она была

убеждена, что это не Тэд. Тэд иного характера, он чем-то похож на Евгения.

Вскоре позвонили в дверь. Евгений был празднично одет, с шикарным букетом роз. Она

– в атласном халате, как и в первую их встречу.

Виктория подумала, что он все-таки воспринимает их совместную работу несерьезно.

Это было, к сожалению, так, и его слова «приударить за

желанной женщиной», выходит,

не шутка, а самая что ни на есть реальность. Она так подумала, но почему-то не только не

огорчилась, но тайно обрадовалась и неосознанно расположилась к дальнейшим событиям.

Евгений вручил ей цветы и неожиданно обнял и поцеловал в губы. Она обмерла. Нет, не

от неожиданности, от необыкновенно приятного чувства, вскружившего голову. Сравнить

с поцелуем Тэда просто невозможно. То поцелуй отца, матери, брата, тети, дяди... Поцелуй

Евгения чем-то похож на экстаз себя ушедшей в путешествие вне тела, когда не

чувствуешь свои физические части – рук, ног до того момента, пока о них не подумаешь

для дела. Привкус его рта сводил с ума, как выражаются в банальных любовных романах,

«ноги подкашивались».

Виктория удивилась сама себе: оказывается, она спонтанно приготовила для встречи

что-то похожее на обед. За столом они говорили о чем угодно, но только не о деле.

Виктория умышленно это оставила на потом, она знала, что еще успеет и ничего не

упустит. Придумывать тему не приходилось, Евгений был

полон событий в стране

советов, самых интересных и неинтересных, где любое неосторожное слово сулило, по

меньшей мере, пожизненную каторгу. За едой пришлось выпить хорошего вина,

разбавленного водой, он – наоборот – неразбавленные виски. Виктория еще раз пережила

сумасшедшее чувство полной потери себя и была готова отдаться в любую минуту.

Евгений вел себя как мальчик, то ли стеснялся, то ли был настолько «воспитан», что не

хотел показаться нахалом, обнимал, нежно прижимаясь к ее груди своей волосатой в расстегнутой рубашке.

Как и ожидалось, до акта не дошло. Не тот был «клиент», который мог так

безапелляционно использовать женщину для своих плотских желаний! Евгений другой

человек и Виктория знала, что он сгорал от нежности к ней, от страстной любви, как Тэд,

и природно не в состоянии был поступать иначе.

Их встреча завершилась деловой обмолвкой. Виктория предупредила Евгения о том, что

есть субъект, помогающий им с Тэдом, но теми методами, какие могут не понравиться ни

ему, ни Тэду. Об этом лучше не говорить Тэду, но всегда

иметь в виду, не нервничать, если что-то не понравится.

Они расставались на сутки, у двери Евгений осторожно отвернул ее халат, поцеловал в губы, подбородок, шею, грудь. Тут она не выдержала и, вскрикнув, схватила его голову и прижала к себе.

Эту ночь она даже и не предполагала, как проведет.

*

117

Она в ужасе проснулась среди ночи. Мысль, пришедшая к ней в полубреду с вечера,

предстала явственно и трезво со всеми требованиями выбора сейчас. Виктория поняла,

что гибнет. Здесь на земле полюбив, она уже не сможет остаться такой, как была, она

потеряет свою способность, потеряет приобретенное Освобождение и Достижение,

потому что вынуждена будет отдать всю себя любви. Значит, ей предстоит стать такой, как

все. Ей больше не быть свободной астральной птицей, способной видеть мир истинным,

таким, каким не видят его другие. Ее новое существование на земле нарушит основные

заповеди Победителя в Истине, и это приведет ее к гибели. Есть только одно спасение,

чтобы не утратить достигнутое и не упасть в иллюзорный земной круговорот – уйти в

Астрал и не вернуться.

Виктория подошла к двери, открыла и поставила на предохранитель замок. Затем легла

на свою рабочую лежанку и с мыслями посетить вначале Тэда, а затем Евгения, отправилась в путь.

*

Днем позже Тэд сидел за столом в квартире у Виктории. Дорош ему сообщил, что утром

Виктория не выходила на лоджию встречать солнце, и это показалось телохранителю неправильным.

На улице был такой же солнечный день, не жаркий и не холодный, по-прежнему

звучали жизнерадостные голоса прохожих, так же мирно ритмично работал транспорт, и

была полная убежденность, что все магазины и почтальоны функционировали с такой же

уверенностью, как и всегда, ибо не было причины, какая могла бы изменить упрямую цивилизованную жизнь города.

Перед Тэдом на столе лежала записка Виктории, в которой аккуратным

каллиграфическим почерком было написано: «Дорогой

Тэд! Когда ты будешь читать эту записку, я увижу твое лицо. Мне будет очень плохо, если оно окажется тоскливым. Ночью я была у тебя дома, видела твою сестру, она у тебя хорошая мама, я знаю, у нее будет приличный муж, я обнимала и целовала тебя, сказала много больше, чем написала в этой записке. Я тебе говорила, что виновата перед тобой, не смогла тебя сделать счастливым.

Прости меня, дорогой. Я не смогла тебе дать того счастья, какое ты дал мне. Но я так старалась! Передай привет Евгению, твоему прекрасному другу. Не волнуйся, милый, я с ним не спала. И чтобы не сделать тебе больше боли, чем есть, и сохранить для тебя прежнюю Викторию, уйду в вечность. Так лучше и для меня. Целую тебя, милый. Ты этот поцелуй будешь чувствовать, если захочешь, почти каждое утро»...

И внизу приписка: «P.S. – жаль, что не смогу быть свидетелем у Дороша на свадьбе».

Тэд едва сдерживал себя. С наплывом слез на глазах усмехнулся доброй улыбкой, вспомнив слова Виктории, – «когда будешь читать, я увижу твое лицо»...

Потом прошла еще неделя, они с Евгением успешно вы-

полнили работу: «Кобру»

обезвредили, работу Владимира Назарова и Роберта Корнева вернули домой. Каждый

получил свое, и даже Томас не остался обделенным – где-то на последней странице какой-

то газеты была напечатана заметка о том, что частный самолет, в котором оказался один

пассажир, Томас, потерпел крушение и разбился в горах...

... но продолжение следует....

* Норбу – Тибет. (Слоб-дпон-Мтшамс-Апанорбу), что означает Гуру-отшельник,

Самоцвет.

* Сайдакар – коктейль из коньяка, апельсинового ликера и лимонного сока.

* Фетиш – это слово производное от португальского *feitico*, означающего «делать».

Определяет нечто сделанное руками человека и обладающее большой силой. Считается,

чем большую ценность имеет предмет, тем большей силой он обладает. Самые

эффективные из них – части человеческого тела и предметы человеческого обихода.

Фетиши используются как в белой, так и в черной магии.

* Маджнун – одержимый, движимый чужой волей.

* Тантра-Ваджраяна – одно из направлений эзотерического учения на Пути к

Сущностному Освобождению и Совершенству.

* «Бардо Тёдол» – «Тибетская книга мертвых».

* Сукхасана – удобная поза, напоминающая позу «лотос» или «по-турецки».

* Шестой Дхйани Будда – или Дордже Чанг – держатель скипетра, первый из Небесных

Будд, высший Господ Пяти Дхйани Будд.

* Дхарма-Кайа – в психологии коллективное бессознательное, матрица, материнское чрево всего сущего. В Буддизме – состояние абсолютной просветленности, истинный

Закон, Божественное Тело Истины. Первое из Трёх Тел Будд.

* Тронг-Джуг – перенесение и одушевление сознания из одного тела в другое насильственно или по согласию.

* Превращение – это мистический процесс возвышенной йогически вызванной визуализации, проявление глубокой медитации – Самадхи.

* Три Области – три области, на которые буддисты подразделяют Космос.

СЕРИЯ КНИГ «НА ГРАНИ»

Земля катится под откос. И в этом виноват Человек. Уско-

ря неумолимый бег, Земля

приближается к социальной и экологической пропасти. И то, и другое не может быть не

связанным, как и то, что человек – составляющее природы. Но видно, в интеллектуальном

отношении этот великий человек безнадежно отстал от развития Земли и не способен

справиться с надвигающейся катастрофой. Он самоуверен и совершает роковые ошибки в

быстро текущей ситуации. Его действия чаще противоположны правильным поступкам.

Серия романов «На грани» – книги антитерроризма, глобальная тема современности –

охватывает события на Украине, в России и Miami, связанные с бандитизмом и

международным терроризмом. В сюжете – о причине мирового зла, о прошлом, настоящем

и будущем, о Совершенстве человеческого разума, судьбы героев в социально-

политическом угаре, преступление против личности, ненависть и Любовь.

Книги серии «На грани» – безвременны и претендуют на современность от прошлого к

будущему. Но скорей всего, они плохо относятся к году издания, протестуют против своего

года рождения. И это справедливо.

Document Outline

Вариант для криминала

Москва, Научный Совет

Лубянка

Miami,

Иллюзия Земли

Не судите, Да не судимы будете

Тень реальности

Прорицательница

Созерцание внутреннего света

Знакомство с дьяволом

Встреча

Растрата заслуг

Клиент

Возвращение плохой кармы

Незванный гость

Каждому свое

Тэд и Гарди

Званный гость

Реальный мир

Расстановка сил

Действие – наработка новой кармы

Родственность душ

Наяву ли...

Мона

Иллюзия явления

Ведьма

Харьков, Роберт

Эпилог